

Абдулла Каххар

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Повесть

1

Начинало смеркаться. У райкома остановился запыленный «газик»; из него вылез пожилой человек в очках и не по возрасту быстро взбежал по райкомовской лестнице. Однако на первой площадке он все-таки остановился, отряхнул полы коверкотового макинтоша, сбил пыль с брезентовых сапог, снял соломенную шляпу, вытер платком вспотевший лоб и только после этого быстро, но уже не таким мальчишеским шагом поднялся на второй этаж.

Тахира Насырова избрали секретарем райкома совсем недавно, и он с утра до вечера колесил по району, знакомясь с людьми и свыкаясь со своим новым положением.

Проходя через приемную все тем же не по возрасту быстрым шагом, он поклонился на ходу своему помощнику — привставшей при его появлении высокой и тоненькой девушке, на вид лет двадцати, самое больше? двадцати двух,— и скрылся в кабинете.

Девушка торопливо поднялась и тоже прошла в кабинет вслед за ним, захватив с собой заранее приготовленную пачку газет и журналов и лежавшую поверх них папку в аккуратной-преаккуратной красной обложке. Положив все это на стол секретарю, она открыла окно. В душный, накалившийся за день кабинет рванулась струя уже похолодевшего вечернего воздуха и пряный аромат базилики, похожий на запах дыни. Кабинет сразу перестал быть кабинетом: в нем зачирикали воробьи и зажурчал арык.

Под красной обложкой лежали накопившиеся за день бумаги. Насыров просмотрел несколько верхних, налил в пиалу из холодного потного графина немножко остуженного чая, сдвинул на лоб очки и посмотрел на девушку долгим, как ер! показалось, испытующим взглядом.

Она нерешительно остановилась, не зная — уйти или остаться.

— Вы хотели что-то сказать?..

— Да, пожалуй... а впрочем, после...

— Хорошо.— Она хотела выйти.

Но в последнюю секунду он остановил ее.

— Ладно, Саидахон, так и быть, скажу вам сейчас. Присядьте!

Саида села, осторожно расправив подол платья: платье было простенькое, из дешевого ситца, но хорошо сшитое. Достав из карманчика бархатной в полоску безрукавки чистенький, не начатый блокнотик, Саида положила его перед собой и, по-детски уперев в подбородок кончик остро отточенного карандаша, выжидательно взглянула в лицо Насырову. Она была очень деятельна, очень аккуратна и слишком молода для того, чтобы скрыть свое маленькое невинное самодовольство.

Одним духом осушив пиалу янтарного холодного чая и со стуком поставив ее на настольное стекло — он был враг медлительности и в более серьезных вещах,— Насыров быстро потер ладонью свою гладко выбритую загорелую голову и, улыбнувшись, заговорил так, как он это делал обычно — без предисловий:

— Дорога! По ней несется машина! И вдруг она переезжает человека! Сбивает, переезжает, в общем, как говорит милиция,— нарушает! Спрашивается: что должно последовать за этим?

Саида даже вздрогнула.

— Господи, неужели ваша машина...

— Моя машина ни при чем. Я спрашиваю вообще: что должно за этим последовать?

— Ну, милиция должна остановить...

— А если машина намеренно сшибла как раз того самого милиционера, который должен был остановить ее, тогда что?

Саида недоверчиво улыбнулась. Все это начало казаться ей шуткой.

— А кто же этот отчаянный шофер? — спросила она.

— Арсланбек Каландаров!

Теперь Саида поверила: от такого человека, как Каландаров, можно было ожидать чего угодно.

Случай, о котором шла речь, произошел с председателем колхоза «Бустон» Арсланбеком Каландаровым совсем недавно, всего несколько дней назад.

Началось все с того, что этот, один из знатнейших председателей в районе (сам себя, впрочем, уже давно считавший единственным знатнейшим), купил еще одну новенькую пятитонку. Машина вполне могла попасть и в другой колхоз, но попала она именно к Каландарову,

проскочив у других мимо носа, и его по этому поводу просто-таки распирало от радости! Он по-хозяйски прогулялся вокруг машины, похлопал тяжелой рукой по матово-зеленому кузову, на который даже не успела еще осесть первая пыль, велел водителю поднять капот, послушал, как новенький мотор спел ему свою песню, и сам сел за руль. Посадив шофера рядом с собой, он сделал щегольский круг на площади перед правлением, а потом махнул по шоссе к райцентру. Сначала 10 он хотел проехать несколько километров просто так, от избытка сил и хорошего настроения, но гладкое, недавно асфальтированное шоссе так и тянуло прокатиться с ветерком, а Каландаров не любил отказывать себе в исполнении своих желаний.

Он ехал, мурлыча песенку, искоса глядя на летевшие мимо зеленые кусты и деревья и весело вбирая в грудь упругий, свистевший навстречу майский воздух. Тело его радовалось, а дух парил, как вдруг милиционер, торчавший посредине шоссе, нарушил его приподнятое настроение поднятием жезла. Каландаров вздохнул и остановил машину на обочине.

Оказывается, дожди размыли часть дороги впереди, там шел ремонт, и по распоряжению райисполкома всем шедшим в ту сторону порожним машинам предлагалось попутно забирать с собой порцию щебенки. Карьер был рукой подать, милиционер даже показал в ту сторону палкой.

Сдержки Каландаров свои чувства — и все бы обошлось: сидевший с ним рядом шофер, наверно, объяснил бы милиционеру, что машина еще не обкатана и на ней нельзя возить тяжелые грузы. Ну, может быть, еще немножко поспорили бы.

Но милицейская палка, сунутая в колеса его прекрасного настроения, слишком расстроила Каландарова для того, чтобы сдерживаться, он набросился на милиционера, не дав ему и рта раскрыть.

Милиционер обиделся и потребовал предъявить права.

Каландаров пропустил его слова мимо ушей и поехал.

Милиционер вскочил на подножку и ухватился за руль.

Каландаров сорвал с его головы фуражку и колесом пустил ее по дороге.

Милиционер встал перед машиной.

Каландаров вывернул руль и, наподдав милиционеру крылом, умчался на третьей скорости.

Милиционер вскочил на ноги и, раздувая щеки, засвистел так, что,

говорят, было слышно даже в районном центре.

А Каландаров в тот же день поехал с повинной в автоинспекцию...

На этом месте своего рассказа Насыров усмехнулся.

— Приехал, разыскал своего приятеля, милиционера, и стал просить у него извинения. А тот, оказывается, уже подал рапорт начальнику. Плохо дело! Но Каландаров не отступил. Уж он упрашивал милиционера и так и этак, подъезжал к нему и с одного бока и с другого: «Умоляю тебя, как мужчина мужчину, не веди меня к своему начальнику, не губи мое мужское достоинство, бери с меня какой хочешь штраф, только не допусти, чтоб я был опозорен!» И ласковый был и нежный и карман свой, говорят, раскрыл широко, как ворота... Словом, не пошел к начальнику! Оказывается, начальником инспекции женщина была... Вот какая история!

Саида злорадно фыркнула.

— Да уж,— сказала она.— Каландаров вот именно из тех председателей, про которых у нас на конференции говорили, что у семи нянек дитя без глазу!

— Ну, без глазу не без глазу,— усмехнувшись, сказал Насыров,— а осадок от встреч с ним у меня остался. Окончательного мнения пока не скажу, предварительное — избалован до крайности! Тут уж я поспорю с кем угодно.

— А что спорить? — сказала Саида.— Ведь раньше товарищ Кадыров — вы только не подумайте, что я хочу о нем плохо отозваться,— так баловал Каландарова, ну просто на руках носил! А почему, скажите, он сбил милиционера? Потому, что ему всегда все с рук сходило! А теперь спросите: почему он извинения поехал просить? Потому, что руководство сменилось. А вдруг не сойдет, как раньше сходило? Только поэтому и поехал! — Саида снова фыркнула,— Неужели правда, в автоинспекции теперь женщина начальник?

Ни Насыров, ни Саида — оба не преувеличивали. Человек, о котором они разговаривали сейчас в кабинете Насырова, действительно был избалован, и избалован давно.

Раз уж мы стали рассказывать о Каландарове, то придется истины ради начать издалека, с тридцатых годов, когда жил-был в районе один колхоз, не большой и не маленький, не из самых передовых, но и не из отсталых. Как говорили: крепкий; и его председатель — Арсланбек Каландаров в те времена вовсе не обижался на такое скромное определение. Наоборот, когда в тридцать девятом году кое- кому из

председателей дали ордена Ленина, а ему — лишь «Знак Почета», он был доволен и этим и скромно говорил: «Еще проживем, еще заслужим!»

Словом, тогда Арсланбек Каландаров был еще совсем не тем человеком, которого мы впервые в нашей повести встретили на шоссе за рулем новенькой пятитонки...

В сорок втором году в соседнем с Каландаровым большим колхозе «Бустон» были раскрыты крупные хищения. К сожалению, главным проворовавшимся оказался сам председатель. Верили, верили человеку, а он взял да и засунул руку в общий карман.

Тогдашний председатель райисполкома как раз уходил на фронт. Подумал он, подумал — а долго думать было по военному времени некогда — и вызвал к себе Арсланбека Каландарова, скромного председателя скромного, но крепкого колхоза. «Я уезжаю,— сказал он Каландарову,— вас знаю давно, и если бы вы согласились вот тут, не сходя с места, взять на себя колхоз «Бустон», у меня была бы спокойней душа там, на фронте!»

Каландаров очень взволновался и даже немножко испугался перспективы руководить таким большим хозяйством — это был еще не тот Каландаров, каким мы его знаем сейчас,— обнял председателя райисполкома и сказал: «Не знаю, все ли сумею, но все, что сумею, сделаю! Поезжайте, и пусть у вас будет спокойно на душе».

Председатель уехал и через два года был убит, а Каландаров через два года выполнил свое обещание — сделал все, что смог, а смог больше, чем сам думал. Два года он не знал разницы между днем и ночью, но колхоз «Бустон» встал на ноги. И когда председателя райисполкома на фронте посмертно наградили орденом Боевого Красного Знамени, Каландарова наградили орденом Трудового.

Уже незадолго до конца войны уехал на фронт и старый секретарь райкома, а на его место был прислан Рустам Кадыров, очень еще молодой человек, слишком молодой.

Район был большой, секретарь молодой, а колхоз «Бустон» - самый крупный в районе. Всюду побывать трудно, в одном месте бывать легче! Всех людей узнать трудно, одного человека знать легче! И зачастил молодой секретарь в колхоз «Бустон», а в колхозе «Бустон» зачастил к Каландарову: ведь пока всех обо всем расспросишь! А председатель все сразу сам расскажет.

Если при прежнем секретаре чаще слышалось слово «Бустон», чем фамилия Каландарова, то при новом секретаре наоборот: слово

«Бустон» слышалось все реже, а имя Каландарова не сходило с уст. Он уже и в первых рядах, как бывало прежде, не сидел на районных совещаниях, а сразу, привычно шел в президиум. И с разными людьми, приезжавшими из области, даже и из Ташкента, чувствовал себя весьма свободно, перешучивался и переглядывался, сначала просто так, а потом и специально, чтобы все кругом видели!

А потом одна из ташкентских газет напечатала целую статью своего корреспондента о колхозе «Бустон». Эх и статья была! Трудно было удержаться Каландарову, чтоб не вырезать и не повесить ее на самом видном месте, да он и не выдержал — повесил!

Хотя статья и называлась «Бустон», а по-русски — цветник, но цветника в ней никакого не было. Был в ней только один цветок Арсланбек Каландаров. И это, мол, сделано Арсланбеком, и то, мол, им придумано, и се запланировано! Арсланбек, стоя на грядке, скромно улыбнувшись, сказал то-то и то-то! Арсланбек, прищулив свои пронизательные глаза, предложил то-то и то-то!

Секретарь райкома товарищ Кадыров сам привез в «Бустон» газету, обнял Каландарова и в присутствии немножко удивленных колхозников даже назвал его Арсланом — львом колхозных полей! Кто же будет недоволен, если руководящие работники называют тебя львом! Каландарову очень понравилось изречение секретаря. Да и самому Кадырову оно, как видно, казалось удачным. Плохо, что ли, иметь льва в районном масштабе?!

В общем, с той поры Каландаров, а вместе с ним и колхоз «Бустон» окончательно сделались любимцами Кадырова. Да и что греха таить, остальное районное руководство тоже в этом не отставало.

Говорят, что руководящим работникам не положено проявлять к своим подопечным такую вот любовь с первого взгляда, но что поделаешь? Не положено, а бывает! По всякому поводу, а порой и без повода стали районные руководители все чаще направлять свои стопы в «Бустон», а где чаще бываешь, там и дорожка проторена, а по проторенной дорожке и ездить легче. Так одно за другое и цеплялось! Дошло до того, что стало обычаем оказывать «Бустону» и духовную и материальную поддержку за счет других, соседних колхозов; даже и жалобы, говорят, на это были, но ведь, если характер твердый, жалобу недолго и под сукно положить...

Уж гостей бывало в «Бустоне»! Прямо хоть специальную бригаду для их приема выделяй!..

Из области гость приедет — в «Бустон»!

Из республики гость приедет — в «Бустон»!

Приедет в райком фотограф, журналист или писатель, спросит: куда бы поехать? Кадыров повертит пальцем у лба, словно и в самом деле размышляет — куда бы? А сам уже давно решил куда,— куда же еще: в «Бустон»!

И вышло наконец так, что Каландаров оказался под крылышком не только у районных руководителей; и в области и даже в республике достаточно нашлось крыльев, под которыми он мог чувствовать себя в безопасности, или, как в старину говорили, «был огражден от сабли и от пули».

Вот о каком человеке говорили сейчас Насыров и Саида: пересказывать весь их разговор целиком было бы слишком длинно, но конец его все же надо привести полностью, ибо конец этого разговора, в сущности, и есть начало нашей повести!..

— Самое скверное,— сердито сказал Насыров, — что ему удастся делать все, что его левая нога захочет. За три года пять раз в колхозе партийные секретари менялись, и каждый раз та же песня: Каландаров настаивал. Каландаров каждый раз настаивал, а райком каждый раз соглашался. Изберут секретаря из коммунистов колхоза — Каландаров крутит и вертит им как хочет. Изберут секретарем коммуниста, направленного райкомом,— Каландаров его поедом ест, выживает. Да что же это такое, в самом деле? Что ему партийная организация — конь, что ли, на котором можно верхом ездить? Там один бригадир, Зульфакаров,— ты, наверное, о нем слышала,— но рассеянности женился, забыл, бедный, что у него одна жена уже есть, а сам, между прочим, кандидат в члены партии! Когда поставили о нем вопрос на бюро, Каландаров полтора года волынку тянул, всякими правдами и неправдами снимал вопрос с повестки! Ну и правление колхоза он, разумеется, тоже оседлал, одно к одному: едет верхом, да еще и покрикивает!

— Говорят, правда, что сам он неплохой организатор,— наконец вставила словечко Саида, начавшая уж было недоумевать, почему секретарь так подробно делится именно с ней своими мыслями о Каландарове.

— Верно, организатором быть большое дело,—сказал Насыров,— но плохо, когда за организатором организуемых не видно! Ему бы незаметным дождем на посевы падать, а он их, как высокий забор, от

белого света загораживает! Бывают у нас еще и такие организаторы.

Насыров замолчал и сердито и быстро пробарабанил пальцами по столу обрывок какой-то песенки.

Подумав, что разговор окончен, Саида поднялась.

— Сидите,— остановил ее Насыров.— Это все так, предисловие, самого главного я вам еще не сказал. Мы вчера посоветовались на бюро и решили рекомендовать нового секретаря в колхоз «Бустон». И знаете кого? Вас. На годик хотя бы, пока в самом колхозе не подготовите себе добрую смену.

Саида привстала, совсем по-детски, широко раскрыв от изумления глаза и рот, обхватила руками голову и, можно сказать, упала на стул.

— Тахирджан-ака! — только и смогла проговорить она.

Насыров рассмеялся.

— Знал, что удивитесь, но не думал, что испугаетесь.

— Но ведь я... разве я справлюсь? Нет! — воскликнула Саида с горькой убежденностью.

— Это почему же?

— Да ведь Каландаров меня и всерьез не примет!

— А это уж его дело! Скажу вам по секрету, что к нам недавно приезжали несколько коммунистов из колхоза «Бустон» и вполне серьезно просили нас рекомендовать им нового человека на пост секретаря. И мы тоже вполне серьезно хотим рекомендовать вас. А уж всерьез или не всерьез примет вас Каландаров, — это, повторяю, его дело.

Саида молчала, повесив голову.

— Давайте, давайте, возражайте, пока не поздно! — по-прежнему весело поддразнил ее Насыров.

— Да как же это, ведь я женщина...— вдруг чуть слышно сорвалось у Саиды, прежде чем она успела прикусить язык.

— Ой, ой, ой, доченька, вот уж от кого не ожидал этих жалких слов,— сказал Насыров, изобразив в голосе страшное удивление, хотя на самом деле был совсем не так уж удивлен.— «Я женщина, существо слабое и беззащитное...» Не это ли намеревались мне сказать? Или я ослышался? Ах, как хорошо мы вместе с вами научились осуждать старинный взгляд на женщин как на слабые существа, не заслуживающие лучшей участи! Ах, как мы научились гневаться на калым, многоженство и считать все это оскорблением не только женщин, а куда там — всего человечества! Но вот мы от слов переходим к делу, и это

дело поручают вам, и вы спешите мне заявить, что вы слабая женщина!.. Конечно, вы не богатырь, так же, впрочем, как и я, но неужели же вы, девушка, коммунистка, не чувствуете, что, если вам будет трудно, за вашими плечами встанет общество, партия, государство? Неужели у вас нет этого чувства? Если нет, то, конечно, какой из вас секретарь! Вы и в личной жизни без этого чувства не сможете сделать смелого шага! А что уж там говорить о споре с таким львом, как наш Арсланбек Каландаров! Нет, видно, плохо вас воспитал комсомол и в партию передать поторопился... Если, конечно, я не ослышался, если вы действительно слабая, беззащитная женщина...

Саида подняла голову и выпрямилась гордо, даже чуточку сердито.

— Простите, Тахирджан-ака, это просто у меня нечаянно с языка сорвалось. Конечно, я растерялась, потому что все-таки это слишком неожиданно! Но я сделаю так, как решит бюро. И я ничего не боюсь. Нет, неправда, боюсь, но это неважно! Подумайте только о положении моей семьи. Не помешает ли оно... Я не отказываюсь, но прошу вас подумать.

Но Насыров, кажется, не собирался думать. Наверно, он подумал уже раньше, а сейчас собирался ответить, и ответить сразу...

Однако ему помешали: дверь кабинета скрипнула, и в ней появилось худощавое лицо Арсланбека Каландарова и его известные на весь район длинные, как сабли, черные усы.

— Можно войти? — сказал Каландаров с видом человека, спрашивающего «можно» только из вежливости,— Вы, говорят, были без меня в колхозе...

Пожалуйста, пожалуйста,— радушно сказал Насыров.— Вы как нельзя более кстати...

Саиде показалось, что он при этих словах чуточку, самую малость, усмехнулся. Впрочем, может быть, она и ошиблась.

— А вы,— обратился он к Саиде,— обдумайте все, что я сказал вам, а закончим наш разговор послезавтра.

Саида, выходя из кабинета, помимо своей воли,— хоть, как говорят, это и не пристало девушке,— остановила на Каландарове такой долгий взгляд, что он даже оглянулся. Грозный председатель не показался ей на этот раз таким уж грозным — только усы у него были действительно, как у льва. Что правда, то правда!

Саида вышла из кабинета секретаря со странным чувством. Хотя она и привела в качестве довода свое семейное положение, но сейчас не

только не перила, что бюро признает ее довод уважительным, но в глубине души даже не хотела этого. Представить себя секретарем партийной организации «Бустона» ей было не только страшно, но и — вообразите себе! — радостно.

Весь конец рабочего дня прошел как в тумане; что бы ни делала Саида — отвечала ли на телефонные звонки, бегала ли в кабинет и из кабинета с разными бумажками, — она толком не видела и не слышала, что происходит вокруг нее.

Дела шли своим чередом, а тем временем в мыслях своих Саида уже шла по колхозным полям в сапогах и ладно сидевшей на ней гимнастерке. И где бы она ни показывалась, всюду ее окружали колхозники, говорили с ней обо всем, что у них накопилось в душе, слушали ее собственные зажигательные речи, стараясь не проронить ни звука.

Словом, к тому времени, когда красный и злой Каландаров выскочил из секретарского кабинета, Саида уже наладила партийную работу в колхозе, завоевала себе прочный авторитет и только еще колебалась, как дальше повести дело с председателем: добиться окончательного исправления, не снимая с должности, или перевести его на общем колхозном собрании из председателей в бригадиры?

Совершенно не подозревавший всего этого Каландаров прошел мимо Саиды как ни в чем не бывало и, искоса глянув на нее, буркнул: «Салам».

Разговор с секретарем был, видно, из тех, что на время отшибают память. Каландаров просто-напросто забыл, что уже видел сегодня Саиду и даже здоровался с ней в кабинете секретаря.

Однако Саида поняла его вторичное приветствие по-своему: «Наверное, Насыров сказал ему обо мне!»

Шел уже одиннадцатый час, когда Саида вернулась домой. Тетка Саиды сидела во дворе на глиняном возвышении, которое называют супой, и дремала, заждавшись племянницы. Отец Саиды

Али-бобо сидел на своей сплетенной из веревок кровати и, отвернувшись лицом к дувалу, как всегда, раскачивался из стороны в сторону, тихо и мерно, словно читал наизусть Коран.

Много лет назад Али-бобо зарезал свою жену, и Саида выросла на руках вот у этой самой, сидевшей сейчас во дворе, тетушки Тутынисы.

Сколько же лет было тогда Саиде? Этого она не помнит, смутно помнит только, что в тот вечер была большая-пребольшая луна и они со старшей сестрой Каримой и другими девчонками и мальчишками

квартала бродили от калитки к калитке и пели. Саида, вырываясь из хора, выводила песенку своим тонким и чистым голосом, и вдруг сзади, с их двора, раздался чей-то вопль, полный смертельной тоски.

Сестры побежали домой. Там уже никто не кричал. Все было тихо, только висевшая на айване керосиновая лампа раскачивалась, словно ее только что задели, и мутное пятно света то взад, то вперед проползало по земле...

Подойдя ближе, Саида увидела на пороге айвана чье-то лежавшее навзничь тело со странно повернутой в сторону головой.

— Ой, мама, что с вами, встаньте! — вскрикнула Карима и потянула лежавшую за руку. Саида тоже бросилась к матери, но поскользнулась и упала в лужу крови.

Остальное Саида не помнит. Она пришла в себя уже в соседнем кишлаке, в доме тетушки Тутынисы. О том, что случилось, ей уже много позже рассказала старшая сестра: их мать поступила на открывшиеся при сельском совете курсы по ликвидации неграмотности, отец был против; он избил ее и запретил ходить. В тот кровавый вечер мать пошла заниматься тайком.

Суд приговорил отца Саиды к расстрелу, но в Ташкенте приговор заменили десятью годами заключения.

Так рухнула их семья. Продав оставшийся сиротам дом, Тутыниса уехала с ними в свой родной кишлак. Уже там, как раз в год, когда началась война, Карима окончила десятилетку и поехала учиться в Самаркандский медицинский институт.

Все шло своим чередом. Окончив институт, Карима поехала работать врачом в Мирзачуль, в Голодную степь, и через два года вышла там замуж за райкомовского работника.

Жизнь и смерть, как всегда, шли об руку, сменяя друг друга: в годы войны пришло извещение о гибели сына тетушки Тутынисы, а вскоре после войны умер ее муж. Теперь, в свою очередь, Карима решила взять к себе осиротевшую тетку, а вместе с ней и все еще жившую у нее Саиду.

Шли годы... Саида тоже окончила десятилетку, стала комсомольским работником... Как-то летом Карима поехала с мужем на курорт и там встретилась с двумя своими односельчанами. Слово за слово — и вдруг Карима услышала от одного из них, что он два года назад своими глазами видел ее отца. Отбыв срок наказания, отец вернулся в родные места и работал чистильщиком сапог на станции Карасу...

Перед глазами Каримы снова возник тот страшный кровавый вечер, но вдруг она, содрогнувшись, представила себе отца, склонившегося в пыли вокзала над чужими сапогами, седобородого, старого, всеми забытого. Страшное воспоминание и горькое воображение столкнулись в ее бедном, растерявшемся сердце, она залилась слезами, и настоящее в конце концов победило прошлое! Не дожив в санатории неделю, Карима с мужем уехали. Муж сошел в Мирзачуле, а Карима поехала дальше, прямо в Карасу.

Когда поезд прибыл в Карасу, было утро. Она обежала перрон, торопливо вышла на привокзальную площадь, подошла к чайхане, снова вернулась на перрон — отца нигде не было. Она как потерянная бродила по станции — ведь отца видели здесь два года назад! Мало ли что могло случиться за эти два года...

Однако в середине дня, когда она уже почти потеряла надежду, вдруг вдали показался высокий старик. На плече у него висел черный сундучок, в руке он нес стул. Старик медленно шел, приближаясь к Кариме.

Да, это был он. На голове старая, облезлая тюрбетейка, на ногах солдатские ботинки, китель с чужого плеча, потертое на коленях галифе; плечи согнулись, борода побелела... и все-таки это был он!

Опустив на грудь голову и надтреснутым голосом бормоча слова какой-то незнакомой Кариме печальной песни, он прошел мимо нее в двух шагах, дошел до середины перрона, поставил свой стул рядом с газетным киоском, сел, раскрыл сундучок, вынул щетки, баночки с ваксой...

Сначала Карима хотела издали понаблюдать за ним, но не выдержала и подошла. Услышав, что кто-то приблизился к нему, старик, не поднимая головы, застучал по ящику щетками в такт песне, которую он бормотал себе под нос. Стук щеток звал прохожего поставить ногу на сундучок.

Карима наклонилась, она хотела прошептать, но вместо этого вскрикнула:

— Отец!

Старик замер. У него был такой вид, словно его ранило пулей и он не знает, жив ли еще или это пришла смерть. Потом он, медленно подняв голову, исподлобья посмотрел на Кариму. У него были красные, воспаленные глаза, и в них стояли слезы.

Карима нагнулась еще ниже, хотела что-то сказать — она еще сама

не знала что,— но старик именно в эту секунду ничком повалился перед ней на колени и страшно, навзрыд заплакал.

Карима с неизвестно откуда появившейся у нее неженской силой оторвала отца от земли и подняла на ноги. Теперь он стоял перед ней и продолжал плакать.

На какое-то мгновение слезы подступили к горлу у нее самой, но видение того страшного вечера вдруг остановило их, а поднявшаяся из глубины сердца ледяная волна смыла и унесла слезы, словно они и не подступали к горлу. Карима взяла себя в руки и, оглянувшись на нескольких уже приближавшихся к ним зевак, сурово сказала отцу: «Идем».

Старик молча пошел за ней, даже не сделав попытки нагнуться и забрать свой стульчик, ящик, щетки. До самой посадки в поезд они молча сидели рядом на скамейке в углу набитого людьми вокзала. Отец молчал, Карима тоже молчала. Так же молча вошел он в вагон, так же молча забился там в самый дальний угол.

С этого дня старик жил здесь, в Мирзачуле. Не было случая, чтобы он сам заговорил с кем-нибудь; когда же обращались к нему, он всегда отвечал односложно и коротко, не поднимая головы. На улицу он почти не выходил, а к вечеру, переделав все работы по дому, усаживался на свою плетеную кровать лицом к дувалу и начинал раскачиваться и бормотать что-то себе под нос.

Недавно мужа Каримы перевели на работу в Беговат. Кариме тоже надо было уезжать. Она хотела увезти с собой и отца, но старик был глух и нем ко всем разговорам о переезде. Он больше никуда не хотел двигаться!

Так вот и вышло, что Саида осталась в Мирзачуле со своим отцом и тетушкой Тутынисой вплоть до того самого дня, с которого началась наша повесть...

Как мы уже сказали, тетушку Тутынису одолевал сон, но в то же время ее одолевало любопытство: что-то это такое с Саидой? Чему она так рада, почему ее губы то и дело сами собой растягиваются в улыбку? Тетушка уже несколько раз примерялась, как бы исподволь выяснить это, но Саида уклонялась от ответа.

Почему, спросите вы? Потому, что Саиде пришла в голову простая мысль: вдруг она все расскажет тетушке Тутынисе, а та сразу спросит: «Неужели ты уедешь и оставишь меня одну с твоим полоумным отцом?» — и заплачет во весь голос. Тетушка Тутыниса если и плачет

изредка, то уж непременно во весь голос.

Обе женщины улеглись, но сон не шел к Саиде. Она все соображала, с чего ей начинать, если она поедет в колхоз, и наконец решила: надо записать сейчас все, что ей придется делать, а то ведь потом, когда начнется работа, некогда будет причесаться, не то что записывать!

От этой мысли ее охватило такое нетерпение, что она тут же засветила лампу, достала из комода самую толстую тетрадь и на самой первой ее странице записала: «Провести беседы с бригадирами. Вопрос о лекциях. Вопрос о проверке исполнения. Немедленно расследовать дело Зульфакарова...» Заполнив подобным образом целые три страницы, Саида немножко успокоилась, сунула тетрадь под подушку и задула лампу. Но стоило ей оказаться в темноте, как все новые и новые мысли стали приходить в голову одна за другой, причем каждая последующая была важнее предыдущей. Словом, Саида опять вскочила, вытащила тетрадь, зажгла лампу, и вставшая рано утром тетушка Тутыниса застала ее лежащей в постели и что-то торопливо строчащей карандашом в своей тетради.

Наверное, она писала там что-то очень интересное и смешное, иначе разве человек станет улыбаться самому себе, когда он пишет?

Обнаружив, что тетушка Тутыниса подглядывает за ней, Саида рассмеялась и сладко потянулась: только сейчас наконец ей захотелось спать.

— Что-то это ты все пишешь, дочь моя? — спросила любопытная тетушка Тутыниса.

— Ах, если я вам скажу, вы заплачете.

— Вот как, ты смеешься, а я буду плакать?

Саида закрыла тетрадь, собралась с духом, а уж собравшись с духом, без запинки, быстро-быстро выпалила все тетушке Тутынисе.

Есть у нас в стране и женщины — государственные деятели, и женщины-академики, и женщины-артистки, — словом, есть женщины, которых знает вся страна, и этому уже давно перестали удивляться, не удивлялась и тетушка Тутыниса, но все это одно дело. А совсем другое, когда не кто-нибудь, а именно твоя племянница должна ехать партийным руководителем в самый большой в районе колхоз. Вот это уж событие так событие! Такое не сразу в голове умещается.

Саида немножко боялась разговора с тетушкой Тутынисой, но она ошиблась: старуха, изведавшая на своей судьбе всю горечь прошлого, так щедро наделявшего женщин своей немилостью, не только не была

огорчена, а, напротив, горда за свою племянницу. Она крепко обняла Саиду и поцеловала ее в глаза.

— Зачем же мне плакать, доченька! И не подумаю плакать, рада буду, что ты так высоко вознесешься!

Бюро райкома состоялось на следующий день. Насыров перед заседанием еще раз поговорил с Саидой, получил ее согласие и только после этого вызвал к себе Каландарова и сказал ему, что райком подобрал хорошего человека на давно пустующую у него в колхозе должность заведующего клубом. Одновременно этого же человека райком рекомендует в секретари партбюро.

На этот раз Каландаров выскочил от Насырова не красный, а бледный. Подойдя к столу Саиды, он посмотрел на нее в упор и сказал не грубо, а еще хуже — презрительно:

— Такая слабенькая! Не надорветесь ли?

Как раз в эту минуту в приемную вошел закадычный приятель Каландарова Уммат Назаров — председатель соседнего колхоза «Социализм».

Не став дожидаться ответа Саиды, которая, по правде говоря, была даже рада этому, ибо все еще не нашлась что ответить, Каландаров потянул дружка в коридор и там, притиснув к стене, стал изливать свое горе.

— Посылают мне секретарем какую-то девчонку, когда у нас здоровых мужиков в полном соку хоть пруд пруди! Еще так-сяк, если б в кишлаке людей не было,— на нет и суда нет, и козла муллой назовешь! Но нет же у нас такого положения! А тогда зачем нам она? Просто позор и несчастье, да и только!

Назаров огляделся, нет ли кого поблизости, и, слегка выпучив глаза — он всегда так делал, когда что-нибудь казалось ему опасным,— тихо сказал:

— Зачем так говоришь? Думаешь, девушка слабенькая, как листочек,— подул и с ветки сдул? Смотри не ошибись! Она грамотная, комсомольским секретарем была, теперь в райкоме помощником работает. Слышал, даже инструктором хотели сделать. А не выйдет, что мы с тобой сами себе кажемся богатырями, но положи нас на одну чашу весов, а такую вот пигалицу на другую, вдруг, чего доброго, возьмем да и взлетим к небу вверх тормашками!

И осторожный Назаров насмешливо склонил набок голову, так и не дав своему другу до конца понять, серьезно он говорит или шутит.

А еще через день Саида выехала в «Бустон». Алибобо внес ее чемодан в автобус и, бормоча себе под нос свою вечную печальную песенку, стоял на остановке до тех пор, пока автобус не скрылся из глаз.

2

Когда Каландаров, бледный, вышел из кабинета Насырова, когда он сказал «такая слабененькая» и, наконец, когда он ушел шептаться с Назаровым в коридор, Саида поняла, что он не только не доволен рекомендацией райкома, но даже и не желает скрывать этого.

Саида с радостью сразу бы выпалила это товарищу Насырову. но боялась, что он поднимет ее на смех: «А, уже жалуетесь!» Однако она не теряла надежды все же выбрать подходящую минуту и поделиться с Насыровым своими мыслями. Такая удобная минута, по ее мнению, должна была наступить перед самым отъездом: ведь, разумеется, он еще раз побеседует с ней, проинструктирует, как ей быть на первых порах, и, наверно, скажет, чтобы заходила к нему, если будет трудно.

Но все вышло совсем не так. Когда она, как школьница, робко держа в руках толстую тетрадь, вошла в кабинет к Насырову, он даже и сесть ей не дал, наоборот, сам вскочил так быстро, словно у него и минуты для нее нет, протянул ей руку и коротко пожелал доброго пути.

Саида, по правде сказать, обиделась: неужто у секретаря райкома, да еще у такого старого партийного работника, не нашлось чем напутствовать молодого коммуниста, посылаемого не на такую уж легкую работу?

Словом, Саида уехала в колхоз с не больно-то веселыми думами о своей неопытности и о своих будущих отношениях с Каландаровым. И чем дальше она ехала, тем мысли о неопытности беспокоили ее все меньше, а мысли об отношениях с Каландаровым — все больше. В самом деле: нет опыта — приобрету, ошибусь — исправлю, не знаю — узнаю, не маленькая! Ну, а что, если с самого начала окажусь на ножах с Каландаровым, что тогда? Жаловаться? Но в единоборстве с таким человеком это вряд ли поможет делу...

У автобусной станции, где Саиде предстояло пересесть с одного автобуса на другой, она встретила своего старого знакомого Агзамджана — корреспондента республиканской газеты, часто бывавшего у них в райкоме. Агзамджан и еще двое молодых людей, по виду студентов, как раз усаживались за шашлык в тенистой чайхане,

рядом с автобусной станцией. Увидев Саиду, они пригласили ее посидеть вместе с ними, пока не подойдет автобус.

Обычно когда в мужской компании оказывается толковая девушка, которой палец в рог не кладут, мужчины или молчат набрав в рот воды, или, напротив, становятся очень уж болтливы.

До самого отъезда Саиды Агзамджан буквально не закрывал рта, правда, его немножко выручало то, что он был от природы не только разговорчив, но и остер на язык. За всеми смешными пустяками, которыми он так и сыпал, словно из мешка, чувствовалось, что он исходил и изездил всю область вдоль и поперек и знает в ней каждый колхоз и каждого председателя.

Услышав, что Саида едет в «Бустон», Агзамджан сразу же рассмешил всю компанию рассказом о том, как Каландаров встречает гостей: если к нему приезжает гость так себе, не из важных, то Каландаров зовет состоящего при нем на побегушках сторожа, крича ему: «Ишан!» — и это означает побыстрее пару лепешек и чаю! Если же Каландаров кричит не просто «Ишан!», а «Эй, Ишан!» — это уже означает: придется готовить плов! Ну, а уж когда он крикнет: «Ишан, эй!» — тут дело серьезное, это значит: беги ко мне домой, скажи хозяйке, что веду важного гостя!

С улыбкой вспоминая этот рассказ и невольно гадая, что же именно крикнет Каландаров своему человеку на побегушках, когда она явится в колхоз, Саида незаметно добралась до места. Она сошла с автобуса и с небольшим, но тяжелым чемоданом в руках вошла в открытые железные ворота колхозного сада. Еще шагов пятьдесят — и она прямо наткнулась на Каландарова: он сидел на деревянном помосте под развесистым карагачем и болтал ногами. Увидев Саиду, Каландаров довольно любезно улыбнулся, но с места не сдвинулся, а длинные ноги его заболтались еще сильнее.

«Чтоб тебе пусто было,— подумала Саида,— Что не признаешь меня как будущего партийного секретаря — ладно, но ведь я как- никак женщина! Взять у меня чемодан небось руки бы не отсохли!»

Саида подошла к карагачу и, подняв чемодан, нарочно грохнула его на помост под самым носом у Каландарова и только после этого протянула ему руку.

— Как добрались? — и бровью не поведя спросил он.

— Спасибо.

Вот и весь разговор! Саида чувствовала себя не больно-то ловко, а

Каландаров, видя это, кажется, испытывал полное удовольствие. Наконец, насладившись ее растерянностью, он проговорил, лениво поглядывая на небо:

— Ну что ж, будете жить припеваючи! По правде говоря, у нас работы для секретаря партийной организации почти что и нету. Хлопок у нас каждый год — сто! Шелк — тоже сто! Ни на одну ногу не хромаем. Да вы и сами, наверное, знаете, а то небось не согласились бы и ехать?

Дорого бы дала Саида, чтобы ей удалось прямо с первого слова срезать Каландарова. Но как это сделать, как? Его слова означали, что здорovому человеку докторов не нужно!

Снова неторопливо насладившись молчанием Саиды, Каландаров наконец картинно повернулся к зданию правления, белевшему позади, за пышным цветником, и лениво крикнул:

— Ишан, эй!

На душе у Саиды немножко полегчало. Если корреспондент не перепутал, то, кажется, она все-таки важная гостья!

Из летней чайханы, примыкавшей к зданию правления, выбежал юноша в цветной расшитой тубетейке и шелковой рубахе и как лист перед травой стал перед Каландаровым, смиренно сложив руки на животе.

Впрочем, Саиде только в первую секунду показалось, что это юноша, больно уж прытко бежал к председателю. На самом же деле Ишан был отнюдь не юношей, а пожилым мужчиной, правда, безусым и безбородым. Шея у него была похожа на шею старой черепахи, лицо на ягоду винограда, начавшую высыхать в кишмиш, и только черные волосы блестели совсем как у молодого, прямо под стать лакированным туфлям на его ногах.

— Снеси-ка чемодан в ту комнату (после слова «ту» Каландаров сделал длинную загадочную паузу, которую можно было бы понять и так и эдак). Убрал там?

— Убрал, Бек-ака.

— А прибил какие-нибудь там картинки?

— Прибил...

— Может, сходите с ним, посмотрите? — спросил Каландаров у Саиды.

Ишан повел Саиду через сад к маленькому домику, спрятанному в разросшейся вокруг него старой вишне. Поставив чемодан у порога,

Ишан скрылся быстрее лани.

Радоваться было нечему. Переступив порог «той» комнаты, Саида увидела сырой земляной пол и стены не то что побеленные, а кое-как за пять минут помазанные веником. Вдобавок ко всему в комнате царил стойкий запах гнили. Мебель состояла из погнутой железной койки с измятым несвежим одеялом, колченого стола, судя по его виду, не одну весну и осень простоявшего на улице, и двух табуреток, под стать столу.

Картинки, прибитые к стенам двухвершковыми ржавыми гвоздями, изображали каких-то вредителей хлопчатника, породистую свиноматку и малярийного комара, очевидно, в целях большей назидательности увеличенного до размеров доброго поросенка.

Достав из чемодана свои вещи, Саида на скорую руку прибрала комнату, завесила двумя газетами окно и переделалась с дороги. Едва она успела это сделать, как в дверь заскреблась кошка,— так ей показалось в первую минуту. После этого предварительного кошачьего царапанья в дверях показалась голова Ишана — председатель звал ее.

Саида застала Каландарова в той же самой позе, в которой оставила его. Только теперь он был не один. Какие-то двое парней, стоя рядом с ним, спорили, перебивая друг друга, и Каландаров так старательно слушал их, что ему удалось, по крайней мере, в течение пяти минут не замечать торчавшую перед самым его носом

Саиду. Наконец он все-таки счел нужным увидеть ее, но и теперь обратился не к ней, а к Ишану.

— Вы пока идите, я догоню...

Саиде показалось неудобным слишком долго идти молча, и она спросила Ишана, шагавшего перед ней, как сорвавшийся с места верстовой столб:

— А вы кем работаете в колхозе?

Наступила длинная пауза, потом внутри Ишана что-то забулькало, и, словно со дна пустой бочки, до Саиды донеслось его глухое бормотанье:

— Я старший чайханщик.

Кажется, вопрос пришелся ему не по вкусу.

Задавать ему другие вопросы Саиде уже не захотелось, и они молча дошли до высоких ворот в самом конце улицы.

Двор каландаровского дома был обширен, сам дом велик, но на всем лежала печать какой-то безалаберщины, словно хозяин и любит

навести красоту, но в то же время у него не хватает на это ни вкуса, ни терпения.

В центре двора был вырыт большой хауз, но посередине его, в не слишком чистой воде, плавали полуразмокшая коробка из-под торта и кусок фанеры. Виноградник был большой и, кажется, хороших сортов, но проволока пообрывалась, и половина лоз лежала на земле. Грядки заросли сорняками, плодовый сад — осокой; беседка была когда-то выкрашена красивой голубой краской, но сейчас эта краска пошла подтеками; на террасу вела широкая лестница, но перед ней валялась коряга с загнанным в нее ржавым топором, а рядом — такая же ржавая пудовая гиря.

Пока Саида рассматривала все это, Ишан старательно откашливался, давая знать о своем прибытии. Высокая женщина в голубом платке, повязанном под подбородком, разводившая огонь в тандыре, мельком оглянулась через плечо на Саиду и продолжала заниматься своим делом. Наконец в дверях одной из выходивших на террасу комнат появилась толстая женщина с отвислым подбородком и лоснящимся лицом.

Платье из хан-атласа стояло вокруг нее колоколом.

Одним духом равнодушно выложив весь набор приветствий, положенных при встрече гостей, она пригласила Саиду в дом. Переступив порог вслед за хозяйкой, Саида увидела под ногами красный, как кровь, ковер и сняла туфли. В комнате у низенького столика, заставленного блюдами и вазами с фруктами, печеньем и конфетами, стояла еще одна женщина, сравнительно молодая, во всяком случае моложе хозяйки; на ней было желтое нарядное платье, а поверх платья — коричневая жакетка с несколькими орденами. Женщина поздоровалась с Саидой и, не выпуская ее руки, посадила рядом с собой на атласную подстилку, украшавшую почетное место за столом.

«Я где-то видела ее», — подумала Саида, но хозяйка уже знакомила их, называя женщину с орденами Таджихон и объясняя ей, что Саида приехала сюда в колхоз из района на работу.

— А я вас знаю, — сказала Таджихон, слегка касаясь руки Саиды, — видела вас в райкоме.

— Я тоже... — начала было Саида, но хозяйка перебила ее:

— Ну, конечно, кто же не знает Таджихон Джафарову из колхоза «Социализм»? Сколько орденов у вас, Таджихон? Раз, два, три! — И она стала считать ее ордена, как будто только сейчас их увидела.

Таджихон рассмеялась.

— На ордена места хватило, а медали завязала в узелок,— и Таджихон в самом деле показала на узелок, лежавший рядом с ней на подушке.— Мы ездили в колхоз Ленина с взаимопроверочной бригадой, так мне специально велели передать просьбу: все награды надеть!

Женщины посмеялись, и хозяйка, которую Таджихон почтительно, как старшую, называла Хурниса-апа, вышла в другую комнату. Гости остались вдвоем, и Саида наконец осмотрелась.

Комната напоминала двор — то же стремление навести красоту и то же отсутствие вкуса и порядка. Белые крепдешиновые занавески на окнах были измяты и висели вкривь и вкось. У окна стоял большой и довольно красивый письменный стол, но он весь был заставлен чайниками с воткнутыми в носики бумажными цветами. Кроме чайников на столе разместился еще медный начищенный самовар и красный патефон с покоробившейся крышкой. Впритык к столу стоял дорогой трельяж с круглым пятном от горячего чайника на полированной поверхности. На трельяже пристроилась керосиновая лампа, рядом с ней лежал кусок стирального мыла, а кругом валялись обгорелые спички.

Саида подумала, что хозяин дома, должно быть, стремится, чтобы все вокруг было красиво, но это стремление, видимо, не находит поддержки у хозяйки.

Хурниса принесла из соседней комнаты еще одну вазу с конфетами. Как раз в эту минуту Саида разглядывала висевшие на стене фотографии: два портрета Каландарова со всеми орденами и медалями на груди и карточку какого-то мальчика с большой головой на тонкой шее» с оттопыренными ушами и удивленно вытаращенными глазами.

Кажется, хозяйка не любила молчания, во всяком случае, она стала давать разъяснения прямо с порога:

— Это Арсланбек-ака, последний его портрет, когда он снимался на съезде хлопкоробов. А это Казимбек — наш сын, еще в школе, а сейчас он уже закончил медицинский институт, уехал в отпуск в Москву и, как только вернется, начнет работать врачом у нас в колхозе.

При слове «врач» в представлении Саиды возник большой взрослый человек, не имеющий ничего общего с этим ушастым мальчиком на карточке.

— Врач? — удивленно переспросила она,— Разве у вас сын уже

такой взрослый? Вы же сами еще молодая...— Саида чуть-чуть покривила душой, хотя и на самом деле, когда взгляделась в лицо хозяйки, подумала, что без этих обезобразивших его складок жира оно еще не так давно было и молодым и красивым.

— Ах, где там,— томно сказала хозяйка и тряхнула головой. Ее толстые щеки колыхнулись.— Совсем постарела, скоро бабушкой буду. Ну да что об этом, попробуйте-ка самсы! — Она сделала

вид, что хочет перевести разговор, хотя на самом деле только и ждала, чтобы Саида сказала ей еще что-нибудь приятное.

К сожалению, Саида не поняла ее и вместо этого похвалила самсу.

— Да, скоро с внуком буду,— сказала хозяйка, пытаюсь вернуться к приятной для себе теме.

— Что, разве уже невестку ввели в дом? — спросила Таджихон.

— Скоро введем. Казимбек, правда, упрямится, но ничего, придет осень, и сам не заметит, как я его окучу! Я была бы глупой матерью, если бы выпустила такую девушку из рук!

— А откуда невеста? — спросила Таджихон.

— Невеста своя нашлась,— ответила Хурниса и, чуть понизив голос, кивнула на дверь, выходящую во двор.— Дочь нашей Кифоятхон, сейчас в Ташкенте учится, и какая красавица, что за пара будет! — Она поглядела на Таджихон и таким тоном, словно забыла спросить что-то самое важное и теперь исправляет свою ошибку, сказала: — Как твой муж-то, не сильно обижает?

Таджихон покраснела, покосилась на Саиду и, сделав усилие над собой, рассмеялась:

— Да разве муж, который не обижает жену, достоин звания мужа? — В смехе ее прозвучала горечь, а глаза стали печальными.— Неужели правда, мужчины всасывают в себя это вместе с материнским молоком?.. Второго мая опять устроил мне сцену! Пригласили гостей, а я так за день намаялась с приготовлениями, что к вечеру сама была не рада; и когда закипел самовар, я возьми да и попроси его заварить чай. Что было! Какую беду на себя накликала! Я, мол, не в твоей бригаде, можешь не помыкать мной! Я уж и так и эдак: что ты, да как ты мог подумать!.. Куда там!.. Чайник швырнул на землю, самовар свалил, хватил себя кулаком по лбу, потом, мало этого, начал биться головой о край помоста, да как — в кровь!..

Саиде показалось, что она чего-то не поняла.

— Подождите, а зачем это он, для чего? — спросила она.

— Вот именно — для чего? — вздохнула Таджихон.— Расскажешь — так не поверят: что бы я ни сделала, что бы ни сказала, на все один ответ: «Хочешь растоптать меня, унижить, показать, что ты бригадир, а я никто, что твоя власть!» За год со мной ни разу никуда не пошел, а если я одна куда-нибудь пойду, такое начинается!.. Раньше меня бил, теперь сам себя бьет или целыми днями отказывается есть. Два раза уходил в Шуркишлак к своей тетке, а я, как дура, бегу за ним! Ведь если не выйдет на работу, то все всем сразу станет известно.

— А кем он работает? — спросила Саида.

— У нас же счетоводом. Двое детей от него, и старшему уже шестнадцать. Иногда оглянешься назад — сколько же лет все это тянется? И сама себе удивишься. Правда, когда-то немножко другим был, но как только назначили меня бригадиром, сразу пошло-поехало...

Таджихон положила на колени свои сильные, большие руки, зажмурила глаза и устало потянулась.

— Иногда думаю: брошу его! А потом опомнишься: нет, нельзя, людям подолом рты не закроешь! Еще скажут, что я из-за своих орденов мужа бросила.

— Как на подбор, все, кто у меня учились, вышли в люди! — вдруг и вовсе некстати сказала хозяйка.— И Таджихон я тоже учила грамоте в вечерней школе!

— Правда? — с невольным удивлением спросила Саида и, хотя внутренне была уверена, что эта рыхлая болтливая женщина вряд ли чем-нибудь сейчас занята, а главное вряд ли способна чем-нибудь заняться, все же спросила: — Вы и сейчас учительница?

Но Хурниса сделала вид, что с головой ушла в воспоминания; это помогло ей не слышать вопроса.

— Все они выросли у меня,— самозабвенно болтала она.— Все вышли в люди! Одна теперь председатель колхоза, другая заведует районным отделом культуры, третья — депутат, а Ход- жар — ты помнишь ее,— кивнула она Таджихон,— недавно приезжала к нам, говорят, что для звания Героя у нее всего тридцать одной тонны не хватило!

В словах Хурнисы была гордость, но не за тех, кого она «вывела в люди», она гордилась собой, своей ролью в этом деле. Ее гордость была какая-то жалкая: чувствовалось, что она теперь очень завидует всем этим женщинам, о которых говорит, и с горечью сознает, что сама уже давно потеряла то место, которое когда-то занимала.

С разговора о женщинах, которых она вывела в люди, Хурниса, впрочем, довольно быстро перескочила на другие темы. Знаний у нее было очень немного, но она сама так высоко их ценила, что готова была судить буквально обо всем, о чем когда-нибудь и где-нибудь слышала хотя бы краем уха: о науке и об искусстве, о городе и о деревне, о политике и о медицине. У нее был жалкий апломб человека, который сам давно не замечает того, как он безбожно перевирает и путает все, слышанное им. А в общем все-таки нельзя сказать, что ее болтовня не имела своей логики. В конце концов у нее была цель: доказать собеседницам, что ее муж, Арсланбек Каландаров,— справедливейший из земных царей, а сама она — великий визирь при нем!

Наконец, когда Саида, перестав удивляться, начала злиться, пришел Каландаров.

Должно быть, самолюбиво стремясь показать перед гостями свое влияние даже на такого великого человека, жена стала выговаривать мужу:

— Наконец-то мы вас дождались, все-таки пришли! И когда наконец вы бросите свою привычку опаздывать?

Против ожидания Саиды Каландаров и бровью не повел, обратил все в шутку.

— Когда человеку много лет,— сказал он,— у него появляется столько дурных повадок, что он уже не знает, какую бросать сначала, какую потом. Когда верблюда спросили: «Отчего у тебя шея кривая?» — он, говорят, ответил: «А мою спину вы не заметили?»

— Ну как? — обратился он к Саиде и Таджихон.— Не скучно вам у нас?

Они, разумеется, ответили — нет, не скучно! А он, присев поближе к выходу, наскоро проглотил пару самсы, выпил две пиалы чая и попросил извинения.

— Угощайтесь, а я схожу еще на часок в правление — дела!

— А ведь жара спала,— уже уходя, повернулся он к жене.— Неплохо бы вам, хозяйюшка, приготовить место для гостей на ветерке, в беседе!

— Кифоятхон некогда, пришлите мне Ишана,— протянула Хурниса все тем же своим капризным голосом.

Каландаров молча кивнул и ушел.

Саида ощутила в душе какой-то неприятный осадок от тона, каким Хурниса говорила с мужем. Саиде нравилось, когда женщина

разговаривает с мужчинами свободно и независимо, она и сама умела так говорить, но тут было что-то другое, фальшивое, натянутое.

Полчаса спустя Таджихон поднялась, несмотря на назойливые уговоры Хурнисы: она была в отъезде уже два дня и тревожилась за свою бригаду. Когда Хурниса и Саида вышли проводить ее, она, прощаясь, пригласила Саиду к себе.

— Хочу отвести с вами душу, хорошо?

Потом, привычно поставив ногу в стремя, легко вскочила на коня и вскачь погнала его по улице.

Женщины вернулись во двор и устроились в уголке беседки. Отсюда, сверху, с размахом распланированный, но донельзя запущенный двор казался еще неудобнее.

Отгоняя веером круживших над сластями мух и то и дело перебивая свою речь приставаниями: «Берите, Саидахон!», «Кушайте, Саидахон!», хозяйка снова пустилась в прерванное было повествование о своих заслугах, вернее, об одной и самой главной: о том, как она сделала из Каландарова «настоящего Каландарова».

Саида была внимательной слушательницей и в конце концов довольно быстро составила из слов Хурнисы представление о том, к чему сводились все прочие ее заслуги.

Действительно, Хурниса когда-то посещала курсы по ликвидации неграмотности среди женщин, а потом еще год до замужества и года полтора после него сама обучала грамоте других женщин. Вот и все. Но говорить об этом она была способна так долго и путано, что, если не вникать в смысл, можно было вообразить, что она рассказывает историю долгой трудовой жизни.

Поняв наконец, как все обстояло в действительности, Саида попробовала выяснить более точно: что же именно подразумевалось под воспитанием Каландарова? Но не тут-то было! Хурниса, почуяв опасность, перенеслась в своих воспоминаниях в отдаленные времена, когда Каландаров только еще сватался к ней. По ее рассказам, в ту осень сватов к ней засылали сразу двое: один тот самый Каландаров, которого знает Саида, тогда бедняк и кишлачный активист, а другой — некий Асад-байбача, по словам Хурнисы, очень большой богач. Родители Хурнисы будто бы предпочли Асада-байбачу, но в самый день обручения Каландаров каким-то образом (каким — Саида так и не поняла из путаного рассказа Хурнисы) расстроил все дело и за одну неделю окрутил ее.

Взбешенный Асад-байбача поклялся пролить кровь соперника и будто бы ночью даже пробрался к нему в дом, но в последнюю секунду, испугавшись встречи с Каландаровым, убежал, в припадке злобы распоров ножом живот спавшему во дворе ишаку. Это последнее происшествие, кажется, имело место в действительности, во всяком случае, о гибели ишака Хурниса рассказала с внушающими доверие подробностями.

Как именно Хурниса воспитывала Каландарова, Саиде, несмотря на все ее старания, выяснить так и не удалось, но зато постепенно, из обрывков фраз, Саида, вопреки желанию рассказчицы, ясно поняла, что не Хурниса поднимала Каландарова вверх по лестнице жизни, а наоборот, Каландаров год за годом тянул ее вниз.

Как мы уже знаем, после свадьбы Хурниса еще года полтора учительствовала, потом, став бригадиром, Каландаров быстро добился, чтобы жена стала звеньевой у него под крылышком. Потом, став председателем колхоза, он назначил Хурнису заведующей детским садом. Это было еще в том небольшом колхозе, где Каландаров председательствовал до «Бустона»; детский сад там был маленький и помещался стена в стену с председательским домом, так что Хурнисе это было очень удобно. Потом, когда Каландаров перешел в «Бустон», она и здесь стала заведовать детским садом, но теперь уже детский сад находился далеко от их дома и в нем появилась заместительница заведующей — Кифоятхон, та самая женщина в голубом платке, которую Саида видела во дворе.

Тут Хурниса заметила, что здесь, в «Бустоне», она с самого начала хотела найти себе другую, более подходящую работу и поэтому свое заведование детским садом считала и считает временным и даже заглядывает туда лишь изредка. А работает там Кифоятхон, и зарплату тоже получает она.

Саида с сомнением поглядела на голубой платок, то метавшийся у очага и на огороде, то исчезающий в глубине дома, и подумала, что, хотя, наверное, так и есть — зарплату Кифоятхон получает в детском саду, но работает она главным образом в доме председателя.

— Вот так у меня и получилось с этим детским садом,— сказала Хурниса и, задумавшись, нораженно всплеснула руками: — Боже мой, неужели уже десять лет прошло?!

Потом она стала болтать о предстоящей свадьбе сына, и о красоте невесты, и о том, как мать невесты, Кифоятхон, счастлива, что ее дочь

Манзура будет женой их Казимбека.

— Ах,— самозабвенно захлебывалась в похвалах хозяйка,— Манзура красавица, если б вы видели! Однажды она пошла на рынок купить винограда, так, верите ли, продавец весы уронил! И, ах, если б вы знали, как прекрасно эту историю рассказывает Кифоятхон; она тогда пошла на базар как раз вместе с дочерью. А наш Казимбек такой умный и такой деликатный, мухи не обидит, никого на «ты» не назовет! С головы до ног будет залита счастьем девушка, которая попадет ему в руки! Не знаю уж, как вы, а я-то предпочитаю, чтобы муж ласкался к жене, как кошка, чем чтобы он колотил ее, как бубен! Мне ли не знать этого?! Разве Арсланбек не поколачивал меня? Поколачивал, да еще как! А теперь, когда вспомнит, стыдится! С того дня, как стал председателем, пальцем меня не тронул. Да что там не тронул — из арыка воды мне самой не дает зачерпнуть! Сам ни разу на курорте не был и что это такое — не знает, а меня каждый год посылает и провожатого мне нанимает туда и обратно.

Тут Хурниса сложила пухлые руки на животе и, скорбно вздохнув, сказала усталым голосом:

— В этом году не поеду, доктора советуют отдохнуть.

Каландаров пришел уже в сумерках вместе с Ишаном. Из первых же реплик Саида поняла, что Ишан — муж Кифоятхон и будущий родственник председателя.

Сейчас Ишан вовсе не походил на тот мрачный верстовой столб, который днем молча вышагивал по улице впереди Саиды. Сейчас он крутился волчком, мгновенно убирал и подавал все, что нужно было убрать и подать. На столе сразу же появились зелень и закуски, приготовленные его женой. Уже и головки бутылок торчали из ведра с холодной водой, уже он и рюмки вытер со знанием дела, каждую поглядев на свет, уже и пробки чуть ли не сами выскочили из бутылок с коньяком и вином; и, приняв из рук Ишана бутылку, Каландаров налил доверху граненый стакан и протянул ему:

— Глотни, пока мамаша не пришла, а потом поровну будем!

— Как тебе не стыдно,— укорила мужа Хурниса и, повернувшись к Саиде, тихо сказала: — Смеется над тем, что Кифоятхон на несколько лет старше мужа,— она кивнула на Ишана.

Проговорив: «Беру что дают, а больше не надо», Ишан одним духом выпил коньяк и, чтобы доставить удовольствие председателю, отказался от закуски.

— К такому коньяку еще не придумано закуски!

Однако все-таки горло у него, наверно, драло, потому что вслед за коньяком он отправил в рот целую горсть клубники.

— Эх ты,— сказал Каландаров,— кто же клубнику горстями берет. Но Ишан и тут нашелся, чем рассмешить Каландарова:

— Хотел тарелкой зачерпнуть, да побоялся — в рот не влезет!

Немного погодя Каландаров пригласил к столу и Кифоятхон. Изобразив смущение, которое, может, и пристало бы девушке, а в ней казалось смешным, она с ужимками уселась в конце стола. Сама она сидела смирно, не двигаясь, но ее беспокойные, бегающие глаза в один миг облетели рысью весь стол: и каждую закуску, и каждое блюдо, и каждую рюмку — пустую и полную, и каждую бутылку со всем, что в ней было и чего уже не было. Потом ее глаза пробежали по лицу Каландарова и начали шарить по Саиде, они то останавливались на ручных часах, то на брошке, приколотой на груди, то снова бежали дальше, и у Саиды было такое ощущение, словно по ней ползает что-то быстрое, чужое и противное.

Саида попробовала мысленно представить себе будущую невестку председателя, приглядываясь к ее матери, но из этой затеи ничего не вышло. Ей сказали, что девушка красива, а у Кифоятхон рот был слишком велик, дряблые щеки глубоко западали, и вообще лицо ее больше всего походило на старую кожаную галошу.

Бывает, что женщина некрасива и даже на первый взгляд неприветлива, но ведь какие-то достоинства в ней, наверно, есть! Может быть, она, взамен всего недостающего ей, добра, или умна, или и то и другое вместе?

Подумав об этом, Саида стала расспрашивать свою соседку о детях и детском саде, ей очень хотелось заставить ее разговориться, но Кифоятхон так и не ответила ни на один ее вопрос, а только жеманно улыбалась, опускала голову, со смешными ужимками избалованной девицы вопросительно смотрела на хозяйку дома и, наконец, выдумав первый попавшийся повод, исчезла из беседки.

— Ну что же, Саидахон, давайте выпьем за ваш приезд! — сказал Каландаров.

Он поднял рюмку, выпил, поставил на стол и лишь после этого заметил, что рюмка с вином, стоявшая перед его женой, осталась нетронутой.

Кажется, Каландаров был недоволен таким поведением своей

жены, или счел это неуважением к гостье, или, может быть, он вообще считал, что, раз он пьет, должны пить все — во всяком случае, он дважды брал рюмку и совал ее в руки жене, а Хурниса дважды подносила ее к губам и отставляла.

Увидев это, Саида сказала:

— Ну что вы, раз не хочется, не пейте!

Хурниса вопросительно посмотрела на мужа, но Каландаров предпочел не расслышать слов Саиды. На лице его не выразалось ни малейшего желания потакать упрямству жены, и Хурниса наконец выпила свое вино залпом, раскашлявшись так, что слезы выступили у нее на глазах.

После выпитой рюмки наступило молчание, и Каландаров поспешил нарушить его первым, что подвернулось на язык.

— Наш Ишан — учитель всех шашлычников, профессор плова, академик игры на дутаре, а песни поет, как соловей!

— А лагман, про мой лагман забыли? — поспешно подбрасывая новую пищу в готовый потухнуть огонь разговора, воскликнул Ишан, наполняя рюмки.— А как моим лагманом восхищался, бывало, товарищ Кадыров, вот это уж был секретарь, всем секретарям секретарь! Верно, Бек-ака?

Но Каландаров не поддержал этой вспышки воспоминаний о бывшем секретаре райкома, наоборот, он качнул головой, как бы говоря: не бреди ран. И сказал Ишану, чтобы тот взял дутар.

Ишан снял висевший на столбике беседки отделанный перламутром старый дутар, долго, не глядя ни на кого, натирал его струны, а когда заиграл, то Саида, которая сама немножко играла на дутаре, сразу поняла, что это настоящий старый мастер. Пальцы Ишана почти не касались дерева, а из дутара вытекали звуки то веселые, быстрые, как ручей, то печальные и прозрачные, как слеза.

Сыграв несколько мелодий, Ишан запел. У него был хороший слух и несильный, но приятный голос, ничем не напоминавший то глухое гудение со дна пустой бочки, которое Саида слышала при первом знакомстве.

Каландаров послушал песню и, должно быть, считая, что искусство Ишана уже продемонстрировано, петь больше не просил, а стал поддразнивать старшего чайханщика:

— Как видите, наш Ишан полон совершенств, а пороков у него только два: не дал ему бог хорошего телосложения — жидковат наш

Ишан, так что, когда идет с женой под ручку, можно подумать, что его к ней подвесили!

Вряд ли это понравилось Ишану, но он долго и старательно хохотал, покачивая головой.

Хурниса нахмурилась и укоризненно посмотрела на мужа: хоть бы не срамил будущего кума перед новым человеком! Но Каландаров не привык обращать внимание на ее укоризненные взгляды.

— А второй порок Ишана,— сказал он,— в том, что он дня не может прожить без колотушек!

И, предвкушая ответ на свой, наверное, уже в сотый раз задаваемый для удовольствия гостей вопрос, спросил:

— За что тебе больше всего колотушек достается от Кифоятхон?

— Ревнива, как тигр,— ответил Ишан, привычно подыгрывая хозяину дома,— Не ревнует меня только к покойникам и к еще не родившимся младенцам!

Потеряв надежду утихомирить мужа, смущенная Хурниса попыталась смягчить впечатление от его слов и сказала Саиде, что все это шутки — Кифоятхон не бьет мужа, хотя, правда, под горячую руку ей лучше не попадаться.

Но Ишан вовсе не желал принимать этой выручки, он предпочитал доставлять удовольствие хозяину, а не хозяйке.

— Когда мы летом ехали из Шахимардана и заночевали в Фергане в гостинице,— сказал он,— хотите верьте, хотите не верьте, а она спустила меня с лестницы, когда я зазевался. Даже лоб разбил себе — видите, шрам остался? — И он приблизил свое лицо к Саиде, которой вовсе не хотелось рассматривать его шрамы,— А что мне делать? Бить ее? Закон не велит. Жаловаться? Да ведь теперь, если женщина даже убьет тебя, все равно ее оправдают, а тебя вытащат из могилы и накажут. Сбежать от нее? Бегал! Так она отыскала меня в Намангане и за шиворот привела обратно.

— Сам виноват, зачем брал себе такую жену? — сказал Каландаров.

Представление разыгрывалось как по нотам, он был доволен Ишаном.

— А впрочем, ты мне говорил, что во всем виноват твой отец и его завещание. Повтори-ка, что он тебе завещал?

Ишан опрокинул в рот рюмку и вместо закуски по-молодецки понюхал подкладку тубетейки.

— Отец завещал мне так: не будь тупым концом кола и не будь острием кола, будь его серединой. Будешь острием — загонят в землю, будешь тупым концом — бить будут.

Вот именно,— воскликнула Хурниса, давая понять, что именно это последнее и случится с Ишаном, если он и дальше будет так непочтительно рассказывать о своей жене.

Каландаров привычно посмеялся над притчей Ишана и, не обращая ни малейшего внимания на предостерегающие знаки жены, стал рассказывать Саиде историю старшего чайханщика.

Последовав завещанию отца, Ишан вырос человеком, которому не нашлось места не только в красном углу жизни, но и на самом дальнем конце ее стола. Он так долго не находил в подлунном мире собственной дороги, что наконец связал все свои надежды с женитьбой. Он не задумывался ни над внешностью будущей жены, ни над ее возрастом, но твердо знал, что она должна обладать, по крайней мере, тремя достоинствами: собственным домом, собственным хозяйством и собственным кошельком. И, представьте себе, Ишан повезло! В тридцать три года он нашел именно такую, отвечавшую его желаниям, женщину! Кифоятхон, похоронив мужа, который всеми правдами и неправдами до конца жизни оставался тем, кем родился,— торговцем, и сохранив до последней иголки все его состояние, а вокруг дома построив забор даже выше, чем при его жизни, спала и видела, как бы найти себе самого тихого и послушного из всех мужей. Решив, что Ишан вполне подойдет для такой роли, она в два счета женила его на себе и взяла в дом, тут же, пока не поздно, родив ему Манзуру.

В то время Ишан числился в районных артистах, кое-как колотил в бубен, «соразмерно зарплате», как он выражался, а свое настоящее искусство игры на дутаре оставлял для свадеб, где можно было сорвать сотню за вечер, да еще вволю выпить.

Встретив его на одной из таких свадеб, Каландаров подумал, что именно такого человека ему не хватает, и позвал его работать к себе в колхоз.

Обсудив это опасное слово «работать», муж и жена решили, что в данном случае оно не так уж опасно — под крылышком столь прославленного председателя они как-нибудь да не пропадут

Через месяц они переехали в «Бустон» и вскоре, продав старый дом и двор, обзавелись новым двором и домом не хуже прежних.

С тех пор Кифоятхон стала наперсницей Хурнисы, а Ишан стал

называть себя старшим чайханщиком, ибо как короче и достойнее назвать себя, если ты при председателе одновременно и человек на побегушках, и личный повар, и певец, и шашлычник, и комик, и собутыльник, и массажист (если председатель парится в бане), и личный секретарь (если председатель потеет над отчетом).

Сначала во время рассказа мужа Хурниса старалась только смягчать слишком грубые, по ее мнению, выражения, но когда речь зашла уже не о родителях будущей невестки, а о ней самой, Хурниса не выдержала и вступила с мужем в прямую перепалку.

Дело в том, что Каландаров со свойственной ему бесцеремонностью не постеснялся вслух выразить свое удивление тем, как у

Ишана и Кифоятхон могла вырасти такая умная и воспитанная дочь.

— И здесь, когда училась в школе, все с книжкой да с книжкой, и каждое лето в пионерский лагерь — попробуй удержи! Один раз попробовали, так прямо-таки сбежала! А теперь, когда учится в Ташкенте, случая не помню, чтобы на каникулах хоть раз больше недели просидела у родителей, да, впрочем, оно и понятно! — вовсе уж бесцеремонно заключил он.

Хурниса обозлилась на мужа, который ради красного словца не постеснялся осрамить перед чужим человеком семью своей будущей невестки, а обозлившись, начала доказывать недоказуемое: девушка не хотела жить возле родителей вовсе не потому, что чуждалась своей семьи, а исключительно из необыкновенного прилежания к наукам. Легкий хмель, ударивший хозяйке в голову от единственной непривычной рюмки, постепенно занес ее так далеко, как она и сама не ожидала. По ее словам, родители их будущей невестки были такие прекрасные люди, каких только искать да искать, а из этого выходило, что ее муж, рассказывая о них нечто совершенно другое, просто-напросто мелет вздор. В желании Хурнисы как-то выйти из положения было, разумеется, и здоровое зерно, но это здоровое зерно было окружено такой шелухой, что Каландаров решил, что при столь активном содействии своей болтливой жены он и сам, чего доброго, потеряет часть авторитета перед приехавшей из района девчонкой. А как мы уже знаем, Каландаров был очень и очень неравнодушен к собственному авторитету!

Сначала он попытался заставить жену замолчать, переменив тему разговора, но не тут-то было! Хурниса, расценив это как его слабость,

разболталась еще пуще.

Тогда, прикрывая досаду смехом, Каландаров спросил жену:

— Как, хозяйшюшка, может быть, и гостье дадим вставить словечко? Или бог с ней, сами поговорим — и ладно?

Но Хурниса, вместо того чтобы сразу смириться, сказала назидательным тоном:

— А почему бы мне и не поговорить? Разве я неверно говорю или желаю вам худого? Мужчинам не следует забывать, что жена и возвышает мужа, но она же и губит его — все в ее руках!

Тут Хурниса собралась было в приличных случаях умеренных выражениях наконец покритиковать недостатки собственного мужа, но у него вдруг вздулись жилы на висках, и он оборвал ее:

— Даже мудрецам советую покупать слова пудами, а продавать золотниками. А что же остается сказать тебе: язык без костей, мельница без муки!

Кажется, Хурниса хорошо знала, каким бывает ее муж в гневе: только что клокотавшая, как самовар, она вдруг потухла, и голос ее полился тонкою, робкою струйкой:

— А что я сказала? Разве я что-нибудь сказала?

Но Каландаров уже влез на коня гнева и, неспособный обуздать его, несся во весь опор.

— Если у ребенка прорезались зубы, нечего ему совать жамку,— говорил он.— Делай со мной что угодно, хоть к собачьей конуре привяжи, но не пробуй мной руководить! Этого только не хватало! Если женщина начнет мною руководить, дело плохо! Или мне, или ей не сносить головы!

Выпалив все это, он с трудом взял себя в руки и стал приставать к Ишану. чтобы тот спел.

— Что у тебя, пружина, что ли, лопнула? Спой, да погромче, а то у меня от женской болтовни уши заложило!

Ишан спел одну песню, потом еще одну. Хозяйка старалась казаться веселой, но Саида чувствовала, что разговор уже не склеишь. Что-то тревожное шевельнулось у нее в душе. «Если женщина начнет мною руководить... или мне, или ей не сносить головы!» Эта фраза Каландарова не выходила у нее из памяти. Как он сказал ее — случайно, рассердись на жену, или заодно сделал на всякий случай предупреждение ей?

«Едва ли,— думала Саида, — была нужда говорить это только для

Хурнисы. Смешно воевать с такой женщиной, ведь совершенно ясно, что Каландаров только при людях терпит ее болтовню и даже воркотню, а стоит ему остаться с ней вдвоем, прикрикнуть на нее, и она послушно, как птичка, усядется на его мизинец...»

Как раз в ту минуту, когда Кифоятхон выкладывала на блюдо плов, Каландарова позвали в правление к телефону, и он ушел, даже не поморщившись, как человек, привычный к тому, что дела обступают его в любое время и отрывают от чего угодно. Вернулся он только в первом часу ночи. Хурниса после плова уже не отпустила Саиду домой, и она заночевала в доме председателя.

3

Когда Саида проснулась, то оказалось, что Каландаров, по своему обычаю встав до рассвета, уже ушел в правление. Он вернулся, когда женщины готовы были сесть за стол без него, и сразу после завтрака увел Саиду в правление.

У ворот колхозного сада они встретили миловидную молодую полненькую женщину.

— Умидахон,— обратился к ней Каландаров,— покажите товарищу Алиевой наш секретарский кабинет.

И, оставив с ней Саиду, быстро направился к толпе людей, ожидавших его у помоста под карагачем.

«Кажется, там у него и приемная, и кабинет, и зал заседаний»,— с впервые шевельнувшимся у нее чувством симпатии к Каландарову подумала Саида.

Оставшись вдвоем с Саидой, полненькая женщина вскинула на нее глаза и, обрадованно воскликнув: «Здравствуйте, здравствуйте!», протянула ей теплую ладошку.

— Секретарь правления Умида, Умида Умарова!

Они прошли коридор, потом пустой зал заседаний, потом еще один коридор, вошли в дверь с надписью: «Секретарь», и сразу же затрещавший телефон.

Пока Умида говорила по телефону, Саида прочла две таблички, прибитые к двум одинаковым, обитым черной клеенкой дверям. На одной табличке было написано белым шрифтом по красному полю: «Председатель правления колхоза «Бустон», а на другой, точно такой же: «Секретарь партийной организации колхоза «Бустон». Саиде

понравились эти одинаковые двери и одинаковые таблички. «Это неплохо»,— подумала она про себя.

Поговорив по телефону, Умида вынула из стола два ключа. Один показала Саиде, сказав: «Это от вашего несгораемого шкафа», а другим отперла кабинет.

Саида никогда бы не подумала, что в колхозе «Бустон», где сменилось пять секретарей за три года, в их распоряжении имелся такой прекрасный кабинет! Вся мебель была ореховая, полированная, на столах лежали бархатные скатерти, на стенах висели портреты, карта области, план колхозных земель, несколько диаграмм, а в углу даже стояла новенькая деревянная указка.

— Это что, недавно все оборудовали? — с некоторой даже растерянностью спросила Саида.

Умида ответила, что она пять лет работает секретарем правления, а кабинет уже и тогда был таким.

У Саиды отлегло от сердца; когда она на минуту подумала, что кабинет так хорошо убрали специально перед ее приездом, ей стало не по себе.

— И у Арсланбека-ака точно такой же кабинет,— сказала

Умида,— но он, правда, открыт, только когда его уборщица убирает,

или если гости приезжают, или если Арсланбек-ака очень уж выйдет из себя.

То есть как это — выйдет из себя? — улыбнулась Саида; ей показалось, что Умида шутит.

Ну да,— сказала Умида.— Он туда приходит только когда очень разозлится на кого-нибудь. Приведет этого человека с собой, откроет кабинет, запрется с ним изнутри и дает ему там нахлобучку с глазу на глаз. По-моему, это у него хорошая привычка; я почти не помню, чтобы он кого-нибудь при всех выругал или унизил... Сам он никогда в кабинете не сидит, всегда там...— и Умида кивнула в сторону видневшегося за окном карагача.

Потом, повернувшись к Саиде, она вставила ключ в замок несгораемого шкафа.

— Хотите посмотреть наши дела?

— Посмотреть можно. А если придется принимать, то от кого?

— Ну что ж, теперь ждать недолго,— невольно улыбнулась

Умида.— Выберем вас, и примете их от меня.

В шкафу лежали протоколы трех собраний, список коммунистов, ведомость членских взносов, двадцать шесть рублей сорок копеек денег и заявление, написанное на вырванном из тетради листке.

Саида пробежала его глазами. Оно было написано четырнадцать месяцев назад и обвиняло бригадира Зульфакарова в двоеженстве. «То самое»,— подумала Саида и, отыскав в списке фамилию Зульфакарова, увидела, что он уже восьмой год состоит в кандидатах.

— Так и не расследовано до сих пор? — спросила Саида. Умида хорошо знала историю этого заявления и даже присутствовала при том, как Каландаров трижды откладывал его рассмотрение: мол, «нельзя в разгар работ отвлекать от дела хорошего бригадира!» Но ей не хотелось с самого начала оказываться между двух огней, и она лишь туманно заметила, что сама толком не знает всей истории, слышала только, что в свое время ею занимался товарищ Кадыров.

Саида вспыхнула и про себя решила, что, раз этот факт ярче всего показывает былую бездеятельность партийной организации, значит, его и надо поставить на обсуждение первого же партийного собрания! Больше знакомиться было не с чем, и она вслед за Умидой вышла из кабинета в сад.

Каландаров сидел на помосте, болтая ногами. Перед ним стоял чайник, а на лице его было написано самодовольство.

«Ну, как вам понравился кабинет?» — говорил его вид.

Кабинет понравился Саиде, но именно об этом она меньше всего собиралась говорить сейчас.

Строго сдвинув брови и усевшись на помост рядом с Каландаровым, она с преднамеренной суровостью спросила его:

— Выходит, у нас в колхозе есть и такие, что имеют по две жены?

— Есть, есть, как не быть,— отшутился Каландаров.— У нас все есть, ни в чем нет недостатка!

— А почему же до сих пор не обсуждено заявление? — подчеркнуто не приняв его шутки, все так же строго спросила Саида.

Тон ее покоробил Каландарова. Потирая пальцем лоб, он сказал с равнодушием, показывавшим, что не придает этому делу никакого значения:

— Между прочим, Зульфакаров хороший бригадир.

— Очень хорошо! — с иронией сказала Саида,— Но разве женщины у нас в колхозе раздаются в виде премий? Хороший бригадир имеет двух жен, отличный захочет иметь трех... По-моему, хоть и

поздно, но все же стоит обсудить вопрос на бюро.

Кажется, Каландаров не на шутку обиделся. На висках у него вздулись жилы.

— Вам виднее,— процедил он.— У всякого из нас, наверное, найдется за душой какой-нибудь, хоть один, грех, из которого можно раздуть дело и довести до бюро, но давайте все же для начала хоть изберем вас секретарем, а там уж поступайте как знаете!

Саида чуть не задохнулась, почувствовав, в какое глупое положение она попала.

Каландаров с удовольствием увидел, как она залилась краской. В душе он нисколько не сомневался, что сумеет обломать эту девчонку, но не рассчитывал, что она так потеряется после первого же удара. Довольный собой, он сидел теперь на помосте с победоносным видом, как на коне, высоко подняв одно плечо и засунув руку за широкий кожаный ремень.

— А разве обязательно стать секретарем партийной организации, чтобы выяснить свое отношение к двоеженству? — быстро оправившись, спросила Саида.

Почивший на лаврах Каландаров не ожидал удара с этой стороны и теперь сам пришел в замешательство.

Кажется, кстати для них обоих из окна правления в эту минуту раздался голос Умиды, звавшей председателя к телефону.

Разговор остался незаконченным, и ни тот, ни другой в последующие дни не спешили к нему вернуться.

Саида, окончательно придя в себя, подумала, что вряд ли правильно начинать работу с ссоры с председателем и что застарелый вопрос о Зульфакарове не обязательно сразу выпячивать на первый план, отделив от всего остального.

Каландаров, в свою очередь, заранее решил: если дело примет острый характер, не защищать больше Зульфакарова.

Однако ни тот, ни другой не желали разговаривать на эту тему и вслух признаваться в предполагаемых уступках, им обоим, а в особенности Каландарову, казалось, что уступить с самого начала — значит отдать другому узду, а самому бежать сзади, держась за хвост коня.

Саида стала готовиться к проведению партийного собрания. Она говорила с коммунистами, с комсомольцами, с членами правления колхоза, и ей вскоре стало ясно, что, наряду с вполне очевидными успехами колхоза, в его делах есть много недостатков и даже ошибок,

никогда и нигде не подвергавшихся обсуждению и поэтому особенно требующих его.

Одни из тех, с кем она беседовала, говорили об этом открыто и зло, другие сдержанно, третьи притворялись, что им невдомек, в чем, собственно, суть дела, четвертые к самой возможности обсуждения относились с усмешкой: мол, горячо берешься, да не тебя первую мы здесь видим!

Но Саиду не смущало это. Разные люди — разные мнения! Если собрать их всех вместе, они так или иначе столкнутся между собой,— значит, прения по отчетному докладу будут горячие, а коли так, то сам спор, вскрытие недостатков и в партийной жизни, и вообще во всей жизни колхоза поможет поставить перед новым бюро новые задачи.

Однако совершенно неожиданно для Саиды камнем преткновения стала сама повестка дня. И если в споре о Зульфакарове обе стороны временно отступили на исходные позиции, то с повесткой дня, как говорится, нашла коса на камень.

Каландаров считал деятельность старого бюро достаточно для себя известной, а отчетный доклад — пустой формальностью. Он предложил Саиде просто собраться и без всяких докладов выбрать новое бюро.

— Однако так требует Устав партии,— сказала Саида, стараясь выразить эту аксиому как можно мягче и деликатнее.

— А Устав написан не для того, чтобы в партийной жизни пустые формальности разводить, — заявил Каландаров тоном отца, увещающего неразумную дочь.

Саида попробовала объяснить ему, почему, не говоря уже о требованиях Устава, ей кажется важным, чтобы отчетный доклад все-таки состоялся.

В душе Каландарову трудно было не признать доводы Саиды, но он уперся не только потому, что хотел поставить на своем, но и потому, что не испытывал никакого желания ворошить разные старые дела. Для этого своего соображения он даже подыскал удобную формулировку.

— Вперед смотреть надо, а не назад пятиться! — заявил он, очень довольный такой находкой.

Увидя за его упрямством желание и в дальнейшем гласно или негласно по своему усмотрению вертеть всей партийной жизнью колхоза, Саида довольно прозрачно намекнула ему, что если они не сойдутся, то вопрос, кто прав и кто неправ, придется выяснять в рай-

коме.

Слова Каландарова «если женщина начнет мной руководить, то или мне, или ей не сносить головы» до сих пор при каждом воспоминании о них выводили Саиду из душевного равновесия.

Однако и Каландаров по-своему расценил твердость Саиды. «Эта горластая девчонка,— подумал он, — с самого начала хочет поставить на своем, чтобы я потом стал ее послушной тенью».

В общем, если сначала Каландаров возражал против отчетного доклада главным образом как против пустой, по его мнению, формальности, то теперь вопрос, быть или не быть докладу, превратился для него в проблему собственного престижа.

Спрашивается, что было делать Саиде? Она знала, что права, и знала, что райком встанет на ее сторону и в случае чего сумеет нажать на Каландарова. А что дальше? Идти в райком только для того, чтобы настоять на само собой разумеющейся повестке дня первого же собрания,— а потом что? С самого начала обострив отношения, потом бегать в райком перед каждым собранием? Нет, это не дело!

Итак, отношения с Каландаровым надо не обострять и в то же время собрание надо проводить именно с той повесткой, которой он не желает. Уступить Каландарову нельзя, иначе превратишься в его безгласную тень, и ломать его с треском тоже нельзя, потому что тогда он превратится в откровенного твоего врага, и ты в дальней-

шем будешь тратить все силы не на дело, а на борьбу с ним, а это не нужно ни тебе, ни ему, ни колхозу. Так как же все-таки быть?

От этих трудных дум у Саиды кругом шла голова.

4

Вопрос о повестке дня так и повис в воздухе. В остальном Каландаров предоставил Саиде полную волю. За несколько дней они только раз мимоходом встретились в коридоре.

— Ну как, знакомитесь с делами? — спросил он и, не дожидаясь ответа, прошел к себе в кабинет вместе с одним из бригадиров: очевидно, ругать.

Время было горячее, работы у Каландарова действительно было по горло, но, конечно, если б он захотел, он бы нашел время помочь Саиде поскорей войти в курс всех сторон колхозной жизни. Однако такое желание у него как раз и отсутствовало.

Бывают колхозы, во всей жизни которых председатель занимает столь непомерное место, что без него — куда ни ткнись — не знаешь, с чего начать. Подобное положение не сразу создается, но, уже однажды создавшись, приобретает такой прочный характер, что хоть об стенку лбом бейся. Именно такое положение было и в «Бустоне».

Не очень ясно представляя, с чего начать работу, Саида два дня старательно рылась в бухгалтерии, изучая списки, цифры и документы, потом еще несколько дней обходила все хозяйство, сверяя со своим исписанным в бухгалтерии блокнотом: коровы, телята, овцы, посевы, машины, сады, огороды — документы в общем соответствовали наличию, но ведь Саида не собиралась становиться ревизором, а общее представление о размахе хозяйства и о стиле его ведения у нее все еще не очень-то складывалось. Все нити шли к Каландарову и от него же расходились.

Не решив еще вопроса с повесткой, но тем не менее готовясь к собранию, Саида изо дня в день продолжала беседовать с коммунистами колхоза. Один из них, очень рослый и сильный молодой человек по имени Исмаилджан, добродушный, как большинство силачей, и вежливый до того, что почему-то называл Саиду «Аячча», то есть обращался к ней, как в старину почтительно обращались ко второй или третьей жене своего отца, неожиданно в разговоре с Саидой сказал одну фразу, сначала показавшуюся ей очень странной.

Исмаилджан был одним из лучших бригадиров, хорошо знал и землю и людей и, казалось, без особых усилий вытаскивал на своих могучих плечах любое трудное дело. Во всяком случае, о своей работе и о своих трудностях он говорил весело, но, когда зашла речь о работе Саиды, лицо его приняло сочувственное выражение и он даже с каким-то оттенком печали сказал, что условия его работы одни, а условия ее работы — другие, их даже и равнять нельзя!

— Почему равнять нельзя? — спросила Саида, которой в первую секунду в этих словах почувствовалась нотка мужского превосходства, а в таких случаях она всегда сразу лезла напролом. Но оказалось, что она ошиблась.

Исмаилджан, наоборот, хотел сказать, что ее условия труднее, чем его.

— Пятьдесят процентов ваших условий составляет один Арсланбек-ака, это не шутка, это такие пятьдесят процентов, к которым не сразу привыкнешь!

Тогда Саида удивилась этим неожиданным словам, но потом она много думала над ними и поняла, что они правильны.

Условия для ее работы действительно были нелегкими. Она не только, как новый винтик в готовую машину, попала в тот, уже давно установленный Каландаровым порядок, при котором он в любом деле упрямо и уже привычно для всех проводил свою и только свою линию. Ей было нелегко еще и потому, что порядки Каландаров завел во многом, по ее мнению, неверные, но и при всем этом он был в то же время не просто «неплохим», как она когда-то сказала Насырову, а недюжинным организатором, настоящим самородком.

Критиковать, даже в деликатной форме советов и подсказок, человека, который привык, чтобы ему беспрекословно подчинялись,— это была трудная задача. Еще труднее казалось приобрести рядом с таким недюжинным хозяином свой собственный вес. А какой же секретарь без собственного веса? Тогда это не секретарь, а мыльный пузырь!

У Саиды, от природы худенькой и хрупкой, от всех этих мыслей и переживаний через неделю ввалились глаза и щеки. Однажды ночью, как всегда зачитавшись допоздна и наконец отбросив книгу, она вдруг почувствовала себя маленькой, несчастной и слабой. Зато Каландаров, наоборот, представился ей громадной, несокрушимой горой. Она испытала нечто близкое к отчаянию.

«Может быть, я все-таки напрасно согласилась на эту работу? Может быть, еще и сейчас не поздно пойти в райком к Тахирджану- ака, рассказать ему все как есть, попросить, наконец, умолить его?..»

Но как только она подумала об этом, у нее сразу встал перед глазами Тахирджан Насыров.

А в ушах, словно сказанные только сейчас, снова прозвучали его насмешливые слова: «Я женщина, существо слабое, беззащитное! Не это ли вы мне намеревались сказать? Или я ослышался?»

Саида порывисто вскочила с постели и, сердясь на себя за слабость, которая только что представлялась ей безысходной и непоправимой, а сейчас показалась просто жалкой и смешной, заходила из угла в угол по комнате мимо знаменитых картинок Ишана: вредителей хлопка, племенной свиньи и малярийного комара величиной с поросенка. Она остановилась напротив комара и почему-то громко рассмеялась. Потом, почувствовав усталость, задула лампу и легла, стараясь сегодня не думать больше ни о чем, ровно ни о чем! Это, кажется, помогло, потому

что она вскоре уснула.

Она проснулась совсем рано, в окнах едва брезжил рассвет. Надо было вставать, ее ждали дела, ради них она и проснулась, но глаза ее все еще оставались сонными, а все существо словно просило и даже требовало: еще хоть несколько минут, ну хоть минуточку этого самого главного утреннего сна! За окном шелестели листья, свистели и прыгали птицы, и весь этот утренний веселый, нежный шум только еще больше убаюкивал ее. Ей так хотелось спать, что было даже лень прикрыть одеялом оголившееся плечо. Несколько раз открыв и снова закрыв глаза, Саида прижала щеку к мягкой, нагретой за ночь подушке, но, как только ватная дрема начала закутывать ее в свои невесомые, нежные одеяла, она вдруг вспомнила про Каландарова, и в глазах ее не осталось даже и следа от только что владевшего ею сна.

«Совершенно ясно, что перед Каландаровым я — ничто. Это ясно как день. Что же мне делать? Если бы в колхозе уже сейчас была крепкая партийная организация, тогда другое дело».

Сказав себе это, Саида, будучи справедливой от природы девушкой, сейчас же сама посмеялась над собой: если бы тут была крепкая партийная организация, наверное, выбрали бы того секретаря, что был раньше, а она, Саида, по-прежнему преспокойно сидела бы в приемной у товарища Насырова. Вот именно, что здешнюю партийную организацию пока никак нельзя назвать крепкой! А чтобы она стала крепкой, надо прежде всего сделать так, чтобы Каландаров перестал сидеть на ней верхом. Саида сердито подумала об одинаковых дверях и одинаковых табличках на кабинетах: «Кабинеты-то одинаковые устроил, и на одном этаже, а партийную работу в подвал загнал!»

Несколько дней Саида размышляла над тем, как же все-таки поставить все на свое место, и наконец пришла к показавшейся ей очень удачной мысли: а так ли уж обязательно, чтобы Каландаров вошел в состав нового бюро? Эта простая мысль очень понравилась Саиде. В самом деле, подумала она, из старого состава бюро осталось двое: Каландаров и Умида. Когда третьей изберут ее — Саиду, что же получится? Умида как будто хорошая женщина, но, по мнению Саиды, слишком привыкла смотреть в рот Каландарову, и, если возникнет какой-нибудь очень острый вопрос, вряд ли она в присутствии Каландарова станет на сторону Саиды. Предположим, что на собрании большинство коммунистов поддержит в конце концов то или другое предложение Саиды, но как готовить это собрание, если в самом бюро

будет по-прежнему хозяйничать Каландаров, если уже сейчас нормальную повестку дня нельзя утвердить потому, что он возражает! Другое дело, если бюро будет работать единодушно, а спор с председателем возникнет уже на собрании, тогда еще не известно, чья возьмет!

Пока что ни с кем не делаясь своей идеей, Саида попробовала поговорить о новом составе бюро почти с каждым коммунистом отдельно. Однако большинство из них начинали с того, что первым кандидатом в члены бюро привычно называли Каландарова. Два или три раза Саида осторожно намекнула, что состав бюро мог бы быть и иным. Ответом на это было или неопределенное молчание, или недоумение. Только Умида сразу все поняла и даже выразила сочувствие, сказав, что все равно до сих пор бюро, в составе которого был Каландаров, в сущности не работало. Если он присутствовал на бюро, то говорил только он один, а если он не мог или не хотел присутствовать на бюро, то бюро вообще не собиралось. Когда же они, потеряв терпение, как-то раз вынесли одно неотложное решение вдвоем с бывшим секретарем, то Каландаров заявил, что решение, вынесенное без него, для него не закон. Однако после этого Умида, по мнению Саиды, вовсе не к месту вспомнила старую притчу о том, как мыши, чтобы не бояться кошки, мудро решили повесить ей на шею колокольчик, и дело стало только за тем, что среди них не нашлось охотницы повесить его!

Сравнение с мышами покорило Саиду, но в то же время она и в самом деле задумалась — кто же решится, хотя бы по самым уважительным мотивам, предложить не вводить в новое бюро Каландарова — человека, чье слово здесь уже много лет закон в любом деле? И даже если б и нашелся такой охотник, то как сам Каландаров посмотрит на подобное предложение и какие будут последствия?

Однако после долгих размышлений решив, что ее идея хотя и трудна для исполнения, но все же правильна, Саида выбрала минуту, когда, по ее мнению, Каландаров был в благодушном настроении, и, как говорится, взяла быка за рога.

— Пришла советоваться с вами о новом составе бюро, Арсланбек-ака.

Каландарову очень понравилось, что наконец Саида пришла к нему советоваться, и он сказал, величаво покручивая усы:

— Это хорошо! Состав организации у нас прежний, так что будем

выбирать, наверно, из трех человек?

— Если не возражаете,— сказала Саида. Она не предвидела возражений, но пользовалась случаем заранее расположить к себе председателя.

— Что же, я согласен,— сказал Каландаров, снова покрутив усы,— Значит, так. Я! Потом — вы! И третья — Умидахон! — И он посмотрел на Саиду так, словно с этим вопросом все уже решено и он ждет, нет ли у нее других.

Если раньше у Саиды и были колебания, то сейчас они исчезли. То, как Каландаров скомплектовал бюро, беззастенчиво начав с самого себя, лишь усиливало ее желание, чтобы в конце концов как раз его и не оказалось в этом бюро.

— Да, три человека,— задумчиво сказала она вслух, в душе пожалев в эту минуту, что их парторганизация слишком маленькая для того, чтобы выбрать бюро из пяти человек,— тогда бы другое дело. Тогда при пяти членах бюро и Каландаров не был бы так страшен!

— А что, Арсланбек-ака,— продолжала она,— если бы вместо Умиды ввести человека, хорошо знакомого с какой-нибудь отраслью хозяйства? — Она сделала это предложение осторожно, так, словно ночью ступала ногой на незнакомую горную тропу, но Каландаров не думал и пяти секунд.

— Нет, нет! — сказал он, махнув рукой.— Умида мастерица и читать и писать, и расторопная, и грамотная — не женщина, а великий визирь: о чем ни спросишь, тут же ответит, какое поручение ни дашь, тут же поймет. Даже не предупрежу, куда ушел, все равно разыщет в любую минуту!

Внимательно выслушав эти полные простодушного эгоизма похвалы Умиде и даже сочувственно покачав головой, Саида сказала, что, конечно, было бы хорошо иметь в бюро побольше вот именно таких толковых и расторопных людей, тогда такое бюро сможет по-настоящему помочь председателю колхоза... Однако раз бюро пока нельзя расширить, может быть, сформировать его так, чтобы как можно лучше использовать его состав?

— Конечно, конечно,— благодушно сказал Каландаров, даже не подумав, куда гнет Саида.

Саида долго молчала и наконец подняла голову: наступала решительная минута.

— Послушайте, Арсланбек-ака,— мягко сказала она.— Мне в

голову вдруг пришла одна мысль: ведь никто не знает все колхозное хозяйство лучше, чем вы...

Каландарова даже рассмешила эта наивная похвала.

— Да, вроде так,— он улыбнулся.— Пожалуй, спорить не стану!

— А раз так,— продолжала Саида,— значит, какие бы большие или маленькие вопросы колхозного хозяйства ни обсуждало бюро, оно всегда будет действовать, советуясь с вами. Ведь верно?

— До сих пор так и было,— ответил Каландаров, желая, видимо, подчеркнуть, что не только было, но и будет.

— А раз так,— все так же осторожно продолжала Саида,— то, в сущности, какая разница, будете вы давать эти советы как член бюро или не как член бюро?

— Конечно,— легко согласился Каландаров, все еще не подозревая, к чему клонится разговор.

— Ну, а раз так, — подхватила Саида,— то, может быть, даже вам лучше и не входить в состав бюро? Если вы войдете, вам будут помогать только два человека, а если не войдете, вам будет помогать трое. Привлечем к делу еще одного коммуниста, а работать так или иначе будем все вместе. Правая рука, левая рука — все равно моя рука!

Эти неожиданные в устах Саиды слова, в которых как будто было главное, что любил Каландаров,— почтительность в отношении к его особе,— в то же время своей непривычностью встревожили его.

— Так, так,— неопределенно произнес он, желая собраться с мыслями.

Но этого как раз и не хотела Саида, боясь, что, собравшись с мыслями, он тут же заупрямится.

— Я только хочу подтвердить то, что вы сами говорили,— быстро сказала Саида, хотя в течение всей их беседы Каландаров не сказал ровно ничего, даже отдаленно похожего на это.— Ведь не одна же Умида хорошая коммунистка, достойная быть членом бюро, наверное, за все эти годы под вашим крылом выросли и другие люди!

— Да уже чего-чего, а хороших людей нам не занимать! — самодовольно сказал Каландаров, забыв про обеспокоившую его предыдущую фразу Саиды.— Я вам больше скажу,— впал он в тот назидательный тон, который обычно сопутствовал у него хорошему настроению,— плохих людей вообще не бывает. И камень и цветок — каждый хорош на своем месте!

— Что верно, то верно,— сказала Саида, стремясь обратить в свою

пользу даже это носившее отвлеченно-философский характер замечание председателя.— Вот и мне тоже кажется, что нечего лезть с шилом туда, где может и иголка справиться! И будет только хорошо, если мы вместо вас, а в конечном итоге вам же в помощь введем в бюро одного из хороших людей, выросших у вас в колхозе! — Обычно она говорила «у нас в колхозе», но в данном случае с некоторым насилием над собой сказала «у вас».— Конечно, того, кого вы сами порекомендуете.

Ее слова насчет шила и иголки как нельзя больше пришлись по душе Каландарову. Он даже немножко умилился этому сравнению, но, не обнаруживая своего умиления, сказал со сдержанной важностью:

— Ну что ж, пусть так и будет. А кого же вместо меня? Или вы уже наметили? — Он оставался самим собой: в его голосе сразу прозвучала ревнивая нотка.

— Нет, Арсланбек-ака,— поспешно сказала Саида.— Тут уж первое слово за вами.

Каландаров одобрительно посмотрел на нее. «Да, из тебя, пожалуй, со временем выйдет толк!» — говорил этот взгляд. Однако, желая показать, что не привык спешить с ответами на такие вопросы, он сказал, что хорошо, он подумает до завтра и тогда назовет кандидатуру.

— Ну что ж, я очень рада, что мои мысли совпали с вашими,— сказала Саида,— но есть одно «но». Новый состав бюро, в котором не будет вас самого, надо будет предложить вам и только вам!

Каландаров добродушно расхохотался.

— Ладно, так и быть, предложу!

Саида ушла от Каландарова обрадованная и чуточку смущенная. Все-таки она сегодня и немножко льстила ему, и немножко кривила перед ним душой, а это было не больно-то в ее характере. Ища себе оправдания, она думала о том, что у нее нет другой цели, кроме пользы для общего дела. А сам Каландаров, несмотря на сегодняшнее свое благодушие, так свысока смотрел на все связанное с выборами нового бюро, это казалось ему таким маловажным делом, что Саиде было гораздо меньше стыдно за проявленное ею лукавство, чем если б на месте Каландарова оказался другой человек.

Еще раньше, когда Саида размышляла, кто бы мог стать третьим членом бюро, она подумала об Исмаилджане и даже посоветовалась об этом с несколькими коммунистами. Все они в один голос считали кандидатуру хорошей, но двое или трое усомнились — согласится ли с

этим Каландаров? Дело в том, что когда-то, правда уже давно, Исмаилджан совершил довольно редкий в их колхозе проступок — покритиковал председателя — и с тех пор был у него в опале, хотя и продолжал оставаться одним из лучших бригадиров.

На следующий день Саида, заранее волнуясь, встретилась с Каландаровым и сразу же, едва успев поздороваться, спросила его:

— Ну как?

И вдруг по его лицу увидела, что он совершенно забыл о своем вчерашнем обещании. Оно просто вылетело у него из головы, как только Саида ушла. Однако сейчас ему было стыдно признаться в этом, и, не долго раздумывая: в конце концов, какая разница — тот или другой, он тут же, с бухты-барухты, назвал фамилию колхозного завгара Усманджана Умарова.

Саида не собиралась соглашаться, но спорить об этом сейчас не входило в ее планы. Наоборот, в том, что Каландаров назвал именно эту кандидатуру, была своя хорошая сторона. Он мог бы выдвинуть и другого человека, такого же хорошего, такого же смирного и но роду работы так же непосредственно и прочно подчиненного ему, как Умаров. И, возможно, против той кандидатуры было бы труднее возражать. А здесь, с Умаровым, было как раз достаточно нескольких слов любого коммуниста на собрании, чтобы снять его кандидатуру. Усманджан Умаров был мужем Умиды Умаровой, но Каландарову, при его отношении к партийным делам, даже и в голову не пришло, как странно будет выглядеть партийное бюро, в котором двое из трех его членов — муж и жена.

С Умаровым Саида встретилась в тот же вечер, она не хотела превращать этого тихого человека в мишень для насмешек на самом собрании.

Сказав ему, что у некоторых товарищей есть намерение ввести его в новый состав бюро, Саида ждала, что он на это ответит.

Немного побледнев, Умаров тихо попросил поручить ему какое-нибудь другое дело, поскромнее. Потом, помолчав и поколебавшись, он вдруг с запинкой спросил: а как Умида?

Саида сказала, что Умиду тоже собираются выдвинуть в состав бюро и что собранию, видимо, придется в данном случае выбирать между мужем и женой.

Тут Умаров страшно покраснел, и, повторив, что он просит поручить ему какое-нибудь другое дело, поспешно назвал взамен себя

несколько фамилий, в том числе и Исмаилджана.

Услышав эту фамилию, Саида спросила Умарова, почему он назвал ее? Какие качества этого человека заставляют Умарова рекомендовать его в члены бюро?

В ответ Умаров очень горячо и, как показалось Саиде, вполне искренне стал хвалить Исмаилджана чуть ли не как самого лучшего бригадира в колхозе, а под конец добавил, что у него даже есть некоторый опыт партийной работы. Еще в те времена, когда Каландаров не раскусил самостоятельного характера своего лучшего бригадира, тот, именно по рекомендации председателя, был введен в один из составов бюро. В заключение Умаров сначала с маленьким колебанием, а потом уже тверже сказал, что, если кто-нибудь будет выдвигать его кандидатуру, он сразу же даст себе отвод и, в свою очередь, выдвинет кандидатуру Исмаилджана.

На следующий день Саида вывесила объявление о предстоящем собрании. Они так и не говорили больше с Каландаровым о повестке дня, но теперь Саида написала первым пунктом «Отчетный доклад», считая, что после их вчерашней миролюбивой беседы Каландаров вряд ли снова будет возвращаться к этому вопросу.

Войдя в правление, Каландаров остановился и стал читать написанную Саидой повестку дня. У него была привычка никогда не проходить мимо объявления, даже самого маленького, и вторая привычка — все, что вывешено, читать не спеша, от первой до последней строки.

Но Каландаров, до конца прочитав объявление и взглянув через плечо на Саиду, только хмыкнул и молча прошел в кабинет.

5

В самом же начале собрания произошло не предусмотренное Саидой событие: как только Умида попросила назвать кандидатуры в президиум, Каландаров встал, быстро назвал имена трех человек, потом, едва дождавшись, чтобы все подняли руки, совершенно спокойно поднялся и, бросив на ходу: «Ну, вы тут пока говорите, а я пойду», вышел. Ему даже не пришло в голову попросить разрешения.

Пораженная Саида взглянула на Умиду и, не увидев на ее лице даже признаков удивления, посмотрела на остальных. Было совершенно ясно, что ни один человек, кроме нее самой, не придал неприличной

выходке председателя ровно никакого значения. Саиду больше поразила даже не сама выходка Каландарова, а именно это общее равнодушие к ней. Лишь Исмаилджан, сидевший рядом с Саидой, тихо сказал ей на ухо:

— А это он всегда так, обычное явление...

Уход председателя сказался сразу. Один закурил, громко чиркнув спичкой. Другой засмеялся. Кто-то кому-то что-то сказал, не позаботясь понизить голос. Председательствующий, даже не попробовав уговорить собрание, равнодушно пробарабанил повестку дня и предоставил слово для отчета о работе старого состава бюро Умиде Умаровой.

Умида уже собиралась начать, но Саида, не дав ей это сделать, встала и звеневшим от напряжения голосом сказала:

- Вопрос так важен, что присутствовать товарищу Каландарову на собрании необходимо от начала до конца! Есть предложение подождать его. А еще лучше, послать за ним...

Как видно, к подобным предложениям здесь не привыкли, наступила такая тишина, словно случилось нечто из ряда вон выходящее. Тишина эта продолжалась целых сорок минут, пока искали председателя, и с каждой минутой именно из-за этой тишины и предложение Саиды, и сама Саида приобретали все больший вес и значение.

Наконец вернулся Каландаров; ни на кого не глядя, он хмуро прошел к окну и плюхнулся в кресло позади президиума.

Умида начала доклад.

Каландаров сидел, закинув руку за спинку кресла, и, повернувшись спиной к президиуму, глядел в окно. На протяжении доклада он дважды бесцеремонно прерывал Умиду, сначала заговорив с проходившим по улице почтальоном, а потом с заведующим фермой.

Саиде показалось, что он ищет повод снова исчезнуть: «Ну, вы тут пока... а у меня дела...»

Как раз в эту секунду бригадир Зульфакаров, который до того все пытался увидеть свое отражение в натертой о бархат дивана поверхности табакерки, сунув себе под язык щепоть жевательного табака, встал и, пригнувшись, направился к двери.

Саида нашла момент подходящим для того, чтобы, призвав к порядку одного, тем самым предупредить другого.

— Просьба без разрешения не выходить,— сказала Саида, выждав, когда Зульфакаров окажется ровно на полпути.

Зульфакаров так растерялся, что даже и не подумал обратиться, хотя бы и запоздало, за разрешением, а сразу повернулся и, пригнувшись еще ниже, протрусил обратно к дивану.

— Слушаемся вас, ападжан,— сказал он с робостью, похожей на насмешку, должно быть проглотив перед этим лежавший у него во рту табак. Сказал — и посмотрел на Каландарова.

Саида, увидев этот взгляд, испугалась, что Каландаров, сам готовый лопнуть от досады, чем-нибудь выразит сейчас свое сочувствие бригадиру. Это было бы очень плохо, и, оказывается, об этом подумала не только она одна.

— На партийных собраниях нет ни «ападжан», ни «ака-джан»! — вдруг приподнимаясь со своего места, поддержал Саиду Исмаилджан и, кивнув на нее, добавил: — У нее, к вашему сведению, есть фамилия: товарищ Алиева.

— Да ну? — проговорил Зульфакаров таким тоном, словно ему сказали необыкновенную новость, и, повернувшись к сидевшему рядом с ним Усманджану Умарову, усмехнувшись, добавил: — Смотри не зови больше свою жену Умидахон, называй ее товарищ Умарова.

Саида не дала родиться смеху.

— Товарищ Умаров сам прекрасно знает,— быстро сказала она,— как ему называть свою жену, а вот вам действительно следует быть настороже, как бы не перепутать имена своих жен!

Зульфакаров побледнел и широко раскрыл рот. Каландаров, наоборот, покраснел и начал нещадно тереть лоб. Он всегда это делал в минуты волнения. Взгляд его, брошенный на Зульфакарова, не предвещал тому добра: ну и болван,— говорил этот взгляд,— черт тебя дергал за язык!

Зульфакаров и Каландаров смотрели друг на друга, а Умида растерянно стояла с бумажкой в руках, не зная, продолжать или не продолжать ей свой доклад.

Зная, что еще полтора года тому назад на него подано заявление, Зульфакаров если и не мог совсем скрыть от людей свое двоеженство, то, по крайней мере, стремился держать его где-то в тени. Виновато опуская голову в случае упрека, он в то же время в глубине души не считал это бог весть каким грехом. Но сейчас, когда обвинение в двоеженстве вдруг громко и открыто прозвучало на собрании, это было словно удар хлыста! Неопределенное становилось определенным, грешок — грехом, пятнышко — виной. Это почувствовал не только сам

Зульфакаров, но и все вокруг. Они уже привыкли, что за Зульфакаровым тянется эта история; в домах она вызывала споры, на улице смешки, в чайхане зубоскальство, но здесь, на партийном собрании, она вдруг разорвалась, как бомба!

— Со второй мы уже уладили,— наконец невнятно промямлил Зульфакаров.

После только что происшедшего взрыва это робкое признание показалось комариным пискком.

При всей своей закалке Каландаров все-таки тоже поддался общему настроению.

— Не твой вопрос сейчас обсуждаем! Вот когда будем тебя обсуждать, тогда все и выложишь!

Слова эти прозвучали далеко не ласково, и Зульфакаров, глянув на председателя исподлобья, забился в угол.

Наконец доклад был дослушан.

Вопреки надеждам Саиды, выступавшие в прениях почти не касались вопросов, затронутых в докладе, а все больше распространялись насчет двоеженства Зульфакарова. Исмаилджан задал было другую ноту, рассказав о том, как работают коммунисты его бригады, но пример не оказался заразительным; еще один человек заговорил про Зульфакарова, и прения умерли.

Каландаров, не теряя времени, внес предложение считать работу бюро удовлетворительной; о том, что он сам является членом этого бюро и что такое предложение складней было бы внести кому-нибудь другому, он даже и не подумал. Предложение было вынесено на голосование и принято.

По второму вопросу снова первым выступил Каландаров. Когда он поднялся, по лицу Саиды прошла тень тревоги, но тревога эта оказалась напрасной, Каландаров был человеком слова. Он предложил избрать бюро из трех человек и назвал кандидатуры Саиды Алиевой, Умиды Умаровой и завгара Усманджана Умарова. Сказав две-три фразы о каждом, он протянул бумажку с заранее написанными им самим тремя именами председательствующему.

— А как же вы, Арсланбек-ака? — донесся из угла чей-то голос.

Но хотя этот голос и проявлял заботу о нем самом, на лице Каландарова не выразилось удовольствия. Он не любил постороннего вмешательства в то, что сам уже считал решенным, и это чувство было в нем и сейчас сильнее всех остальных.

— Без меня и так никакая работа не обойдется,— решительно сказал он,— и пусть лучше побольше людей в ней участие принимают! — И, сразу же ставя точку, добавил: — В общем, я голосую за этих трех и ни за кого больше!

Саида подумала, что сейчас он сядет и начнется самое трудное: спор о кандидатурах Умарова и Исмаилджана. Но Каландаров, не садясь, попросил у собрания разрешения уйти.

— Мне сейчас до зарезу нужно ехать в МТС,— сказал он,— меня там уже ждут, на часы смотрят!

Все были довольны этим непривычным новшеством — Каландаров, перед тем как удалиться, просил разрешения.

— Отпустить, отпустить! — раздались дружные голоса изо всех углов комнаты.

Чтобы как-то поддержать дисциплину, Саида предложила проголосовать. Пока люди поднимали руки, Каландаров стоял красный, словно переживал какую-то постыдную для себя церемонию. Стараясь сдержаться, он улыбался и подмигивал тем, с кем встречался взглядом, как бы говоря: ладно, раз надо, значит, надо, хотя ты и я понимаем, что все это пустое дело!

Саида тоже проголосовала со всеми. Она чувствовала, что, проголосовав «против», останется в одиночестве, а в данном случае это было бы глупо.

«Ну что же,— подумала она,— раз хочет уходить, его дело, пусть потом пеняет на себя».

Бледный Умаров, все время не спускавший тревожных глаз с Саиды, едва только вышел Каландаров, поднялся и, отведав свою кандидатуру, предложил избрать в члены бюро Исмаилджана Нур-матова.

Поскольку именно сам Умаров сказал о том, что неудобно одновременно быть в бюро ему и Умиде, это было встречено без смеха, а скорей даже одобрительно.

Кандидатуру Исмаилджана записали, но в последнюю минуту все-таки оставили и фамилию Умарова — пускай будут все четверо! По настроению собрания Саида поняла, что Умарова все равно не выберут, но многие не хотят вступать в прямой конфликт с Каландаровым, выдвинувшим его кандидатуру. Результаты голосования подтвердили ее догадку. Умида была избрана единогласно, против самой Саиды и против Исмаилджана был подан один голос. За Умарова не было подано ни одного голоса.

Когда прочли протокол счетной комиссии, стало так тихо, словно забаллотировали не Умарова, а самого Каландарова. Потом послышался смех. Оставляя в списке Умарова, каждый, конечно, думал, что кто-нибудь да проголосует за него, но в результате все проголосовали против и сейчас сами смеялись над этим. Саиде сначала стало даже немножко жаль Умарова, но потом она подумала, что ничего. Огорчение забудется, а в таком голосовании есть свой, и очень серьезный, смысл. Умарова вычеркнули так дружно не только потому, что он и Умида — муж и жена, но и потому, что Каландаров в его лице слишком уж откровенно выдвинул самую удобную для себя кандидатуру — тихого и послушного ему человека.

Собрание закончилось. Члены бюро, оставшись, распределили обязанности. Поздравив Саиду с избранием ее секретарем, Умида и Исмаилджан оба одновременно подумали: «Предложение Каландарова не прошло. Ну-ну, что-то будет дальше!»

6

Узнав о случившемся, Каландаров был вне себя. В конце концов он, пожалуй, мог бы и сам выдвинуть кандидатуру Исмаилджана, черт с ним, пусть бы был в бюро, он, Каландаров, вовсе не такой злопамятный, каким его считают! Его бесил не сам факт избрания Исмаилджана, а то, что он, Каландаров, внес предложение — хорошее или плохое, другой вопрос — и это предложение было отвергнуто! Он внес, а Саида отвергла! Весь свой гнев он теперь сосредоточил именно и персонально на Саиде. А остальные тоже хороши, уже готово, пошли у нее на поводу!

Теперь Каландаров был вполне уверен, что буквально каждый шаг Саиды — результат ее желания увеличить свой престиж за счет престижа его, Каландарова. Теперь он припомнил ей все: и то, что она пренебрегла его мнением насчет повестки собрания, и то, что, как бы подчеркивая это, она написала в объявлении слова «Отчетный доклад» не какими-нибудь, а именно красными чернилами, и то, что, когда он ушел с собрания, она вынудила его вернуться. И Зульфакарова она ударила по голове, тоже не просто так, а чтобы он, Каландаров, почувствовал боль в ногах! А стоило ему уйти, как она протащила в бюро Исмаилджана! Чем больше Каландаров бесился, тем быстрее каждое из этих событий вырастало в целую гору.

И месяца не прошло, как тут болтается эта девчонка, а представьте

себе, какие откалывает штуки! Спрашивается, что же будет дальше? Нет, надо привести ее в чувство, надо ей разом открыть глаза на то, кто такой Каландаров и что такое она по сравнению с ним!

Приняв это решение, Каландаров на следующее утро вызвал Саиду в уже известный нам, предназначенный для головомоек, кабинет.

Когда Саида вошла, вид Каландарова не предвещал добра; чувствовалось, что он с трудом сдерживается.

Поздоровавшись, Саида, тоже заранее решив держать себя в руках, неторопливо уселась в кресло; чтобы выслушать упреки и неприятности, лучше всего усесться поудобнее, а неприятности будут, это уж безусловно. Сняв соломенную шляпу, Саида положила ее на краешек председательского стола.

Однако Каландаров начал не с упреков.

— Итак, значит, выписываем вам зарплату как завклубом?— спросил Каландаров тем недовольным голосом, каким спрашивают у навязавшихся на шею дармоедов: «Итак, стало быть, прикажете вас поить и кормить?»

Партийная организация была маленькая — освобожденный секретарь не предусмотрен, и Саида, как мы уже знаем, с самого начала приехала сюда на давно пустовавшую должность заведующего клубом. Каландаров знал это не хуже Саиды, но хотел уколоть ее.

— Ну что же,— сказала Саида,— вам виднее, тем более, что я заранее на это согласилась. Беда только, клуба у нас с вами и нет!

— Штаты есть,— отрезал Каландаров.

— А сам-то клуб?

Клуб давно не работал, Каландаров прекрасно знал и об этом, и поэтому пауза была достаточно длинной.

Развели там немножко шелковичных червей,— наконец сказал он.— Но на днях соберем коконы, освободим.

— Но ведь и тогда будет не клуб, а только одно помещение,— не сдавалась Саида.— Там же внутри ровно ничего нет! Как-никак, а раз я все-таки заведующая клубом, я за это время, по крайней мере, выяснила и чего там нет, и что там должно быть.

Ему очень хотелось обрезать ее, но ситуация была неподходящей, и он только хмуρο спросил:

— А чего вам надо?

— Много надо, Арсланбек-ака. Вы не хуже меня знаете, что надо. Чтобы было такое место, куда бы люди могли прийти после работы

отдохнуть и повеселиться. Кино надо! Занавес, чтобы можно было давать концерты, надо! Инструменты для музыкальных кружков надо! Деньги, чтобы приглашать лекторов, надо! Если поможете сделать из клуба действительно клуб, то назначайте меня заведующей, я согласна!

Слово «поможете» особенно разозлило Каландарова, и он проговорил, не скрывая насмешки:

Вы и так умная девушка. Проживете и без моей помощи, она вам не больно-то нужна!

«Да, здорово разобиделся за вчерашнее»,— подумала Саида, но, сделав вид, что пропустила насмешку Каландарова мимо ушей, смиренно сказала, что если он на первых порах поможет ей, то потом она постарается не досаждать ему просьбами.

Но Каландарова нельзя уже было утихомирить никаким смирением.

Вы же приехали к нам не помощи просить, а руководить нами,— язвил он.— Вы же наш руководитель! Мы же, куда ни ступи, должны делать все под вашим руководством.

Он был до такой степени зол, что Саида даже подумала: уж не появилась ли у него какая-нибудь новая причина для раздражения, помимо результатов вчерашнего собрания.

«Интересно, как бы он разговаривал со мной, будь я мужчина,— подумала она,— может быть, тогда все-таки попробовал бы найти со мной общий язык?»

Эта мысль очень разозлила ее, и она, удержавшись от резкого ответа, не удержалась от иронии.

- Ну что вы, Арсланбек-ака,— сказала она, улыбаясь,— Как я могу вами руководить? Ведь если женщина начнет вами руководить — или ей, или вам головы не сносить!

Хотя шутка была, пожалуй, опасной, но Саида не ожидала от нее таких грозных последствий.

Каландаров пришел в самую настоящую ярость. Фраза, сказанная им дома жене в присутствии Саиды, тут, в стенах правления, вдруг прозвучала совершенно иначе: нелепо и рискованно. Он вызвал Саиду с целью приструнить ее, но, кажется, получалось наоборот!

И он ответил Саиде тем, чем привык отвечать всегда, когда не находил настоящего ответа,— грубостью.

— Вы мне не смейте тащить сюда на работу разные домашние шутки! — заорал он на нее, грохнув кулаком по столу.

Саида вздрогнула от неожиданности и невольно ответила ему совсем не тем, чем нужно было ответить.

— Да что я такого сделала? — почти робко сказала она.

Эта минутная робость только еще больше распалила Каландарова. Эта девчонка робеет от крика? Ну что ж, покричим на нее еще!

— Вы что, думаете, я уже не имею права пошутить в собственном доме, с собственной женой? Этого еще не хватало! Уж не собираетесь ли вы заставить меня плясать под вашу глиняную дудку! Так у вас нос не дорос! Люди покрупнее вас воображали, что заставят меня плясать под их музыку, да не вышло! И не выйдет!

Саида понимала, что Каландаров так рассвирепел не только от ее шутки, — шутка было всего-навсего щепкой, подброшенной в огонь. Но что же с такой силой полыхало в нем сейчас? Все та же вчерашняя обида? Или под этой обидой свирепым пламенем разгоралось самолюбие и тщеславие человека, вообще давно отвыкшего считаться в чем бы то ни было с кем бы то ни было?

«Но нет, считаться со мной вам придется! И на первый случай выборы уже состоялись, и результаты их не переменишь, хоть криком кричите!.. Да и что, собственно, он на меня кричит?» — подумала она и именно это и хотела сказать ему, но он уже снова завопил, не дав ей рта раскрыть:

— Глупым ребенком не будьте! Научитесь понимать, что вы можете и чего нет. Вы себе в голову вбили, что я захудалая кляча, годная только в пристяжные? Смотрите не ошибитесь! Я еще такой скакун, что не всякий на мне удержится, а кое-кого могу и раздавить! Да-да, зарубите себе это на носу!

Согласитесь, что, если даже на тебя кричат и ты очень рассержена, все-таки невозможно не улыбнуться, когда взрослый, немолодой, красный от злости мужчина вдруг сам называет себя скакуном. Не улыбнуться было невозможно — и Саида улыбнулась.

— Арсланбек-ака,— сказала она, неожиданно для себя успокаиваясь от звука своего тихого и насмешливого голоса.— Ведь скакуны бог весть куда уносят седока только при виде плетки. А вы унеслись так далеко... Простите меня, но, собственно, что случилось, в чем все-таки дело?

Где-то в глубине души Каландаров даже оценил ее насмешливый ответ и чуть сам не усмехнулся, но он еще не выложил всего, что собирался, и поэтому не желал успокаиваться.

— Это я вынес на своих плечах колхоз! — кричал он, постепенно все же переходя с крика просто на громкий голос,— И не вам, а мне знать, в чем наша радость и в чем наше горе! Не мальчишки и не девчонки, а ученые, да-да, с бородами! Из разных академий! Приезжают и сначала идут ко мне, а потом уже смотрят хозяйство. Я книгу о колхозе написал!

Он с такой силой рванул ящик стола, что чуть не ударил себя по животу, и швырнул под нос Саиде довольно толстую брошюру:

«Путь колхоза «Бустон». Саида вдоль и поперек изучила эту брошюру еще до приезда в колхоз, но сейчас из врожденной вежливости перелистала ее.

— Я не сомневаюсь в том, что вы большой человек,— спокойно сказала она.

— А раз так, зачем артачитесь, не слушаете старших?

— А что я, собственно, сделала?

— Почему Умаров не прошел в бюро? — Каландаров снова повысил голос.

— А почему он должен был пройти? — все так же спокойно парировала она.

Каландаров грозно нахмурился.

— Потому что когда я что-нибудь делаю, то я делаю это обдуманно.

— Ну что же,— ответила Саида как могла равнодушной,— Значит, вам нужно было досидеть на собрании до конца и объяснить коммунистам, почему именно кандидатура Умарова является, по вашему мнению, наиболее подходящей.

Ее спокойный тон мешал Каландарову держаться на высоких нотах.

— Да, я обдумал кандидатуру Умарова,— сказал он уже без прежнего запала.— А вот обдумали ли вы сами кандидатуру Исмаилджана Нурматова — в этом я не уверен. Вы что, хорошо знаете его?

— Я пока еще нет,— сказала Саида, — но остальные коммунисты — да. Они знают его хорошо. И потом сами подумайте, Арсланбек-ака, что лучше: если бы членом бюро был завгар, половину времени проводящий в поездках и очень мало имеющий общего с нашим главным делом — с хлопком, или если членом бюро будет бригадир, всю жизнь выращивающий хлопок и, как говорят люди, один из лучших знатоков нашего колхозного хозяйства? Ну скажите сами, что лучше и кто из них как член бюро больше поможет вам как председателю? И,—

еще спокойнее добавила она,— ведь нельзя считать таким уж правильным, когда в одно бюро выдвигают одновременно и мужа и жену. Согласитесь сами...

— Вы не учите меня, не учите! Одного прошу — не учите! — снова раскричался было Каландаров. Выпрямившись, он захлопнул животом ящик стола, встал, но, с минуту постояв, снова опустился на стул.

У Саиды сдвинулись брови, голос ее по-прежнему оставался мягким, но в нем появились новые нотки.

— Я никогда не думала учить вас, хотя бы потому, что вы мне в отцы годитесь, но, если, по-моему, что-то неверно, должна же я сказать вам об этом! По-моему, партийное собрание приняло правильное решение. Против Исмаилджана был всего один голос, если не считать того, что вы отсутствовали...

— Еще бы, зачем же считать меня, если есть вы? Там, где присутствуют такие руководители, как вы, таких, как я, можно смело сбросить со счетов!

У него был сейчас такой обиженный вид, что Саида невольно заговорила с ним почти как с ребенком.

— Арсланбек-ака, подумайте сами, ну зачем такие слова!

Но Каландаров уже снова взвился до небес:

— Еще бы, это же вы вынесли колхоз на своих плечах! Это у вас на все сразу готов ответ: что хорошо, что плохо! Это вы на одном мизинце можете без труда поднять хоть десять таких колхозов, как наш «Бустон»! Знаете, есть такая птичка-синичка на тонких ножках. Так вот, старики говорят, что эта птичка-невеличка по ночам, подняв кверху свои ножки, думает, что небо удержит, если оно на землю упадет!

Отвечать сейчас Каландарову было бесполезно, он желал слушать только собственный голос, однако молчание было бы знаком согласия.

Саида несколько секунд смотрела на него и, усмехнувшись, сказала:

— На свете много разных птиц, Арсланбек-ака. Ведь и петух думает, что если он не покричит, так и рассвет не наступит!

После всех своих криков и в особенности последней, как ему казалось, беспощадной издевки Каландаров считал, что Саиде осталось только удариться в слезы. Ее ответный удар был так внезапен, что он вздрогнул и, потеряв остатки самообладания, даже не крикнул, а взвизгнул:

— Вон отсюда! — Руки его шарили по столу, словно искали, чем бы стукнуть девушку по голове. К счастью, первым, что ему попало под

руку, была смиренно лежавшая на краешке стола соломенная шляпка Саиды. Схватив ее обеими руками, он стал ее рвать на кусочки, как листок бумаги, и, с некоторой натугой изорвав всю до конца и собрав клочки в горсть, кажется, намеревался швырнуть их в лицо Саиды.

Но Саида неподвижно сидела, глядя на него в упор, не моргая и не отводя глаз, и именно поэтому он, не посмеяв сделать того, что ему хотелось, швырнул обрывки на пол и выскочил из кабинета.

Еще долго, не находя в себе силы сдвинуться с места, сидела пораженная Саида. Наконец она встала, не спеша подняла с полу все до одного клочки своей шляпы, открыла ящик каландаровского стола, сложила их туда, закрыла стол и медленным, усталым шагом вышла в приемную.

В приемной сидела Умида, улыбаясь, рассматривала только что пришедший свежий номер «Муштума».

- Ты что там делала? — спросила она, увидев Саиду.

— Да в общем ничего, — сказала Саида. — Ты давно здесь?

— Нет, минут пять. Как раз шла и встретила Каландарова, он куда-то спешил, летел как пуля! Я даже и не думала, что ты здесь, в кабинете.

— Ничего особенного, — повторила Саида, довольная тем, что, оказывается, никто не слышал воплей Каландарова. — Ничего, — еще раз повторила она и почувствовала страшную усталость во всем теле.

7

Саида прошла в сад. Под карагачем никого не было, но красный чайник и опрокинутая вверх дном пиала говорили, что председатель неподалеку. Саиде меньше всего хотелось встречаться с ним; медленно, как больная, она прошла через густой коридор поднимавшегося по проволочным аркам винограда и, чувствуя, как слезы подступают к горлу, оглянувшись, не видит ли кто-нибудь ее, побежала домой через пустынный в этот час старый вишневый сад. Она уже добежала до своей комнатки, вставила ключ в замок и вдруг опомнилась.

«Да что же я делаю? — спросила она себя. — Зачем я пришла? Чтобы упасть на кровать и разреветься? Но какую печаль я хочу выплакать, чью бессердечную душу я хочу смягчить слезами? И вообще, почему я хочу реветь? Если Каландаров дал мне щелчок, то от меня он получил затрещину; если он, вместо того чтобы расправиться со мной, расправился с моей шляпой, — разве это он проявил силу, а я слабость?»

Она даже улыбнулась такой мысли и, шмыгнув носом, смахнула с ресниц слезинки. Самолюбие было отнюдь немаловажным качеством в характере Саиды, и сейчас, ощутив его, она вдруг перестала чувствовать себя усталой и слабой.

Нет, она не поддалась и не поддастся и ни в коем случае не будет, как дура, лежать и реветь в подушку, наоборот, она пойдет сейчас же назад и немедленно встретится с председателем и совершенно прямо, как он того и заслуживает, назовет его отсталым и невоспитанным! О, она сумеет дать ему понять, что она вовсе не из тех жалких, беззащитных женщин, какую он, очевидно, надеялся увидеть в ее лице! Саида решительно повернула обратно и нарочно пошла мимо карагача. Но председателя там не было, а председательский чайник и пиала исчезли.

Зайдя в правление, Саида узнала новость: только что пришла телефонограмма. Каландаров утвержден руководителем взаимопроверочной бригады, выезжающей сегодня в соседнюю область.

Саида была в том настроении, когда трудно заставить себя быть вполне справедливой.

«Ну конечно, — подумала она, — не нашли ничего лучшего, чем послать человека, который и в милиции побывал, и женские шляпки рвет, и вообще безобразничает как ему вздумается».

Однако не будем осуждать Саиду за то, что она сейчас была готова забыть, что Каландаров умеет не только рвать женские шляпки и наезжать на милиционеров. По правде говоря, она сегодня здорово натерпелась от Каландарова и была теперь вправе наедине с собой проявить к нему некоторую несправедливость.

Сердито пройдя в свой кабинет, она впервые со дня приезда села на секретарское место.

Чуть-чуть поостыв, она подумала, что, наверное, все же Каландарову станет неловко за свой поступок и он, хотя бы под предлогом отъезда, зайдет к ней, чтобы как-нибудь загладить происшедшее.

Сначала подумав так, а потом решив, что так оно и будет, Саида заранее обсудила сама с собой тот миролюбивый, но достойный ответ, который она даст Каландарову. Итак, все было готово к его приходу; дело оставалось только за ним — но он не шел и не шел...

Лишь через два часа от случайно заглянувшей к ней Умиды Саида узнала, что Каландаров уже давно, вовсе и не подумав прощаться с ней,

уехал в райцентр, а оттуда в область.

«Неужели он не понимает,— с новым приливом горькой обиды подумала она,— что за поступки, которые он совершил сегодня, надо просить у людей прощения?.. Даже пусть бы он не попросил прощения,— продолжала свои размышления Саида, по правде говоря не очень представляя себе Каландарова просящим прощения,— но пусть бы я увидела, что он хоть чувствует себя виноватым...»

— Нет, бесполезно что-нибудь говорить такому человеку! — вслух сказала она, сидя в пустом кабинете и сердито стуча по столу своим маленьким кулаком.— Надо ехать в райком и все, все рассказать товарищу Насырову. И если даже Каландарову ничего не будет за это, пусть все-таки знают, в каких условиях мне здесь приходится работать!

Саида решила было тут же написать в бюро райкома письмо про все безобразия Каландарова, но так расстроилась, перебирая их в памяти, что отложила это на вечер, а сейчас торопливо на клочке бумаги набросала только план письма: «Милиция! Дисциплина на собрании! Отношение к женщинам! Руководство и потеря головы! Шляпа!»

Слова «дисциплина» и «шляпа» она жирно подчеркнула. Вечером, только-только Саида засела за письмо, как в окно ее комнатки просунулась голова Умиды. Умида сказала, что приехал товарищ Насыров.

Саида ужасно обрадовалась — как ни пиши о Каландарове, разве передашь в письме все самые тонкие и важные обстоятельства дела!

Наспех сунув уже исписанные листки под подушку, Саида побежала в правление.

Под карагачем была целая толпа народа; тут и обычно-то собиралось по вечерам много людей поговорить о том о сем, а сейчас, услышав о приезде секретаря райкома, многие пришли специально, чтобы увидеть его.

Еще издали приветствуя Саиду, Насыров поднялся с помоста, пошел ей навстречу и, пожалуй, даже с чуть-чуть подчеркнутым уважением поздоровался с ней.

Любой, кто мог наблюдать, как Насыров говорил сейчас с Саидой и как он в свою очередь слушал ее, невольно должен был бы прийти к выводу: «Эге, кажется, мал золотник, да дорог: смотрите, как с ней разговаривает секретарь райкома!»

И хотя Саида в душе чувствовала некоторую неловкость от того подчеркнутого внимания, которое ей оказывал сейчас Насыров, она

старалась не обнаружить этого и держаться на высоте.

Однако когда Саида, решив изложить все свои обиды на Каландарова, пригласила секретаря райкома зайти к ней в кабинет, Насыров сказал, что он очень спешит и завернул сюда только на минуту по дороге в колхоз «Ватан».

Это было не совсем верно; он действительно ехал в «Ватан», но вовсе не так уж спешил и первоначально как раз имел намерение, заехав сюда, не только поддержать авторитет Саиды, но и часок поговорить с ней. Однако, увидев припухшие глаза Саиды и ее подрагивающие губы, он передумал. Несомненно, она чем-то расстроена, собралась жаловаться и готова расплакаться. Несомненно также, что для такого ее настроения есть свои более или менее уважительные причины и главная из них, наверное, Каландаров. Но начать тут же выслушивать ее сдобренные слезами жалобы и поневоле успокаивать ее — это, по мнению Насырова, значило вовсе не к месту показывать свое расположение к молодому работнику, открывая ему и в дальнейшем дорогу к нытью и жалобам.

Насыров уехал, сказав, что, когда у Саиды будет время, она может застать его в райкоме, а расстроенная Саида до полночи писала свое письмо, то злясь, то плача, и поэтому добрую половину страниц закапав слезами.

Свободное время у нее, разумеется, выбралось на следующее же утро, но, когда она переступила порог райкома, лежавшее в ее кармане и написанное с такими муками письмо показалось ей слишком длинным и малодушным, и она решила, не показывая его, просто рассказать все и сделать это покороче, опустив лишние мелочи.

А когда она уже переступила порог секретарского кабинета, ей вдруг стало не по себе. Всего месяц, как она сидела вот тут, в соседней комнате, еще так недавно, уезжая отсюда, она обещала сделать все, что в ее силах, и — нате, здравствуйте — вернулась сюда жалобщицей.

Она вошла в кабинет растерявшись, еще не зная, что будет говорить и что оставит при себе. А когда Насыров, посадив ее напротив себя на диван, сказал: «Я вас слушаю», Саида вдруг и вовсе не нашлась что сказать.

В замешательстве она начала с того, что высказала несколько соображений о формах политучебы в колхозе — этот вопрос и правда занимал ее в последние дни, хотя для него не нашлось места в письме.

Выслушав ее, Насыров немножко поговорил о работе как раз таких

политкружков, которые она хотела сейчас организовать, сделав вид, будто он именно так и думал, что Саида приехала к нему говорить о кружках.

На самом деле Насыров, разумеется, понимал, что Саиду привело сюда не только это. Да и ничего удивительного,— наверно, она здорово успела натерпеться за этот месяц от Каландарова!

Сейчас Насыров уже не опасался такого разговора. Он был почти уверен, что теперь Саида обойдется без слез и более здраво, чем вчера, посмотрит на дело. Не желая вынуждать девушку, он сам завел разговор об этом.

— Кстати, о политучебе,— начал он.— Предвижу, что привлечь к ней Каландарова вам будет довольно трудно. Рассказывают, что, когда ему советуют хоть слегка подучиться, он гордо отвечает, что это его личное дело. Вот бессовестный, а? — вдруг рассмеялся Насыров.

— Это верно. А кто вам рассказал? — спросила Саида и, покачав головой, горестно вздохнула.— Вообще тяжело, очень тяжелые условия!

У нее покраснели веки, и Насыров сразу заметил это. Надо было предотвратить вчерашнее. Прекрасно зная, что Саида имела в виду, Насыров, однако, сделал вид, что не понял ее.

— Вот как, тяжелые условия? — переспросил он.— В чем же они прежде всего заключаются: земля, люди, профиль хозяйства? Вы не напомните мне, сколько у вас там гектаров и под какими культурами и как на них распределяется рабочая сила?

Саида смешалась. Не понял ее Насыров или только сделал вид, что не понял, но отвечать-то надо было! А как раз это ей трудно было сделать. Те поверхностные сведения, что она получила в первые дни в бухгалтерии, те немногие разговоры, которые она вела собственно о хозяйстве колхоза, да и то больше в первые дни, чем в последние, спутались у нее сейчас в голове, и даже цифры, которые она, кажется, помнила, вдруг как чертики поскакали в разные стороны. Однако на память нечего было обижаться — у хорошей памяти должны быть корни, а их пока не было. Саида еще плохо знала хозяйство колхоза, еще мало интересовалась им, и единственное хорошее во всем этом было то, что она сейчас честно об этом подумала.

А пока она думала, Насыров молча сидел и терпеливо, даже слишком терпеливо, ждал ответа.

Прошло, наверно, с минуту; она подняла глаза и встретила его

взгляд, говоривший: «Если ты сейчас, через месяц, все еще не знаешь таких азов, спрашивается — с чего ты там начала свою работу?»

И хотя Саида еще недавно собиралась излить в этой комнате свои обиды на Каландарова, по крайней мере в течение часа, никак не меньше, сейчас, под взглядом Насырова, это желание начало исчезать у нее.

А Насыров между тем продолжал расспрашивать о соблюдении севооборотов, об опасности засоления земель, о соотношении колхозных доходов — основных и побочных... И она хотя и пыталась говорить в ответ что-то близкое к истине, но сама прекрасно понимала, что это не ее собственные знания, а только жалкие обрывки мельком услышанных чужих слов.

Наконец, уже сама не желая сейчас говорить о Каландарове, а просто судорожно ища выход из неловкого положения, она вдруг выпалила:

— Я пришла потому, что хотела поговорить о председателе, о Каландарове!

Насыров был совсем не прочь услышать мнение Саиды о Каландарове и выяснить причины ее вчерашнего подавленного состояния. Однако ему хотелось, чтобы ее жалобы не остались в кругу сетований на тяжелый характер председателя и на трудно сложившиеся личные отношения. Он хотел, чтобы речь пошла прежде всего о деле и жалобы тоже, в конечном итоге, послужили бы делу. Поэтому он, приготовившись слушать, бросил, однако, предостерегающую реплику:

— Условия, в том числе и тяжелые, создаются не одним председателем! — И, сказав так, вдруг спросил Саиду, читала ли она один новый роман, некоторые страницы которого, как он полагает, подтверждают его мысль.

Романа Саида не читала, а прохладное отношение Насырова к тому, что она собиралась рассказать о Каландарове, очень раздосадовало ее.

— Конечно, не один председатель создает условия,— сказала она,— но его отрицательное влияние может быть очень большим.

— Что верно, то верно,— сказал Насыров, — тут я с вами согласен. Но если говорить о влиянии — ваша чаша весов всегда перетянет, если председатель, в данном случае Каландаров, со своим отрицательным влиянием останется в одиночестве, а вы со своим положительным влиянием обопретесь на окружающих вас людей, на колхозных коммунистов, да и на нас, на райком. Мне лично думается, что

Каландаров — большая сила, он как полая вода: может и своротить мельницу, может и завертеть ее. В людском характере много сторон. Мой совет — изучите в Каландарове хотя бы эти две, но зато как следует! Что мы знаем о Каландарове? Знаем, что он прекрасный организатор? Но ведь эти слова — целая книга, ее надо прочесть от доски до доски! У семи нянек дитя без глазу,— говорим мы о нем; но ведь нянек-то семь, и бывший секретарь товарищ Кадыров был только одной из них, нельзя все сваливать на него. Надо разобраться — и почему няньки стали привыкать к тому, что дитя без глазу, и почему дитя (усатое в данном случае) само стало стремиться к тому, чтобы за ним этого глаза было поменьше. А не разберемся во всем этом — положения не переменим! И не кто-нибудь другой, а вы и мы должны показать ему ясно, где черное и где белое, показать, что благодаря ему выросло и расцвело в колхозе и что — благодаря ему же — засохло, осыпалось. А если у человека, даже ценного, глаза так заплыли жиром, что он и на самого себя посмотреть не может, то такие глаза при всем народе прочищают. Мы ведь не следователи, мы — партийные работники.

Желание жаловаться на Каландарова окончательно увяло у Саиды. В самом деле: она пришла сюда готовая очень много наговорить, а подумать о том главном, что, наверное, каждый день с треском сталкивается в самом Каландарове, делая его таким, как он есть, подумать об этом она по-настоящему не успела. А прежде чем говорить, надо было много думать и много знать. И во всем том, что только что сказал ей Насыров, содержался прежде всего именно этот укор.

В конце концов, теперь уже больше в порядке информации, Саида рассказала Насырову о некоторых бросившихся ей за этот 60 месяц в глаза — иногда грубых, иногда смешных — проделках и выходках Каландарова. Она отзывалась о них сейчас так, как они этого заслуживали, то с горечью, то со смехом.

Насыров тоже иногда посмеивался, а услышав про шляпу, захохотал.

— Ого,— сказал он,— я вижу сдвиги. И то, что вы мне рассказали, все это отнюдь не в порядке жалобы,— это тоже своего рода сдвиг в работе!

— Ну а если бы я пожаловалась вам, Тахирджан-ака? Ведь жалобы бывают разные...

— Разумеется,— сказал Насыров,— но все же всякая жалоба несет

в себе долю слабости. Когда я в детстве учился в интернате, меня здорово отлупил один ловкий мальй из соседнего детдома; я опоздал к обеду, все ребята уже сидели за столами, а воспитатель стоял у дверей. Еще не утерев слез, я бросился к нему жаловаться: такой-то из такого-то детдома только что избил меня! Тогда воспитатель отвел меня на мое место за столом, велел встать на табуретку и стоять, подняв руки. «Подними, подними,— сказал он,— тот, у кого руки не умеют драться, должен, по крайней мере, хорошо поднимать их вверх!» Так я и простоял с поднятыми руками и опущенной головой, пока все девяносто моих товарищей не покончили с обедом. С тех пор я ни разу никому ни на кого не жаловался. На рабфаке учился, университет кончал, в армии шесть лет служил — ни разу не жаловался!..

И хотя Насыров обошелся без того, чтобы закончить свои воспоминания прямым нравоучением, Саида была рада, что ее письмо так и осталось лежать у нее в кармане.

Недалеко от райкома, на мосту через магистральный канал, Саида остановилась, вынула письмо и, не перечитывая, изорвала его на мелкие клочки, еще более мелкие, чем те, в которые Каландаров превратил ее шляпку. Клочки, потрепыхавшись на ветру, один за другим легли на воду и поплыли себе далеко-далеко, в казахские степи...

8

Саида получила хороший урок, не хуже того, что дал когда-то воспитатель самому Насырову, заставив его стоять на глазах у всех с поднятыми руками. Спрятав в карман самолюбие, она сделала единственно правильное, что могла сделать,— начала с азов, не стыдясь задавать о любой стороне колхозной жизни любой самый простой вопрос, если ей казалось, что она чего-то не знает или не понимает.

Сначала она тревожилась за свой авторитет, но потом почувствовала, что люди презирают не тех, кто не знает и спрашивает, а тех, кто не спрашивает, делая вид, что знает. Конечно, ее выручало и то, что она была хоть и с городским образованием, но все-таки из кишлака и могла отличить ячмень от пшеницы и дыню от тыквы.

Итак, Саида не покладая рук изучала колхоз, а вместе с ним его председателя товарища Каландарова. Если когда-то, на первых порах,

ее, случалось, больше всего волновала проблема «Каландаров и я», то сейчас она изучала проблему куда более существенную: «Каландаров и колхоз».

Говоря с Саидой о Каландарове, Насыров сказал: «У семи няnek дитя без глазу». Прослужив много лет в армии, он вообще любил употреблять русские поговорки, невинно щеголяя перед собеседником знанием всех тонкостей русской речи.

Но на узбекском языке была еще другая, своя поговорка, уже давно и накрепко приставшая к Каландарову. На холодном севере про такого сказали бы, что он хорошо пригрелся, на палящем юге — что он рос в холодке, «в тенечке».

И вот Саиде предстояло теперь изучить не только те качества Каландарова, которые сделали из него хорошего организатора, но и те причины, что привели его в этот «тенечек».

Одной из причин была его малограмотность.

Внутренне стыдясь ее, он только и делал, что хвастался ею.

«Хоть я и малограмотный, но планы выполняю лучше всех грамотеев» — это была его любимая поговорка, начало и конец всех его речей.

Второй причиной того, что он рос «в тенечке», было очень многое, связанное с историей его возвышения, а в конечном счете с еще недавно нередким положением, когда один гремевший на всю республику колхоз мог служить для района и знаменем, и похвальным листом, и щитом от упреков за все остальное.

Для того чтобы в этих условиях понемногу не распоясаться, у председателя такого колхоза должно было быть много скромности и мало тщеславия. У Каландарова было как раз наоборот: мало скромности и вполне достаточно тщеславия. Это последнее росло у него прямо как рекордный урожай на специально удобренном и во всех отношениях подготовленном для этого участке. В итоге Каландаров привык считаться только с тем, что приносило ему славу: с выполнением плана и с доходом на трудовень, а на все остальное смотреть сквозь пальцы.

Как раз в те дни, что Каландаров ездил со взаимопроверочной бригадой, а Саида, отчасти пользуясь его отсутствием, поочередно совала свой любопытный нос во все колхозные дела, был самый разгар сбора и сдачи коконов. В эти дни по вечерам под карагачем можно было слышать немало разговоров о том, что в таком-то звене есть «липа»

или даже большая «липа», а в таком-то звене ее нет или почти нет.

Саида и прежде слышала это слово, но не вникала в его значение, считая, что речь идет о каком-то недостатке в области шелководства.

Теперь ей пришлось познакомиться с тем, что это значит на самом деле, в жизни: некоторые шелководческие звенья, гонясь за славой и за премиями-надбавками, тайно, сверх установленной нормы, разводили еще некоторое количество шелковичных червей.

И вот вдруг, когда, скажем, повсюду выполнение плана еще только-только начинало ползти от девяноста процентов к ста, районная газета бухала во все колокола, что такое-то звено колхоза «Бустон» выполнило план на сто двадцать процентов!

Именно такая история произошла и сейчас. Саида, не откладывая в долгий ящик, сразу отправилась в одно такое прославившееся на весь район звено и без особого труда обнаружила, что из ста двадцати процентов пятнадцать приходится как раз на «липу».

Саида долго говорила со звеньевой, пробовала растолковать ей, что так делать нельзя, что если все звенья будут поступать так же, то и вверх пойдут неверные сведения, и наука, чего доброго, сделает неверные выводы о продуктивности шелковичного червя, и что, наконец, если каждый год можно разводить больше червей, чем намечено по плану, то, значит, надо составить и другой план. Но звеньевая обратила на ее слова ноль внимания.

— Да-да,— сказала она,— может быть, у нас не все так, как надо.— Но по выражению ее лица было совершенно ясно: она считает, что у нее как раз все так, как надо.

Саида переменяла тактику и попробовала припугнуть ее тем, что, наверное, за обман в конце концов по голове не погладят.

Звеньевая сначала и к этому отнеслась безразлично, а когда Саида стала настаивать, в ответ просто-напросто обругала ее.

Ларчик открывался просто: оказывается, Каландаров, хотя и делал вид, что ни сном ни духом не причастен к «липе», на самом деле прекрасно знал, что она существует, и те, кто ею занимался, чувствовали себя за его спиной в полной безопасности.

Когда же огорченная Саида стала делиться своей тревогой с одним из членов правления, он, усмехнувшись, рассказал ей о том, по какому принципу вообще Каландаров дает в течение сельскохозяйственного года сведения, которые от него требуют сверху. Принцип оказался самым простым: Каландаров отнюдь не утруждал себя подсчетами, а

брал из головы все сведения, которые считал в данный момент необходимыми или удобными, потом диктовал их на бумагу, ставил внизу свою закорючку и отправлял все это в любое место, где желали заниматься статистикой. На этот счет у него была не только своя практика, но и своя теория.

«Дело района,— говорил он,— получить от меня хлопок и шелк, а в мои дела пусть не лезет!»

Исследуя разные стороны деятельности Каландарова, Саида выяснила, что те документы, где он только должен был ставить свою подпись, он поручал писать Умиде, и тут все обстояло сравнительно благополучно. Гораздо хуже обстояло с теми документами, которые по тем или другим причинам надо было писать собственноручно. Ведь одно говорить «я малограмотный, а план выполняю лучше всех грамотных», а совсем другое сесть перед чистым листом бумаги и выводить на нем каракули. Такое занятие было Каландарову нож острый, и поэтому все его «собственноручные бумаги» были написаны не им, а старшим чайханщиком, и только подпись на них действительно принадлежала Каландарову. Это, разумеется, даже при его крутом характере все же ставило председателя в какую-то зависимость от Ишана, а об этой зависимости Саида думала без всякого удовольствия.

Малограмотные люди обычно одно из двух: или очень уважают науку, сетуя, что в их собственной судьбе она прошла мимо, или раз навсегда считают себя обиженными на нее и стремятся третировать тех, кому довелось учиться больше их, но кто тем не менее попал от них в зависимость.

Вторые встречаются реже, чем первые, но Каландаров был как раз одним из них.

Директор и учителя школы отнюдь не принадлежали к числу людей, о которых Каландаров думал или заботился; наоборот, при всяком удобном случае он демонстрировал свое пренебрежение к ним, а в колхозе это всегда сказывается не только на оборудовании школы или на том, свистит или не свистит ветер зимой в ее классах, но косвенно даже на таких вещах, как дисциплина: ведь дети очень чутки к тому, как относятся к их учителям взрослые. Были вещи и похуже: только ничтожная часть девочек, учившихся в школе, доходила до десятого класса. Здесь как раз и опереться бы на помощь председателя. Да где там!

Детский сад был отдан на откуп Кифоятхон, а она, как мы знаем,

была слишком занята своими многочисленными обязанностями в доме председателя, а в свободное от них время — своими мыслями о предстоящей свадьбе дочери, выходящей замуж за сына председателя.

Что касается клуба, то, хотя, когда он был достроен, его фотография была напечатана и в районной и в областной газетах, этим дело и ограничилось: по большей части в нем что-нибудь разводили, сушили или складывали.

Вот многое из того, хотя и далеко не все, о чем Саида говорила за это время с членами правления колхоза. Иногда она разговаривала вполне откровенно, иногда, отложив эту откровенность на будущее, просто исподволь старалась привлечь внимание своих собеседников и разбудить дремлющую мысль тех, кто успел свыкнуться со всем этим. Эта привычка была самая опасная. Ведь многие в самом деле приучили себя считать, что все, что бы ни делал Каландаров, к лучшему.

Такие вещи — не мелкая сорная травка, которую можно выщипнуть с грядки двумя пальцами, их надо вырывать с корнем, ухватись двумя руками, а чтобы это удалось, нужно, как в детской сказке, тащить не одну, а так, чтобы «дедка за репку, бабка за дедку...». Нужно было так или иначе постепенно, терпеливо, без паники вовлечь в это дело многих людей и в конечном счете, как это ни трудно, и самого Каландарова...

И вот когда Саида с головой окунулась в работу, которой не видно было конца, случилось неожиданное.

После сдачи коконов, когда помещение клуба освободилось, Саида, собрав молодежь, вымыла, вычистила его и назначила день открытия, не того торжественного открытия, что один раз уже состоялось, а того настоящего, после которого клуб должен был и в самом деле начать работу.

На вечере открытия Саида очень-очень коротко, так, чтобы не наболтать ничего лишнего, такого, что будет только сказано, а потом не сделано, поговорила о клубе и о том, каким он может стать, если приложить к нему руки. После этого были объявлены музыка и танцы, но первое время веселья что-то не получалось.

Тогда Саида, взяв дутар, сама заиграла на нем, одного парня уговаривая спеть, а нескольких девушек — сплясать.

Хотя Саида и молода, но все-таки она руководитель, хотя она и не ходит в гимнастерке и галифе, насупив брови и важно переставляя ноги, но все-таки она секретарь партийной организации,— короче

говоря, присутствующие не ожидали, что она так запросто возьмет дутар и так лихо заиграет на нем. И то, что она все-таки взяла его и заиграла, и то, что вслед за этим, как огонек на ветру, быстро разгорелось общее веселье, пляски, песни, невольно сблизило всех, кто здесь был, и с Саидой и друг с другом. Под конец та самая, уже немолодая звеньевая, которая обругала Саиду и с тех пор сама считала себя с ней в ссоре, вдруг, словно на нее откуда-то нахлынула ушедшая молодость, взяла дутар и заиграла, попросив Саиду сплясать. По-разному ссорятся разные люди и по-разному мирятся. Бывает, что мирятся и так, как это случилось сейчас...

Саида не заставила себя долго просить и сплясала. Поднялись веселые крики и даже шум, а в результате всего вместе взятого многие люди в колхозе начали за глаза называть Саиду «наша Саида» или «наша Саидахон» и все меньше стали чураться ее. Скорее напротив: ей пришлось за эти дни выслушать так много откровенных разговоров и так много душевных тайн, что иногда она и спать-то ложилась куда позже, чем ей бы хотелось после трудного длинного дня.

По объявленному Саидой плану работы клуба первая лекция проводилась специально для женщин и называлась «Что говорит религия о женщинах».

В клубе собрались одни женщины и девушки, и собралось их куда больше, чем ожидала Саида.

Когда лектор закончил, Саида поинтересовалась, нет ли вопросов. Сразу поднялось несколько рук. Не ожидая, что придет столько народу, Саида тем более не ожидала такой активности.

Поднялась худощавая, с темным, усталым лицом женщина, сидевшая прямо перед Саидой.

— Мой первый вопрос,— сказала она,— про равноправие. Товарищ, который прочел нам лекцию, сказал, что в старину могилы для женщин рыли на пол-аршина глубже, чем для мужчин, а по-моему, что ж, может быть, это и верно. Что толку, если мертвая женщина будет похоронена наравне с мужчиной, когда она живая все равно не стояла наравне с ним... А я вот про живых хочу спросить: почему у нас в колхозе и до сих пор на женщин смотрят по-одному, а на мужчин совсем по-другому?

Лектор даже подскочил.

— Ну, тут уж ответ не за мной, а за вашим председателем колхоза.

Но женщина остановила его:

— А вы постоите, я еще не досказала... Кундузой, моя племянница, с кетменем только на ночь растается, хотя она и слабенькая, как тростиночка, а ее муж, круглый, как бочка, работает у нас почтальоном, такой толстый, что уже два велосипеда сломал. Хорошо бы наоборот: его в поле, а Кундузой — на почту. Я так и сказала нашему председателю, а он голову задрал и заявляет: «Ваша Кундузой не сумеет на велосипеде ездить». А что, разве ее муж выехал из утробы матери прямо на велосипеде? За целый день только и сделает, что пять кило газет развезет. А Кундузой, бедненькая, вернется в темноте с поля, а в доме дела-то еще и не начаты — и ужин сготовь, и постирай, и шей, и дети у нее, за ними тоже ведь не муж смотрит...

В эту минуту из глубины зала донесся громкий голос:

— Э, сестрица, когда вода мутная течет, иди посмотреть, что случилось, к началу арыка. Разве вы не заметили, что у нас в канцелярии делается: сидят один на другом молодые люди, один другого здоровее, рубашки у них у всех шелковые,— может, товарищ лектор не знает, но мы эти рубашки называем между собой «утешение тела»,— сидят в этих рубашечках и пощелкивают себе пальцами по костяшкам!

В зале поднялся шум и говор.

— А что, нет у нас, что ли, женщин, которые бригадирами могли быть?

В других колхозах не только бывают, но и Героя получают.

— А у нас и в кладовой мужчина, и на ферме мужчина, и в магазине мужчина!

— Только в ясли назначить не догадались!

— Подождите, скоро Ишана назначат!

Саида встала и, подняв руку, пытаясь успокоить разволновавшихся женщин, сказала, что лектор приехал из области, не знает дел их колхоза, ему трудно ответить на такие вопросы, но на них, конечно, нужно ответить, только не сейчас: нельзя превращать лекцию в собрание.

— А почему нельзя? — не поднимаясь с места, крикнул кто-то из середины зала.— Нас так давно не собирали, что все можно!

В зале снова поднялся гул. В первом ряду встала старая полная женщина, от волнения несколько секунд беззвучно шевелила губами, потом вдруг решила и зычным голосом сказала так, что было слышно не только во всех уголках зала, но, должно быть, и за окнами.

— Дочь моя Саидахон, есть у меня один вопрос: говорят, у

председателя нашли ошибку, скажи, когда теперь будут обсуждать о нем вопрос?

Зал притих, а Саида испугалась.

— Какая ошибка? — даже немного заикнувшись, спросила она и посмотрела на Умиду. Но та сама сидела ошеломленная.

— Какая ошибка? — на этот раз уже увереннее повторила Саида.

Старуха посмотрела на соседок слева и справа, потом обернулась назад, в зал, так, словно об этой ошибке знали все присутствующие, но, обнаружив, что женщины сидят молча, обиженно воскликнула:

— Да что же вы молчите все? Говорите!

В зале по-прежнему стояла тишина.

— Я не знаю, о чем идет речь,— овладев наконец собой, сказала Саида.— Товарищ Каландаров уже столько лет руководит колхозом, что, наверное, я так думаю, по крайней мере, все его дела на виду у всех нас. Другое дело, если бы за ним было что-то такое, что он от всех скрывал и только теперь вдруг... Но я не знаю и думаю, что это пустые слухи.

В ответ на ее слова в зале раздалось несколько трезвых голосов:

— Надо такие вопросы задавать на общем собрании!

— Да пояснее, чтобы всем было понятно, о чем речь идет!

— И в присутствии самого председателя!

Воспользовавшись удобной минутой, Саида объявила перерыв, а затем кино. Передвижка, на ее счастье, уже приехала. Продолжать сейчас разговор и, не зная толком, откуда возникли слухи об «ошибке» Каландарова, пытаться тут же рассеять их, по ее мнению, значило бы добиться обратного.

Однако слухи все росли и за три-четыре дня выросли в целый снежный ком: говорили, что вопрос будут обсуждать, как только вернется Каландаров, что «ошибка» большая, что правление уже собиралось, что вместо Каландарова уже ищут другого и что не зря в колхоз приехал новый секретарь.

Все это очень встревожило Саиду. Конечно же, председатель не был для всех одинаков: одному он казался солнцем, другому луной, в колхозе были и довольные им и обиженные им люди. При этом у него, разумеется, имелись ошибки и, по мнению Саиды, даже очень большие, но все это было одно, а таинственная «ошибка», за которую его непременно должны были снять,— это уж нечто совсем другое, подозрительное и тревожное, опасный слушок, вокруг которого те,

кому Каландаров в разное время насолил и за дело и без дела, могли накрутить все, что им вздумается, натворить много бед, внеся разброд во все колхозные дела.

Саида советовалась с Умидой, с Исмаилджаном, с несколькими членами правления, но результат был один и тот же: каждый был удивлен не меньше ее и никто не знал, откуда пошли эти слухи.

А между тем объяснение было самое простое.

Во-первых, когда Саида заставила Каландарова возвратиться на партийное собрание, это, оказывается, произвело на отсутствовавших еще большее впечатление, чем на присутствовавших. Рассказы об этом необычном происшествии постепенно превратились в слухи о том, что Каландаров в чем-то провинился и его искали, куда-то вызывали и не то обсуждали, не то будут обсуждать.

Во-вторых, возникновению слухов помогло легкомысленное слово Умиды, которое она даже сама не заметила. Неделю назад Умида вместе с одной своей подружкой отправилась в баню, и там ее подружка стала бранить за скупость председателя, который в целях экономии велел слесарю так прикрутить краны с горячей водой, что из них капало в час по чайной ложке. Умида в ответ на это почему-то вздумала щеголять своим положением человека, знающего больше, чем простые смертные, и важно сказала, что краны — мелочь, у председателя есть ошибки и по крупнее.

Кроме Умиды и ее подружки, в бане были другие женщины, они слышали это и, чуточку, самую малость каждая добавив от себя, уже рассказывали потом другим, что у «председателя нашли ошибку и будут обсуждать о нем вопрос». К этому, пожалуй, следует добавить, что вполне невинное слово «вопрос» благодаря его неумеренному употреблению давно уже приобрело загадочное и даже тревожное значение отнюдь не только в устах этих мывшихся в бане женщин.

Словом, пошло-поехало. И в конечном счете сам Каландаров поневоле был причиной этого. Уж слишком долго он был вне критики, уж слишком долго даже самый пустячный его промах, о котором при других обстоятельствах и другому человеку можно сразу запросто сказать в глаза и тем кончить дело, оставался не названным вслух, но, как всегда это бывает, тем более прочно застревал в памяти людей. И хотя большинство колхозников в общем любили и уважали Каландарова, но, поскольку эту свою любовь и уважение они всегда могли продемонстрировать, а свое недовольство должны были годами

прятать в кармане, постольку почва для произрастания слухов об «ошибке» Каландарова была достаточно успешно удобрена им самим.

Саида, Умида и Исмаилджан обсуждали все это с несколькими членами правления, но ни к какому определенному решению не пришли. Слухи были. Кто их так злостно распускал — неизвестно, оставалось надеяться, что рано или поздно в конце концов они сами заглохнут.

Однако Саиду особенно беспокоило, что все эти слухи возникли в отсутствие Каландарова и как назло после его ссоры с ней. Вдруг, когда он вернется, слухи дойдут до него и он сгоряча примет их на веру! Спрашивается, что будет тогда?

По правде говоря, наша Саида очень и очень нервничала...

9

Погода стояла неважная, солнечных дней не хватало, и хлопчатник развивался медленно. В такое лето особенно дорог опыт людей, добывающихся на своих участках более раннего вызревания. Такие участки были в «Бустоне», и правление и партбюро решили провести совещание, на котором лучшие бригадиры и звеньевые рассказали бы о своем опыте.

Разумеется, такое совещание за один день не подготовишь, и Саида вместе с агрономом из МТС и двумя членами правления уже второй день с утра до вечера ездила, а еще больше ходила по полям, из бригады в бригаду, из звена в звено.

Она вернулась уже в сумерках, не чуя под собой ног, но все же решила зайти в правление посмотреть почту и, если случится, выпить горячего чая. Собственный быт ее, как говорится, был неустроен, домашних у нее не было, а, вернувшись с работы, разводить огонь, чтобы вскипятить один чайник чая,— себе дороже, да и слишком она устала для этого.

В правлении было пусто. Взяв из приемной почту, Саида прошла в кабинет, открыла окно и зажгла лампу. Но только было она взялась за газету, как в кабинет вошел Зульфакаров, как добрый гений, держа в руках именно то, что нужно было Саиде,— чайник чая и пиалу.

Саида удивленно взглянула на него. Она еще ни у кого не просила принести ей чай, а кроме того — почему это чай по кабинетам разносит именно Зульфакаров!

— Прошу прощения, товарищ Алиева,— встретившись с ней взглядом, сказал Зульфакаров,— Ишан-ака куда-то отлучился, и вот...

Не договорив, он поставил чайник на стол, ополоснул пиалу и несколько раз, как водится, перелил чай из чайника в пиалу и обратно и лишь после этого протянул Саиде пиалу с чаем.

Однако его заботы этим не ограничились: он приподнял лампу и поболтал ее — достаточно ли в ней керосина? Потом подвернул чуть-чуть коптивший фитиль и обдернул углы покрывавшей стол бархатной скатерти.

Тут Саида уже окончательно поняла, что Ишан-ака отсутствует не случайно: Зульфакаров пришел говорить с ней.

Выпив свой чай и налив в пиалу новую порцию, Саида протянула ее Зульфакарову. Тот поспешно подошел, принял пиалу обеими руками и, придвинув свой стул к Саиде, чайник, наоборот, придвинул к себе, дав этим понять, что будет разливать сам.

— Как ваши дела? — спросила его Саида.

— Ничего, товарищ Алиева,— сказал Зульфакаров, видимо, решив после того случая на собрании называть ее так при всех обстоятельствах.— Я все искал случая сказать вам, что исправил свою глупость, что с Мехри все у нас сейчас покончено... А вот и случай выпал, и сижу перед вами, а язык не поворачивается — стыдно...

Услышав этот смиренный тон, Саида задумалась: «Что-то больно быстро! Вчера еще не считал свое двоеженство виной, а сегодня уже говорит об этом, потупив глаза, как невинная девица. Может, ударился в панику, поверив разным слухам про Каландарова?»

— Ну что же, хорошо,— выжидательно ответила она.

Зульфакаров тоже выжидательно посмотрел на нее исподлобья.

— Если бы теперь похоронить все эти разговоры...

— Похоронить можно,— сказала Саида и слегка усмехнулась при этом.— Но бывает и так, что прежде чем похоронить покойника, считают нужным его вскрыть и осмотреть. Иногда это важно для живых...— Она помолчала и добавила: — Вы, оказывается, уже давно хотели поговорить со мной, а я уже давно хочу поговорить с Мехрихон, да никак не удается: иду к ней — прячется от меня; вызываю к себе — не приходит! А я все хочу спросить ее, что заставило ее выйти замуж за женатого человека? Вот узнаем это, может, в конце концов и похороним всю историю, да и поглубже!

— Всяко бывает,— вздохнул Зульфакаров.— Сердцу не прика-

жешь!

Саида не удержалась от смеха.

— Ну, еще бы, где уж устоять сердцу женщины перед человеком старше ее на десять лет, да еще с женой и с шестью детьми! Небось с потолка пыль сыплется — так она стонет по вас!

— Гм!.. Я не про то...— смущенно откашлялся Зульфакаров.— Я хотел сказать, что она женщина одинокая..

Но Саида не собиралась давать ему пощады.

— Ну, если дело только в одиночестве,— сказала она,— то скорее бы она вышла за такого холостяка, как Узаков. Я слышала, он в былое время и сватов к ней засылал, да и сам помоложе вас...

Обнаружив, что Саида знает об этой истории гораздо больше, чем он думал, Зульфакаров заметно смутился.

— И не нужда толкнула Мехрихон на этот путь,— словно разговаривая сама с собой, продолжала Саида,— Говорят, когда вы сблизились, оба вы были звеньевыми, в доходах разница у вас была невелика, а в расходах... Мехри ведь жила одна, а у вас жена, шестеро детей. Трудно поверить, что вы так уж щедро могли сорить деньгами, выкраивая подарки из своего семейного бюджета, а?

Зульфакаров не знал, что ответить. Он пришел сюда, готовый немножко поунижаться, лишь бы потом выйти сухим из воды. Но когда Саида вовсе не проявила желаний ограничиться его показным раскаянием, это не на шутку встревожило Зульфакарова. На всякий случай он подпустил в свой голос побольше дрожи.

— Как хотите, товарищ Алиева, а я всю правду сказал, глупость была... Была, но больше не будет...

— Что больше не будет — верю,— сказала Саида, собирая со стола разложенную на нем почту, чтобы взять ее с собой домой,— А вот что вы рассказали всю правду — не верю! Ладно. Почему Мехрихон вышла замуж за женатого человека, я узнаю у нее сама. Но как вы могли жениться, имея жену, можете вы мне это сказать?

— Дурак был,— тихо ответил Зульфакаров, боясь запутаться и не желая выходить из рамок показного самоунижения, казавшегося ему самым безопасным.

Но его смирение по-прежнему не трогало Саиду.

— Не вы выдумали обычай многоженства,— сказала она,— это я знаю. И не вы будете вслух его защищать — это я тоже знаю. А вот почему это случилось именно с вами и Мехрихон — этого я не знаю, а

вы мне сказать не хотите!

Зульфакаров сидел не шевелясь и не поднимая головы.

Убедившись, что он решил не говорить ничего сверх уже сказанного, Саида попросила извинения, сказав, что она устала и пойдет отдохнуть.

Зульфакаров взял чайник и пиалу, но, судя по его нерешительной походке, все еще надеялся, что Саида окликнет его и остановит.

Отпирая свою комнатку, Саида заметила, как в кустах у окна мелькнуло что-то белое. Потом, когда Саида уже вошла и зажгла лампу, дверь приоткрылась — и на пороге появилась низенькая пухленькая женщина в белом шелковом платье и вышитой бисером тибетейке. У нее было довольно миловидное лицо, но голова как-то нескладно сидела на слишком короткой шее, и это очень портило ее.

Саида пригласила неожиданную гостью сесть, и она опустилась на стул, крепко сжав в смуглой руке белый платочек.

— Я Мехрихон Анарбаева,— несмотря на очевидное волнение, с каким-то привычным жеманством сказала женщина.— Я столько раз приходила к вам, даже устала, да все никак не могу застать вас одну. Говорят, что вы будете обсуждать вопрос обо мне и Зульфакарове.

— Вопрос? Что за вопрос? — Саида прикинулась самую чуточку удивленной.

— А вы критиковали, говорят, на собрании, спрашивали: которая из них твоя жена? Так вот я вам скажу: я за него замуж не выходила, он на мне не женился!

Саиде с первого взгляда не понравилась эта женщина, и она не вполне сумела скрыть свои чувства.

— Раз Зульфакаров вам не муж,— сказала она даже с неожиданной для себя резкостью,— то кем же вы предлагаете нам его считать? Любовником?

Женщина взвизгнула:

— Такие слова мне говорите! А еще девушка!

Но на Саиду это мало подействовало, она только усмехнулась.

— Ну что же, тогда придумайте сами, как назвать мужа — не мужем, а как-нибудь по-другому, и при этом не оскорбить ничей слух.

Женщина сидела понурясь, нервно комкая в руке платок.

Увидев ее в первую минуту, Саида решила, что они заранее сговорились с Зульфакаровым. Оказывается, нет: он принес повинную, она, напротив, отрицала свою вину; сходство было лишь в том, что оба

порознь и одновременно решили как-нибудь предотвратить надвигавшуюся грозу.

Много вопросов, оставшихся без ответа, успела задать Саида, прежде чем посетительница наконец сдалась. Кажется, на нее подействовал спокойный тон, которым говорила с ней Саида, подавив в себе первую вспышку неприязни. У женщины зародилась надежда на сочувствие Саиды, и, заговорив, она рассказала все, то плача, то смеясь, то обвиняя себя, то Зульфакарова, то ругая заодно его и себя.

Мехри рано осталась без матери, на руках у отца, который, едва она достигла совершеннолетия, в самом начале войны выдал ее замуж за Усманджана, колхозного кузнеца, тихого и трудолюбивого юношу, а через год — это случилось все разом — отец умер, а Усманджан ушел на фронт.

Примерно в это время уже совсем распоясалась та шайка воров и плутов, которая, как мы знаем, чуть не довела «Бустон» до развала накануне прихода Каландарова. Мехри, оставшаяся сразу и без мужа и без отца, показалась лакомым куском одному из этой шайки, и хотя это не делает ей чести, но, в общем, так случилось...

Саида хорошо поняла — как и что случилось, и, когда Мехри в этом месте своего рассказа вопросительно посмотрела на нее, не стала спрашивать о подробностях.

После того как все это случилось, человек, бывший этому виной, выразил свою благодарность Мехри именно таким образом, каким это может сделать отпетый плут. Он назначил ее руководить звеном, которое до тех пор едва-едва сводило концы с концами, но, лишь только в него пришла Мехри, сразу выполнило план на сто двадцать процентов. Как это вышло, не знала ни Мехри, ни ее звено, но зато ее покровитель очень хорошо знал, как это делается. Мехри получила большую премию, а он через полгода сел за решетку, ибо история с Мехри была вовсе не самым большим злом из всего им сотворенного.

В следующие три года ни о каких премиях не могло быть и речи, премии даются тяжелым трудом, а такое начало, какое было у Мехри, не больно-то располагало к труду.

Когда Усманджан невредимый вернулся из армии, он даже не захотел войти под крышу своего дома; люди позаботились о том, чтобы он узнал все, чего он предпочел бы не знать; впрочем, может быть, они и были по-своему правы. Усманджан поселился в каморке при кузнице, через год построил с помощью колхоза дом и, обзаведясь кое-каким

хозяйством, посватался к Умиде, работавшей тогда дояркой. Муж Умиды погиб на войне, и она жила вместе с матерью и свекровью.

Хотя, казалось, было уже поздно питать какие-либо надежды на примирение с Усманджаном, однако, узнав, что он женится, Мехри чуть не заболела от горя и зависти и ужасно обрадовалась, когда деревенские сплетницы сказали ей через несколько дней, что Умида отказала Усманджану, потому что считает свекровь своей второй матерью и не хочет бросать ее одну. Однако, как видно, Усманджан не побоялся приобрести сразу двух тещ, потому что через неделю была сыграна свадьба. Правда, Мехри и после свадьбы утешала себя мыслью, что все равно у них ничего не получится: человек часто лезет на стенку и от одной тещи, а тут целых две, да притом одна из них мать покойного мужа,— разве это жизнь?!

Прошли дни. За днями прошли месяцы. Мехри жадно выпрашивала у соседней: «Ну как? Не поссорились? Не разошлись?..» Увы! Усманджан и Умида не ссорились и не расходились, больше того, не ссорились даже старухи, ни между собой, ни с молодыми. Прошли годы. У Усманджана родился и рос сын, и однажды, увидя его одного на улице, Мехри в приступе ревности, к которой примешивались остатки все еще не потухшей любви к Усманджану, смертельно напугала мальчишку: сначала схватила его и стала тискать, а потом укусила за щеку.

Прошли еще годы. Усманджан, кончив курсы шоферов, часто ездил на своем грузовике мимо дома Мехри, так ни разу и не взглянув в ее сторону, и, наконец, стал колхозным завгаром. Умида кончила вечернюю школу и сделалась секретарем правления, а Мехри по-прежнему оставалась тем, чем была.

Вот как раз в это время и началось у нее все с Зульфакаровым...

Как-то летним вечером приезжие артисты давали концерт под открытым небом, прямо на бригадном стане. Конферансье шутил без остановки и, должно быть, заранее разузнав все колхозные дела, то легонько, с похвалами задевал кого-нибудь из передовиков, то награждал довольно злыми тумаками отстающих. Почти все вокруг дружно смеялись, но Мехри было не до смеха: мало того, что на ее долю достался увесистый тумак, это бы еще полбеды, но почти сразу вслед за этим ей пришлось услышать целое похвальное четверостишие, адресованное другой, соревновавшейся с ней звеньевой. Эта звеньевая считалась подругой Мехри, но была из тех подруг, которым втайне

мечтают выцарапать глаза. Мехри задрожала от зависти, а случившийся рядом Зульфакаров, заметив ее состояние, сначала тихо шепнул ей, чтобы она не больно-то огорчалась, а потом, когда они возвращались с концерта, идя с ней рядом, тихо сказал:

— Если не помогать друг другу, всю жизнь проживешь на задворках!

Слово «помогать», в особенности в устах мужчины, не было новостью для Мехри. Именно это слово когда-то во время войны часто любил повторять тот человек, что сбил ее с пути.

В общем, Мехри и Зульфакаров довольно быстро поняли друг друга и решили «помочь» друг другу, правда, не сразу, а по очереди.

В тот год, о котором идет речь, оказывать «помощь» выпало на долю Мехри. Всеми правдами и неправдами, обманывая ничего не подозревавших и поэтому не таких уж бдительных членов своего звена, Мехри какую-то часть хлопка, собранного ими, и чуть не половину того, что собрала сама, ухитрилась перевести на счет звена Зульфакарова. Когда подводили итоги, оказалось, что Зульфакаров намного перевыполнил план; он получил и большие надбавки, и премию, и похвалу от председателя на собрании, а в конце концов получился даже более сильный эффект, чем могли предвидеть и Зульфакаров и Мехри: Зульфакарова сделали бригадиром, а Мехри освободили от обязанностей звеньевой, потому что работа ее звена уж слишком плохо выглядела на фоне успехов соседа.

Никем не обнаруженный подвох (хотя если приглядеться, то обнаружить его ничего не стоило) связал Мехри и Зульфакарова; в то же время сознание существующей между ними тайны невольно отдалило их от всех окружающих. Так или иначе Зульфакаров решил увидеться с ней, чтобы ее успокоить. Но увидеть ее он решил тогда, когда никто не увидит его, то есть глухой ночью, а успокаивать ее он полез через забор, не пытаясь воспользоваться воротами. Впрочем, к тому времени подобные странности Зульфакара уже не могли удивить Мехри.

Прошло несколько месяцев. Зульфакаров время от времени ездил то в город, то в райцентр и теперь обычно перелезал через забор Мехри уже не с пустыми руками, а то с отрезом маргиланского атласа, то с парой лакированных туфель, то с бутылкой сладкого вина в кармане.

Добавив, что Зульфакаров не ограничивался вещественными дарами. Во время своих посещений он стремился также и поддерживать

дух Мехри, говоря, что теперь он в колхозе большой человек, и намекая при этом, что на долю Мехри с его помощью когда-нибудь достанутся почести и даже слава.

Заборы могут быть высокими, а ночи темными, но в кишлаке трудно долго что-нибудь скрывать, и вскоре поползли слухи, на этот раз вполне соответствовавшие истине.

Жена Зульфакарова отнеслась к его ночным прогулкам без всякого сочувствия, наоборот, ее очень прельщала мысль ворваться к Мехри, выцарапать ей глаза и в заключение притащить ее за волосы в правление. Только прямая угроза Зульфакарова, что в этом случае он уедет из дома за тридевять земель, бросив жену и детей и не оставив адреса, пресекла это первоначальное намерение. Жена проплакала несколько дней, потом, чтобы показать характер, на неделю ушла к своей сестре, но так как на самом деле у нее этого характера не было, вернулась и продолжала жить с Зульфакаровым. Впрочем, добавим от себя, что в таких случаях присутствие шести детей порой влияет и на более крепкие характеры.

Однажды как-то в колхоз приехал секретарь райкома товарищ Кадыров. Он должен был обойти поля нескольких бригад и, по расчету председателя, примерно к обеду оказаться в бригаде Зульфакарова. В соответствии с этим расчетом именно Зульфакаров и получил председательское распоряжение приготовить плов.

Вот тут-то Зульфакаров и пошел на риск, решив организовать плов не на бригадном стане, или, как по-узбекски говорят, шипане, а в доме у Мехри, стоявшем как раз неподалеку.

Расчет Зульфакарова был прост: если секретарь райкома в сопровождении председателя посетит дом Мехри, да они еще съедят там плов, да еще об этом станет всем известно, то это если не пресечет болтовню, то все же свяжет кое-кому языки, а главное, неприметно узаконит ночные посещения Зульфакаровым дома Мехри, из которых ему уже осточертело делать тайну.

Плов был приготовлен и съеден. Кадыров ровно ничего не знал о Мехри, а Каландаров был занят Кадыровым и мало интересовался тем, где приготовлен плов: на шипане или в чьем-то доме; главное, чтобы плов был хороший и вовремя.

Хитроумные расчеты Зульфакарова, как это ни странно, оправдались, и, надо сказать, отчасти потому, что они сами, и Зульфакаров и Мехри, уж очень поверили оба в полный успех своего плана. Мехри,

давно отвыкшая задирать нос перед соседками, снова приобрела эту привычку, а Зульфакаров стал посещать Мехри уже не ночью, а днем и без особых предосторожностей. А когда люди вдруг начинают так поступать, стало быть, за этим стоит какая-то причина. В общем, дошло до того, что некоторые кумушки стали говорить, что снова нашу Мехри чуть ли не назначают звеньевой, а некоторые кумушки мужского рода глубокомысленно замечали: неудивительно, что Зульфакаров так смело действует; недаром Каландаров привел самого секретаря райкома есть плов в дом Мехри и недаром он не Дает ходу заявлению, написанному на Зульфакарова комсомольцами. Разве бы он мог не дать хода этому заявлению, если бы товарищ Кадыров не обещал ему своей поддержки? Уж наверное обещал, как же иначе!

Словом, в конце концов отношения Зульфакарова и Мехри превратились во что-то вроде полуофициального второго брака. И, почувствовав себя в безопасности, Зульфакаров решил довести дело до конца: приготовил для ближайших друзей и привез на попутной полutorке захудалого муллу, который недолго думая совершил все, что от него хотели.

— Я и сама не заметила, как стала второй женой этой собаки,— не слишком нежно аттестовав напоследок Зульфакарова и громко всхлипнув, закончила свой рассказ Мехри.

— Собака облизывает только открытый котел,— сказала в ответ Саида, с сожалением поглядев на рябоватое, потное от волнения лицо Мехри, казалось, осунувшееся за эти два томительных часа.

— Что вы собираетесь теперь делать?

— Не знаю.

— Какое у вас образование?

— Когда-то семь классов кончила.

— А нет у вас желания пойти куда-нибудь учиться?

Совершенно неожиданно для Саиды Мехри ужасно перепугалась.

— А что, неужели из колхоза выгонят? — быстро спросила она.

Саида невольно рассмеялась.

— По-моему, никто не ставил такого вопроса. А если кто-нибудь и поставит, то я первая буду возражать. Я просто подумала, что после того как вы так споткнулись у всех на глазах и сами вызвали о себе столько нехороших разговоров, которые не скоро утихнут, может быть,— если, конечно, другие согласятся со мной,— послать вас в город на годовичные или полугодичные курсы. Такие курсы есть сейчас по

многим специальностям, и вас с семилетним образованием туда примут. А когда вернетесь, наверно, и вы иначе посмотрите на окружающих и они на вас!

Мехри молчала, а Саида с тревогой подумала о том, права ли она и не слишком ли много на себя берет. Заслуживает ли эта женщина, чтобы посылать ее на какие-то курсы, и согласятся ли с этим те, от кого это будет зависеть, хотя бы тот же Каландаров? Одно дело сидеть и есть у нее плов, другое дело послать ее на курсы. И все-таки, несмотря на колебания, Саида в глубине души чувствовала, что ее первый, непосредственный порыв верен. Да, эта сидящая перед ней женщина, возможно, и не заслуживает никаких курсов, но ведь она не всегда была такая, как сейчас, и не всегда будет такой, как сейчас, а если верить в это, то ее надо спасти! А не верить в это Саиде не позволяла ее молодая, чистая и деятельная душа.

«Да, да, так и сделаем! — мысленно воскликнула она и, подумав о возможных препятствиях, самолюбиво добавила про себя: — Ничего, я настою!»

А вслух сказала только:

— Если вы в самом деле пойдете учиться, кем бы вам хотелось стать?

В глазах Мехри светилась благодарность, больше относившаяся к самой Саиде, чем к ее предложению насчет учебы.

— Я буду учиться,— не совсем уверенно сказала она.— Я подумаю, кем бы я хотела стать, и потом скажу вам.

Она уже ушла, и Саида, прибавив в лампе фитиль, положила перед собой все еще не прочитанные газеты, как вдруг в окно просунулась голова Мехри.

— Саида-апа! — хотя Саида была на целых восемь, если не на десять лет моложе ее, но все-таки Мехри именно так, почтительно окликнула ее.— Саида-апа, запишите меня туда, куда сами решите. Как вы скажете, так и сделаю.

10

Саида пребывала в самом хорошем настроении, и для этого имелись причины.

Во-первых, в клубе один за другим прошло несколько удачных вечеров, одновременно и серьезных и веселых, и Саида почувствовала,

как молодежь сразу потянуло в клуб. Это можно было заметить даже по вечернему движению на улицах кишлака.

Во-вторых, после первых же скромных своих удач она в разговорах с людьми почувствовала такое радостное доверие к себе, что ей стало даже чуть-чуть боязно: а вдруг не до конца оправдаешь его?

И, наконец, в-третьих, совсем не плохо прошло то, за что Саида особенно боялась, чувствуя себя неуверенно: совещание хлопкоробов по обмену передовым опытом. Правда, совещанием руководила не сама Саида, а Исмаилджан, но она нисколько не меньше волновалась от этого.

Все прошло хорошо, люди много и горячо выступали, и у Саиды осталось двойственное чувство: с одной стороны, многие выступавшие сетовали на отсутствие Каландарова и вспоминали его по разным поводам. Он был в их глазах большим мастером хлопка, настоящим авторитетом, и они не кривили душой, говоря, что здесь его не хватает; а с другой стороны, после совещания многие люди сами сказали Саиде, что еще не помнят за последнее время такого количества активных выступлений, как на этом собрании, проходившем в отсутствие Каландарова. В общем, выходило так, что отсутствие Каландарова имеет две стороны: с одной стороны — было плохо, что он не был и не выступал, а с другой стороны — как раз потому, что его не было, так много и активно выступали другие.

На следующий день после совещания от Каландарова пришла телеграмма, не вообще в правление, а на имя Саиды. Каландаров просил завтра к восьми вечера выслать за ним на станцию машину.

То, что Каландаров прислал телеграмму именно ей, показалось Саиде хорошим знаком, — видимо, он протягивал руку для примирения.

Саида вовсе не хотела, чтобы эта рука повисла в воздухе, напротив, она решила пожать ее двумя руками и для этого самой встретить Каландарова.

Но, как говорится, «ум хорошо, а два лучше». Умида-предложила то, до чего сама Саида не додумалась, а именно: чтобы пресечь разные слухи о председателе, еще бродившие по колхозу, организовать ему встречу пошире. К концу рабочего дня собраться несколькими членами правления, взять бригадиров и звеньевых, поставить на грузовик скамейки и проехаться на станцию всем вместе.

Сказано — сделано, и на следующий день, за час до прихода поезда, грузовики и председательская «Победа» уже пылили по дороге к

станции.

Вышедший из вагона Каландаров, увидев, что его встречают чуть не двадцать человек, сначала встревожился: не случилось ли чего? А потом страшно обрадовался. И так как он был не мастер скрывать свои чувства — и дурные и хорошие, то эта радость была вполне откровенно написана на его лице, когда он первым долгом подошел к Саиде и сгреб ее ладошку в свою здоровенную ручищу. Потом он поздоровался с остальными и, сев рядом с шофером, несмотря на свою радость, разговаривал всю дорогу с сидевшими сзади Саидой, Исмаилджаном и Умидой, ни разу не повернув к ним головы, так что им приходилось сидеть вытянув шеи и прикладывая ладони к ушам, чтобы расслышать его золотые слова. Повторяем, что Каландаров был в самом прекрасном настроении, но, как видно, привычка — вторая натура.

Только один раз, когда машина встала у закрытого шлагбаумом переезда, Каландаров повернулся, посмотрел на Саиду, потом нагнулся, порылся в стоявшем рядом с ним на сиденье саквояже и вытащил оттуда немножко помятую соломенную шляпу. Старательно расправив ее на колене, он осторожно взял шляпу двумя пальцами и протянул ее Саиде.

— Наденьте-ка, синичка,— сказал он, произнеся это слово ласково, будто просил не вспоминать, какой злой смысл он вложил в него прошлый раз.

Ни Умида, ни Исмаилджан так и не поняли: ни почему председатель вдруг привез Саиде шляпу, ни почему он называет ее синичкой.

— Вон как интересно вы называете нашу Саиду, Арсланбек-ака...— вопросительно протянул Исмаилджан.

Но Каландаров обратил на его любопытство ноль внимания и, как только миновали переезд, усевшись поудобнее, снова стал, не поворачивая головы, расслаивать о колхозных делах.

Время было уже позднее, и Каландарова проводили прямо до дома. Почти все встречавшие ненадолго зашли к нему и, посидев, сколько требовали того вежливость и обычай, постепенно разошлись. Саида тоже хотела уйти, оставив дела до завтра, но Каландаров сам задержал ее; он все еще продолжал пребывать в прекрасном настроении.

Саида подробно, потому что он попросил ее, рассказала ему обо всем, что было сделано в его отсутствие.

Про совещание по хлопку он слушал с интересом и одобрительно кивал головой, хотя в душе, видимо, сетовал на свое отсутствие. Даже

когда Саида сказала, что Исмаилджан очень хорошо провел совещание, Каландаров, и тут одобрительно кивнул; было видно, что он, преодолевая себя, старается быть справедливым.

Над вопросами, которые задавали женщины после лекции, он посмеялся, раз или два при этом скрыв под смехом некоторое смущение, а когда Саида смело решила сама рассказать о возникших о нем слухах, он на одну секунду уперся в нее тревожным взглядом, а потом громко захохотал: то, что Саида сама рассказала ему об этом, не оставило места для подозрений.

Потом он одобрил мысль послать на разные курсы нескольких колхозниц, имеющих среднее образование, а когда Саида заговорила о Зульфикаровой и Мехри, вдруг совершенно неожиданно для нее очень рассердился и заявил, что надо собрать общее собрание и выгнать их обоих из колхоза.

Кажется, он думал при этом, что его предложение как нельзя больше придется по душе Саиде. Но когда Саида сказала ему, что, по ее мнению, надо подумать, тем более что и он сам, пожалуй, был тут кое в чем виноват, защищая в свое время Зульфикарова и потворствуя их отношениям с Мехри, он сразу остыл и быстро согласился с тем, что лишний раз подумать всегда неплохо.

Ну вот вам и весь мой отчет,— сказала наконец Саида,—
Удовлетворительно поставите?

— Почему удовлетворительно? Пять!

— Ну, а вы когда перед нами отчитаетесь? — спросила Саида, улыбнувшись столь щедрой оценке.— Какие новости у них в области? Чему вы их там учили и что привезли с собой оттуда? Послезавтра у нас открытое собрание, посвященное школьным делам, но мы бы изменили повестку и первым поставили ваше сообщение.

— Что ж,— сказал Каландаров, кажется, очень довольный этим предложением.— Вон вы сколько дел без меня провернули, может, и мне тоже не грех поболтать перед вами минут пятнадцать!

— Да, совсем забыла,—уже уходя, сказала Саида, хотя на самом деле она вовсе не забыла, а нарочно оставила этот трудный вопрос на самый конец.— Всех коммунистов, работающих в школах, мы за это время перевели к себе на учет, а то они жили как-то вразброд...

У нее были ясные, невинные глаза, хотя, как говорится, «знала кошка, чье мясо съела». Дело в том, что Каландаров считал, что коммунисты, работающие в школах, не имеют никакого отношения к кол-

хозу. В основе этого убеждения лежало то, что он когда-то несколько раз попадал на собраниях под обстрел учителей-коммунистов и побаивался их, но его мнению, излишне независимого поведения. Именно поэтому он когда-то добился согласия не вникшего как следует в это дело райкома на перевод школьных коммунистов в разные другие партийные организации. Теперь, пока его не было, Саида все переделала по-своему. С присутствием учителей партийная организация колхоза становилась крепче и больше, вдобавок открывалась возможность впоследствии расширить бюро до пяти человек. Кстати говоря, когда Саида ездила к Насырову, он не погладил ее по голове за то, что Каландарова не оказалось в новом составе бюро. «Может, на первых порах вам, как молодому секретарю, и кажется, что так будет проще работать, но поживете — увидите, что линия наибольшего сопротивления хотя и трудней, а верней! Да и разные люди по-разному могут воспринять то, что председатель колхоза вдруг не вошел в бюро!» — сказал тогда Насыров Саиде и добавил, что, если впоследствии бюро расширится до пяти человек, это даст возможность поправить дело. Он же и подал Саиде мысль о приеме на учет школьных коммунистов. Однако Саида решила сейчас не ссылаться перед Каландаровым на авторитет секретаря и, взяв все на себя, ждала, как отнесется к этому председатель.

Каландаров, вопреки ее опасениям, не взорвался, но заметно помрачнел.

— Эх,— крикнул он,— зря я вам пятерку поставил. По мне, так не надо было их и близко подпускать к нам! — сказал он, имея в виду учителей.— В хлопке ни бельмеса не смыслят, зато по другим вопросам любят воду в ступе толочь!

Саида сделала вид, что очень удивлена.

— Не думала, что у вас такое мнение,— сказала она.— Но дело ведь уже сделано. Арсланбек-ака, теперь нельзя идти на попятный...

С этим последним Каландаров поневоле согласился, и Саида ушла, оставив его в раздумье, что же все-таки поставить ей: четверку или тройку?

Всевозможные слухи о председателе на время нарушили мир и благодать, царившие в душе Ишана.

«Эх, черт, неужто его скинут?» — думал он, тревожась не столько за Каландарова, сколько за себя, и несколько дней на всякий случай усиленно кланялся Саиде и Исмаилджану.

Однако после торжественной встречи Каландарова он тут же разыграл духом и, едва ушла Саида, сел с ним вдвоем и сплетничал до вторых петухов, по-своему излагая и комментируя каждое происшедшее в отсутствии Каландарова событие.

Правда, Каландаров не больно-то верил ему, слишком хорошо зная способность Ишана делать бурю из каждого чиха блохи, но все же какие-то капли яда пролились в ухо председателя, и, засыпая, он подумал о Саиде с новым приступом недоверия: «Скажи, пожалуйста, каким невинным белым цыпленком притворилась, особенно на станции! А между тем, если поверить хоть десятой доле всего, рассказанного Ишаном, у этой птички-невелички действительно хватит ловкости и коварства, чтобы удержать на своих тонких ножках целое небо!»

Так до конца и не решив, чему верить и чему нет, Каландаров заснул и, проспав всего два часа, ранним утром был уже в правлении. Хотя на него обрушилась сразу такая куча дел, которую менее расторопный и опытный человек не переделал бы за три дня, Каландаров в душе даже радовался этому: дела дожидались именно его решений, а люди дожидались возможности говорить именно с ним. И, пожалуй, именно это ощущение своей силы и необходимости помогло ему сегодня не слишком сильно реагировать на те капли яда, что вчера были влиты в его ухо Ишаном.

Он так же приветливо, как вчера вечером, поговорил с Саидой, перенявшей за это время его привычку приходить в правление чуть свет, побеседовал еще с десятком людей, забежал домой, наспех позавтракал и занялся осмотром хозяйства. Все-таки какие там ни были грехи у Арсланбека Каландарова, а другой жизни, кроме своего колхоза, у него не было, и за две недели отсутствия он, попросту говоря, по нему соскучился! Поэтому, наверное, он не выбирал сегодня, на какой участок хозяйства ему пойти сначала, а на какой потом. Он скупал без всего вместе взятого и обходил теперь все подряд.

Он остался доволен работой фермы и недоволен работой строительной бригады. Садовники во фруктовом саду встретили его улыбаясь, он обычно хвалил их, а проводили нахмурясь, потому что он на этот раз обругал их за неполадки с подачей воды; зато заведующую

птицефермой, которую отругал в прошлый раз, теперь он имел основание похвалить и, кажется, был рад этому не меньше, чем она сама.

Словом, все было бы ничего, если бы во время этого обхода Каландаров не заметил одной поразившей его вещи: слишком многие произносили при нем имя Саиды с уважением, не соответствовавшим ни ее годам, ни короткому сроку ее работы в колхозе.

Если бы Каландаров мог невидимо присутствовать всюду, где за это время бывала Саида, и слышать все, что она говорила, окажись он незримым свидетелем того, как Саида с первых же дней приезда взялась за свое дело с чисто женской дотошностью, со справедливостью партийного работника и с энергией юности,— случись так, возможно, Каландаров оказался бы сейчас в другом настроении... Но ему не дано было видеть причин, он столкнулся только с результатами: имя Саиды было у всех на устах; и недобрый огонек, зажженный в сердце Каландарова Ишаном, постепенно превратился в адское пламя ревности.

На следующий день он пришел на собрание, вопросительно подняв одну бровь и хмуро опустив другую. Увидев сидевших вместе, возле окна, директора школы и двух учителей, он окончательно пришел в тихую ярость. Он никогда не был мастер выступать по писаному, хотя, может быть, как раз потому, что был малограмотен, считал необходимым начинать всякий свой доклад с бумажками в руках. На этот раз из-за дурного настроения он прочел вступительную часть доклада особенно плохо, искажая трудные для прочтения слова, а то 80 и просто пропуская их. Обычно после выступления, оторвавшись от бумажек, он говорил хоть и не очень складно, но живо, с умом и душой, а сейчас все мысли повыскакивали у него из головы, и он, пробубнив минут пятнадцать и раздраженно ответив на несколько вопросов, уселся, вытирая пот со лба.

Недовольные докладом и удивленные настроением председателя слушатели, словно сговорившись, отказались от дальнейших вопросов.

Поняв, что вступительная часть доклада была написана Ишаном, и подумав, что Каландаров пришел в дурное настроение именно потому, что неудачно начал, Саида пожалела, что не решила заранее предложить ему помочь подготовить доклад, и даже упрекнула себя в этом.

Едва перешли ко второму вопросу — о школьных делах, Каландаров встал и, словно позабыв, что было на прошлом собрании, словно

все это ему как с гуся вода, буркнул куда-то в сторону: «Ладно, вы тут пока поговорите между собой»,— и вышел.

Умида (она вела собрание) переглянулась с Саидой, но та, хотя и была сама очень расстроена, спокойно кивнула ей: мол, ничего, продолжай! Впрочем, другого выхода и не было, призывать председателя к порядку на открытом партийном собрании показалось Саиде неудобным.

Утром Саида пошла к Каландарову. Встреча состоялась на обычном месте под карагачем. Увидев Саиду, Каландаров постарался взять себя в руки и быть приветливым.

— Молодец, синичка, — сказал он, и на его уже немолодом лице, когда он улыбнулся, заиграли мелкие морщинки.— Мне рассказали, как вы тут за клуб взялись. Это хорошо, что молодежь стала по вечерам туда бегать, а то ведь недолго и распуститься!

Саида присела рядом с ним на помосте и сказала, что двое недавно вернувшихся из армии парней организовали радиокружок и автокружок. Есть уже и музыкальный кружок, только в первых двух не хватает оборудования, а в третьем — инструментов. Но, говорят, по смете есть еще много неиспользованных денег.

— Денег сколько надо, столько и дадим! — сказал Каландаров.

И, наверное, потому, что у самой Саиды было отличное настроение, ей показалось, что такое же настроение и у председателя.

— А теперь главный вопрос, Арсланбек-ака,— сказала она, берясь за блокнот.— У нас в колхозе немало девушек со средним образованием, из них можно подготовить нужных нам специалистов, послать на курсы, в ремесленные училища...

Каландаров кивнул в знак согласия, взял у нее блокнот и стал просматривать список.

— Трактористок, что ли, хотите готовить? — спросил он, чуть заметно усмехнувшись.

— Ну, если кто-нибудь очень захочет,— пожав плечами, сказала Саида.— А вообще я против — сейчас не война и есть много специальностей для женщин таких же нужных, но менее тяжелых.

Каландаров погасил возникшую было на его губах усмешку и, достав карандаш, стал ставить птички и нолики.

— Шафоат Каимова — хорошо, но у нее сын трех лет, с мужем развелась, на кого сына оставит?

— На мать.

— Мать у нее больная. Ну, ладно, оставим, потом подумаем... Нусрат Бодалбаева — плохо школу кончила. Это отец ей заставил тройку вывести, ходил к учителю, просил, просил, а потом избить пригрозил. Я знаю эту историю. Не пошлем... Азиза Тиллаева... уж очень мать у нее стара, восемьдесят лет ей справляли, навряд ли согласится дочь отпустить... Лютфи Иноятова — это хорошо... Ходжар Турсунова — у этой ветер в голове, пусть дома посидит... Мехри — эту из колхоза гнать надо, а вы?.. Что вы ее тут вставили?.. Рано Джа лилова — эта стихи пишет. Хорошо!

Саида и прежде не раз удивлялась тому, как отлично он знает каждого человека в колхозе. Сейчас она лишний раз убедилась в этом. Он не только хорошо помнил каждого, но и знал, что у этого человека за душой.

«Конечно, это знание людей с их способностями, с их слабостями — одна из причин его авторитета. Конечно, а как же иначе?» — подумала Саида.

Ладно,— сказал Каландаров, возвращая ей список.— Кроме тех, против кого нолики поставил, возражений нет. Жалко только, что нескольких хороших кетменщиц колхоз лишите!

— Что вы, Арсланбек-ака, — сказала Саида,— наоборот, я каждой уже замену нашла. В бане двое здоровых парней с утра до вечера за шахматами сидят, а там ведь сыро, так и сгнить можно! В чайхане, по моему, кассир совсем не нужен. Да он там и не помещается, такой высокий — еще немного вырастет, и крышу головой пробьет!.. Можно еще почтальона взять, двух поваров из бригад, сторожа из гаража...

У Каландарова заметно вытянулось лицо.

— Значит, по мнению женщин,— сказал он,— у нас половина кадров неверно расставлена. Может, и мне в кетменщики пойти? А вместо меня вы там уже подобрали какую-нибудь паязыкастей? Как, еще не вынесли такой резолюции там у вас, на женском собрании?

Каландаров язвил, но Саида предпочла понять его слова как шутку и рассмеялась.

Резолюцию не составляли,— сказала она, — но если бы вы послушали, как женщины честили некоторых наших бездельников: здоровенные, говорят, молодцы, поперек себя шире. И рубашки, говорят, у них не рубашки, а утешение тела, и почтальон, говорят, такой толстый, что уже два велосипеда сломал... Словом, так их честили, что хуже всякой резолюции.

Каландаров даже не улыбнулся. Он долго, очень долго молчал и, наконец, сказал:

— Есть такая поговорка: и дружба счет любит! Так давайте, прежде чем о всех других говорить, между собой разочтемся, лишнее сбросим...

— А что нам надо сбрасывать? — с похолодевшим сердцем спросила Саида.

— Найдется,— все так же невесело сказал Каландаров,— Говорят, что на верблюда целую юрту нагроузили — все поднял! А потом еще ситечко положили — он и надорвался. Я вчера ушел с собрания, но ведь шила в мешке не утаишь, не нравится мне, как вы там без меня обсуждали мою племянницу! Конечно, чтобы над одиннадцатилетней девчонкой издеваться, большой храбрости не надо. Но вы тем самым и мой авторитет подрывали! Об этом не подумали? Ладно бы там учителя болтали, их уж дело такое, а вы-то чего, спрашивается, полезли?

Саиду разозлил его грубый тон, но она сдержалась.

— Ах, Арсланбек-ака,— сказала она.— Неделю готовила я это собрание и только и сидела, днем и ночью думала, как бы подорвать ваш авторитет!.. Смешно просто! Да, я назвала вашу племянницу недисциплинированной. Да, она не одна такая, но я назвала именно ее. И была убеждена, что вы, как умный человек, поймете меня правильно!

— Ладно, пускай я глупый,— оборвал ее Каландаров,— В чем ее недисциплинированность?

— Она стащила и куда-то забросила классный журнал, вылила чернила в карман своему соседу по парте. На уроках сидит и жует жевачку, а главное, что не могут найти на нее управы.

— Подумаешь, жует, — сказал Каландаров.— А об остальном не слышал!

— В этом-то и беда.

— Никакой беды,— снова оборвал ее Каландаров.— Беда в том, что учителей зря хлебом кормят,— детей прибрать к рукам не могут.

— А как? — горячо возразила Саида.— Как прибрать к рукам хотя бы вашу племянницу, когда вы при ней ее учителя называете на «ты» и помыкаете им как вздумается!

У Каландарова даже челюсти задвигались, а уши побагровели. Он нагнулся, подтянул сапоги и сказал голосом, не предвещавшим ничего доброго:

- Да, видно, во всем кишлаке не осталось человека, который бы

не пожаловался на нас.— От обиды он даже заговорил о себе во множественном числе.— Что ж, верно, и правда много грехов за нами и только и остается нам уповать на судьбу.

У Саиды вдруг стало так тяжело на душе, что даже и говорить больше не хотелось, но она пересилила себя и сказала просительным тоном:

— Арсланбек-ака, мы с вами обсуждаем такое важное дело, так стоит ли из-за вашей племянницы...

Она не договорила, потому что Каландаров как раз в эту минуту во весь рост растянулся на помосте, картинно подперев голову рукой, подчеркивая своей позой полное презрение и ко всем словам ее и к ней самой.

— Не впервые находятя люди,— проговорил он с угрожающей многозначительностью,— желающие обсуждать мои ошибки и ставить обо мне вопрос, но еще никому до сих пор это не удавалось!

Наконец Саида поняла, что племянница всего-навсего предлог и что Каландаров еще со вчерашнего дня лопаается от гнева из-за возникших в его отсутствие слухов.

— Не верьте сплетням, Арсланбек-ака, очень вас прошу!

Но Каландаров вовсе не желал ее слушать, он продолжал гнуть свое:

— Когда однажды уже вот так собирались обсуждать вопрос о Каландарове, его в Москву вызвали и сам товарищ Калинин ему орден вручил и сказал: «Поздравляю вас, товарищ Каландаров!» А когда другой раз вот так собирались обсуждать вопрос о Каландарове, Каландарова в район вызвали и поручили ему колхоз «Бустон» из пепла поднимать и сказали ему: «На вас вся надежда, товарищ Каландаров!»

— Зачем вы мне все это рассказываете? — воскликнула Саида.— Я все это знаю, все это так! Но вам же тем более стыдно верить при этом каким-то глупостям! Я же не вопрос о вас сюда ставить приехала, а помочь сколько моих сил хватит! Поймите же вы это наконец! Я же вам сама сразу же рассказала про все эти глупые слухи.

— Слухи? — заорал Каландаров, садясь на помосте.— Слухи? Я знаю, чем пахнут эти слухи, у меня еще нос цел! А вы уже вырыли для Каландарова могилу и пришли к ней с дутарами и бубнами! И это вы слухами называете? Сделали вид, что лекцию проводите, а сами женщин на меня натравили! Я учителей открепил, а вы их опять прикрепили! Все это слухи?

— Может быть, обсудим все это спокойно? — сказала Саида усталым голосом.

— Ах, вот как! — завопил Каландаров, — Когда я вас прищучил, так вы спокойствия захотели!

Но тут Саида разозлилась и посмотрела ему прямо в лицо.

А вы не орите на меня. Кругом люди. И не пугайте меня, я не маленькая, не боюсь вас.

— Знаю, вы не пугливая, — сказал Каландаров осипшим голосом. — Еще бы, у вас вон какая высокая опора! Но вы не думайте, и до товарища Насырова тоже достать можно! Не лезьте слишком высоко, упадете!

На этот раз, от злости и обиды окончательно обретя хладнокровие, Саида спокойно ответила, что она ни на кого не опирается и не собирается ни лезть, ни падать, а если ей действительно понадобится опора, то она уж как-нибудь обопрется на Советскую власть!

— Вот как! — перетолковав ее ответ по-своему, снова закричал на нее Каландаров. — Велишь арестовать меня, что ли? Так я никого не боюсь!

В дверях правления появилась Умида и быстро направилась к карагачу. Каландаров, не желавший продолжать разговор при ней, соскочил с помоста и пошел навстречу. Оказалось, его вызывали к телефону.

Сказав в трубку несколько раз «да» и «нет» и от ярости даже плохо соображая, о чем шла речь, Каландаров отправился домой завтракать. За завтраком, мысленно восстанавливая весь свой разговор с Саидой, в котором не чувствовал себя победителем, он постепенно пришел в еще большее неистовство и решил сейчас же ехать к Насырову с простым и, добавим, не новым предложением: «Или она, или я!» При этом в душе он не сомневался в том, кто останется, а кто вылетит. Шофер, поняв по выражению лица председателя, что произошло нечто чрезвычайное, сразу дал восемьдесят километров. Полный негодования на Саиду, боясь только одного — как бы не пропустить в разговоре с Насыровым ни одного из ее злодеяний, Каландаров ехал, похожий на заряженное ружье, готовое выстрелить при первом же толчке.

Однако когда позади уже осталась половина дороги, он вдруг подумал: «С каким же лицом я, мужчина, приеду жаловаться на женщину?»

И одна эта простая мысль разом сокрушила все его планы.

От желаниа поскорей вернуться он крикнул шоферу, ухватясь рукой за руль: «Поворачивай!» И шофер, решив, что теперь случилось нечто еще более чрезвычайное, развернулся так, что они чуть не перевернулись. Машина на восьмидесятикилометровой скорости помчалась в обратном направлении.

Сначала мысль о том, что жаловаться на Саиду — значит оказывать ей слишком много чести, принесла Каландарову некоторое облегчение. Но, въезжая в кишлак, он снова с горечью подумал, что положение остается в сущности прежним: Саида как была, так и есть секретарь парторганизации и нельзя ее ни обругать, ни прибить, ни переговорить — больно уж остра на язык! Жаловаться на нее смешно, но так или иначе расстаться с ней надо, не то скоро от всего его председательского авторитета останутся только рожки да ножки!

Придя наконец к твердому решению, Каландаров, вернувшись, прошел прямо в кабинет и попросил найти Саиду. Он считал, что лучше обойтись без лишнего шума, спокойно, по-хорошему, и поэтому, когда Саида вошла, обратился к ней довольно вежливо:

— Заходите, садитесь,— указал он ей на стул.

Саида села, выжидательно посмотрела на Каландарова: что теперь будет?

— Послушайте меня внимательно, Саидахон,— сказал Каландаров, всеми силами стараясь сохранить спокойствие,— Я вижу, что нам с вами не удастся вариться в одном котле. Я горяч, имею мужской характер, да и грубоват бываю, а меняться мне вроде бы поздно... Вы — молодая, и женщина вдобавок, да еще ученая... Словом, если каждый из нас будет стоять на своем... Я, например, с большим удовольствием ушел бы отсюда, но все-таки, хотя вы и больше меня, наверное, во всем понимаете, я, пожалуй, больше вас сделал своими руками в этом колхозе, да и боюсь — не отпустят меня.

Саида с трудом удержала улыбку.

— Вы, наверное, хотите мне предложить, чтобы я ушла?

— С умным человеком и говорить приятно,— сказал Каландаров почти без иронии, так он обрадовался, что Саида в свою очередь прямо взяла быка за рога.— Да, вот именно. Вы только подайте заявление, а с товарищем Насыровым я уж сам договорюсь!

Но Саида покачала головой и очень тихо сказала, что она не подавала заявления, когда ехала сюда, не собирается подавать его сейчас и вообще никуда не собирается уходить отсюда.

Каландаров не мог скрыть досады и съязвил, что если Саиде так уж понравилось здесь, в колхозе, то он, пожалуй, поможет ей подыскать подходящего мужа.

Саида не осталась в долгу, сказав, что она до сих пор считала Каландарова только хорошим хлопкоробом, но не знала, что у него есть еще вторая профессия — свахи.

Каландаров так задохнулся от обиды, что целую минуту молчал. Из рта его выскакивали только какие-то неопределенные вздохи и бурчание.

— Хорошо,— выдавил он наконец с трудом.— Не хотите уходить вы, уйду я. Говорите, в чем провинился,— буду писать заявление!

— Меня прислали сюда не для того, чтобы я выясняла, кто и в чем провинился,— все тем же спокойным голосом, каким и начала разговор, сказала Саида.— Если бы надо было выяснить тут чью-то вину, то, наверное, сюда бы прислали не меня, а хорошего следователя.

— А мне как раз кажется, что вы и есть следователь, потому что вы все копаете, все ищете, все ходите за мной по пятам...

И черт знает чего только еще не наговорил Каландаров в том же духе, потому что он говорил долго, ожидая возражений, а Саида не возражала; он рассчитывал, что она прервет его, а она не прерывала. В то же время упорное молчание Саиды вселяло в него надежду, что она все-таки смирится и уйдет из колхоза.

Но когда наконец Каландаров замолчал, чтобы хоть немножко передохнуть, Саида подняла глаза, в которых, против ожидания председателя, не было ни слезинки, и сказала самым спокойным тоном, на который была способна:

— Вот сразу и видно, до чего вы избаловались, Арсланбек-ака, вас так долго не критиковали, что вы совсем разучились понимать, что такое критика: любой упрек считаете пулей в лоб!

Каландарова даже в жар бросило от этого спокойствия.

— Ложь! Клевета! — заорал он.— Это вы не понимаете, что значит критика! От критики человек радоваться должен, потому что в сухое дерево камни не швыряют.

— Вот это верно! — согласилась Саида.— И так как вас сухим деревом не назовешь, плодов на вас достаточно, то разрешите мне в вас два-три камешка кинуть. Или вы еще покричите на меня? Тогда я подожду.

Каландаров молчал.

— Так вот вам первый камешек,— сказала Саида.— Возьмем ваш вчерашний доклад. Разве это доклад? А ведь люди очень ждали вашего выступления!

— Чем богаты, тем и рады, говорить я не мастер,— пробурчал Каландаров.

— А это ведь неправда, Арсланбек-ака! Как раз, если бы вы рассказали то, что видели, наверное, было бы всем очень интересно! А вы вместо этого заставили писать Ишана, а Ишан действительно не мастер. Тут я не спорю!

— А кто вам это сказал? — воинственно воскликнул Каландаров.

— Что?

— Про Ишана...

— А я мельком глянула в листки, что вы читали, почерк Ишана я хорошо знаю. Он на бухгалтерских документах часто встречается...

Каландаров побледнел. Он хорошо понял намек Саиды. Ишан не представлял в бухгалтерию никаких собственных документов, и все-таки его руку можно было узнать на многих и очень многих бумагах. Дело в том, что Каландаров имел привычку забирать на ночь домой документы, требовавшие его резолюций, и резолюции на них писал Ишан, а Каландаров ставил только свою подпись. Это и имела в виду Саида.

— Да, верно, почерк у меня куриный,— наконец, помолчав, проговорил Каландаров.— Приходится диктовать.

Саида отнюдь не была уверена, что Каландаров диктовал свой вчерашний доклад Ишану, но она не хотела углублять этот вопрос, щадя самолюбие председателя.

— И еще один камешек,— сказала она.— Ну скажите, зачем вы, Арсланбек-ака, поручили детский сад — детей! — женщине, от которой родная ее дочь и то отвернулась! Не говоря уже о том, что Кифоятхон ведь совсем безграмотна и детей не любит, да и не бывает там почти. А Хурниса-апа — грамотная женщина, была учительницей,— почему же она теперь не работает? И детей у вас дома сейчас нет, что же она делает? Неужели не скучно ей? Ну вот вы так бы весь день сидели дома и ничего не делали — можете вы себе это представить?

Это последнее предположение настолько огорошило всю свою жизнь работавшего не покладая рук Каландарова, что он, несмотря на нелепость подобной мысли, все-таки на секунду задумался и вдруг попробовал себе представить, как это он сам сидит целый день дома и

ровно ничего не делает...

В эту минуту на столе затрещал телефон: Хурниса звонила мужу по колхозному коммутатору, что только что приехал их сын Казимбек.

Каландаров поднялся и вышел, в дверях обернувшись и чуть-чуть, самую малость, кивнув головой Саиде: дескать, понимай как знаешь — простился я с тобой или не прощался!

Разговор остался незаконченным, но Саида не жалела об этом. Она немножко боялась самое себя — что не удержится и, чего доброго, нагрузит на этого верблюда лишнее ситечко...

12

Каландаров соскучился по сыну и поэтому, дав себе редчайшую поблажку, весь остаток дня провел дома.

Они засиделись вдвоем с Казимбеком, и, когда Каландаров добрался до кровати, Хурниса уже спала, заняв почти всю постель и сладко похрапывая во сне.

Привычно подтолкнув жену плечом и освободив себе необходимый минимум места, Каландаров вдруг вспомнил сегодняшний разговор с Саидой о детском саде и о том, что Хурниса уже давно ровно ничего не делает.

«И в самом деле, смотри, как растолстела»,— сердито подумал он.

Должно быть, именно из-за этой сердитой мысли сонное похрапывание жены сегодня, против обыкновения, мешало ему спать. Он лежал в темноте с открытыми глазами и вспоминал все подряд, все, что сказала ему сегодня Саида, и все, что он ответил ей. Теперь, задним числом, отнюдь не все собственные ответы казались ему удачными, и он, злясь на Саиду, лежал и бесцельно придумывал новые, почему-то не пришедшие ему на ум там, в кабине!

Особенно злил его разговор о докладе.

Ну да, доклад, конечно, был никудышный, особенно начало. Он понадеялся на Ишана, а тот дал ему листочки в последнюю минуту, и он, против обыкновения не прочтя их заранее, вышел на трибуну и сразу стал спотыкаться, как стреноженный конь. Верно, что он сделал плохой доклад, он и сам это знает, и вовсе незачем выслушивать замечания от других, тем более от женщины!

Да, в самом деле, надо что-то делать с детским садом. И так вот читать по бумажке, спотыкаясь, тоже нельзя.

Но, с другой стороны, если убрать из детской сада Кифоятхон или вдруг идти советоваться с Саидой перед каждым выступлением, то, глядишь, у этой птички-невелички голова закружится от гордости: вот, мол, стоило мне слово сказать, и уже Каландаров пляшет под мою дудку!

Душа Каландарова изнывала от бессильной обиды. Он даже несколько раз вздохнул, громко и скорбно, как женщина, и, заметив это, разозлился еще больше. А так как он не очень-то привык злиться на самого себя, то все его ночные проклятья, естественно, пали на голову нашей бедной маленькой Саиды.

На следующий день чуть свет к Саиде постучала Умида и сказала, чтобы она скорее шла к председателю.

Каландаров, как всегда, сидел под карагачем и разговаривал с окружающими его людьми — это была его обычная утренняя «летучка», хотя за ней и не водилось такого названия.

— Ездили вы когда-нибудь верхом? — спросил Каландаров Саиду.

Что ответить? Уже здесь, в «Бустоне», Саиде раза два приходилось садиться на лошадь, но вряд ли это называется уметь ездить верхом. Наверное, так бы и надо сказать, но вокруг Каландарова сидело и стояло человек десять выжидательно смотревших на Саиду мужчин, и она невольно ответила:

— Да, приходилось...

— Это хорошо,— насмешливо сказал Каландаров, кажется, не больно-то веря ей.— А то дело колхозное — бывает, и пешком не поспеешь, и на машине не проедешь... Сейчас поедем с вами по бригадам... Посмотрим хлопчатник.

Саиде давно хотелось поехать по полям вместе с Каландаровым, и, если бы не каверзный вопрос насчет верховой езды, она бы только обрадовалась. Но сейчас к радости примешивалась тревога, и, как показали дальнейшие события, отнюдь не напрасная.

У ворот колхозного сада стоял Ишан, держа под уздцы неказистого саврасого коня и рослого иссиня-черного жеребца.

Едва Саида успела с надеждой взглянуть в смиренные и доброжелательные глаза саврасого, как Каландаров сам полез на него, кивнув Саиде на вороного.

Вороной оказался таким резвым, что уж через километр замучил Саиду: чуть она ослабляла узду — он норовил припустить вскачь, а стоило ей натянуть поводья — жеребец начинал сердиться, поводить

головой и выделывать разные кренделя.

Правда, Каландаров то и дело останавливался поговорить со встречными колхозниками, почти всякий раз слезая при этом с коня. Остановки бывали и долгими, и тогда Саида не только отдыхала, но даже успевала нацарапать несколько каракулек в той самой своей тетрадке, что она когда-то — теперь казалось, уже бесконечно давно — обновила у себя дома, под любопытными взглядами тетушки Тутынисы.

Одна из таких особенно долгих остановок произошла возле теплиц с ранними помидорами. Сторож, старик с длинной, белой, как хлопок, бородой, пригласил председателя выпить чаю. Каландаров охотно согласился, спешился, выпил две пиалы и лишь после этого завел разговор о том, что его здесь интересовало.

— Расскажите мне, пожалуйста, Хамид-ата, что за шум у вас тут был вчера? — почтительно обратился он к старику.

Все веселые морщинки на лице старика в один миг убежали и спрятались где-то, должно быть, в его длинной белой бороде, а выцветшие старые глаза сделались сердитыми.

— Приехал тут шофер, мальчишка; я потом узнал, что это сын вдовы Урагбая,— знаете ее?

Каландаров привычно кивнул: в своем колхозе он знал всех.

— Приехал с бумажкой от бухгалтера, чтобы я отпустил ему два кило парниковых помидоров. А я как раз самовар ставил и понадеялся на парня, сказал, чтобы он сам себе взвесил из той кучи, что утром сняли. Но он что-то долго возился, и я, проходя мимо, взял да и заглянул к нему в кабину, а там у него на сиденье килограммов шесть... «Ах так,— говорю ему,— хочешь, чтоб я своей рукой расстрелял тебя?!» — При этих словах старик сторож грозно сверкнул глазами и шлепнул по стволу лежавшего рядом с ним на земле дробовика.— Ну и отобрал у него все помидоры, а записку бухгалтера разорвал и бросил на землю: пусть другой раз не дает записок таким бесчестным людям!

Рассказывая, старик сильно разволновался: событие было редким в его жизни и оттого еще более значительным.

Каландаров слушал очень серьезно и не моргнул глазом, даже когда старик сказал про расстрел, хотя Саида на этом месте еле удержалась от улыбки.

— Да, вы прекрасно сделали, отец,— сказал наконец Каландаров, сочувственно покачивая головой.— Вы очень правильно ему сказали,

но больше никому об этом не говорите, пусть это знают только он, вы, Саидахон,— кивнул он в сторону Саиды,— и я. Значит, все помидоры он тут оставил?

— Вон они,— кивнул старик на горку помидоров, лежащих отдельно на стеклянной раме.— Я, конечно, оставил, чтобы вам показать.

— Так вот,— продолжал Каландаров,— когда сегодня к вам заедет кто-нибудь из шоферов, вы передайте эти помидоры, пусть отвезет их матери того воришки и скажет, что это ей председатель прислал.

Сторож был слишком старый и почтенный человек, чтобы позволить себе выразить удивление. Он степенно наклонил голову и сказал «хоп», а Саида нацарапала в своей тетрадке несколько каракулек для памяти. Ей показалось, что она поняла Каландарова: в это время года помидоры еще редкость, вдруг получив их, вдова Урагбая, конечно, обрадуется и, наверно, спросит сына, что он такого сделал на работе, что председатель прислал им прямо на дом эту маленькую, но приятную премию? Интересно, что ответит ей сын? А если даже ничего не ответит, то скоро ли забудет этот урок?

Едва Саида и Каландаров снова уселись на коней и поехали дальше, как возле стоявшей на отлете от кишлака колхозной бани им встретился секретарь сельсовета и попросил у Каландарова полсотни штук кирпича для своего председателя — тому надо было подправить очаг.

На этот раз Каландаров, не предвидя долгих разговоров, не стал слезать с коня.

— Уплатите за пятьдесят штук в бухгалтерию,— сказал он,— а вечером кто-нибудь из наших шоферов мимо вас поедет и забросит кирпич.

Секретарь рассмеялся:

— Да ведь всей бухгалтерии-то на четыре рубля! Ходить к вам — себе дороже!

— А по каплям воду хуже терять, чем целый ушат опрокинуть. Когда опрокинешь — сразу заметишь, а по капле — кап да кап — и сам не заметишь, как без воды останешься! — усмехнулся Каландаров и, не вступая в дальнейшие переговоры, проехал мимо секретаря.

— Ну и скуп же ты! — уже в спину крикнул ему секретарь.— Самого себя вместо замка на колхозный сундук повесил.

По дороге в бригады Каландаров останавливался еще несколько раз, и Саида уже не знала теперь, от чего она больше устает — от того

ли, что едет, или от того, что беспрестанно то спешивается, то снова влезает на своего вороного.

Когда они наконец выехали на полевую дорогу, Саида, которой надоело, что вороной все время рвется и крутит головой, совершила оплошность: осмелев, немножко отпустила поводья. И вороной сразу же понес ее. Сначала она пробовала удерживать его поводьями, а потом, отчаявшись, вцепилась обеими руками в гриву, думая об одном только: чтобы не свалиться. Подбрасывая ее, как мешок, конь проскакал километра два и остановился, когда Саиде уже казалось, что еще минута — и она свалится. У нее нестерпимо ломило поясницу, а ноги от напряжения совершенно онемели.

Однако жаловаться было некому. Догнавший ее Каландаров спокойно проехал мимо и, полуобернувшись, насмешливо бросил:

— Да, конь — не женское дело! Хотя вам и очень к лицу сидеть в седле...

Только теперь Саида окончательно поняла, что председатель решил сыграть с ней жестокую шутку и заставить ее запросить пощады.

«Так нет же, не сдамся», — подумала Саида и, закусив от боли губы, молча поехала вслед за Каландаровым.

Проехав еще километров шесть, как показалось измученной Саиде, а на самом деле — от силы три, они сделали привал на полевом стане четвертой бригады.

У Каландарова не было привычки объезжать поля просто так, чтобы показать свою деятельность. Раз он приехал, стало быть, соби-рался или советоваться, или проверять, или ругать за непорядки, или и то, и другое, и третье вместе. А тут вдобавок Каландаров приехал не один, а с секретарем партбюро.

Бригадир сразу насторожился, а те из колхозников, что работали поближе к полевому стану, нет-нет да и поглядывали в сторону Каландарова.

Наспех выпив две пиалы чая, Каландаров пошел по полям. Саида шла за ним, едва передвигая одеревеневшие ноги; к ломоте в пояснице прибавилась еще острая боль внизу живота; она чувствовала, что сегодняшняя скачка дорого ей обойдется.

Проходив по полям часа полтора и особенно придирчиво обследо-вав при этом посеvy тех звеньев, что работали подальше от глаз, Каландаров остался доволен и повернул обратно к полевому стану с

заметно просветлевшим лицом. В ту сторону он шел все время молча, изредка перекидываясь отрывистыми замечаниями с бригадиром; на обратном пути, наоборот, только и делал, что заговаривал с каждым встречным. Он долго расспрашивал какого-то мальчишку о здоровье больного отца и пообещал навестить его, потом поболтал минут пять с молодой женщиной, судя по их разговору, только недавно вышедшей замуж; женщина намекала, что хорошо бы дать им кредит на постройку нового дома, а Каландаров отшучивался, говоря, что кредиты можно давать при хороших доходах, а, судя по делам той тракторной бригады, где работал ее муж, больших доходов ожидать нечего... Потом он встретил старика, сын которого случайно ранил кого-то из охотничьего ружья; старик сокрушался — что теперь будет? А Каландаров успокаивал его: недавно он заезжал к районному прокурору, говорил с ним и передал ему характеристику на сына старика, написанную правлением колхоза.

Саида чувствовала себя все хуже и хуже. Она уже не пыталась записывать в тетрадку приходившие ей в голову мысли, а думала о том, что у Каландарова есть, как видно, свои твердые правила поведения с людьми: если он не мог остановиться — он не останавливался, если у него не было времени разговаривать — он не разговаривал, но если уж он останавливался и разговаривал, то люди чувствовали, что он не торопится и, когда слушает их, думает именно об их деле и ни о чем другом.

На похвалы Каландаров был, как видно, не тороват. Хотя, судя по всему, он был очень доволен положением дел в бригаде, вернувшись на полевой стан, не больно-то расхваливал бригадира: сказал ему «молодец» и пошел садиться на коня.

Должно быть, заметив, с каким трудом ходит Саида, и почувствовав, что переборщил, он теперь сам сел на вороного, оставив Саиде смиренного саврасого.

Если б он сделал это с самого начала, Саиде не пришлось бы так туго, но теперь уже трудно было понять, что лучше, а что хуже: вороной, почувствовав опытного седока, пошел ровной рысью, и, чтобы не отстать от него, Саиде пришлось подгонять саврасого.

Подумав, что хрен редьки не слаще и что, если она переседет на вороного, может быть, они поедут медленнее, Саида, догнав Каландарова, попросила его обменяться конями. От быстрой рыси ее подташнивало, а перед глазамиплыли круги. Но Каландаров не понял, почему

она хочет меняться, и, решив, что Саида просто показывает характер, поглядел на нее даже с некоторым одобрением: вон, мол, ты какая! Ну-ну!

Они обменялись конями и поехали дальше.

Жеребцу то ли надоело дурить, то ли — кто его знает — стало совестно, но, когда Саида снова пересела на него, он пошел под ней так же ровно, как под Каландаровым.

«Ах, если бы так с самого начала!» — подумала Саида. Ей было так плохо, что она даже притерпелась к боли и лишь изредка, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть, привставала на стременах.

В следующей бригаде, куда они приехали, Каландаров снова долго ходил по полям и здесь тоже остался доволен тем, как идут дела.

Зато в последней бригаде председатель даже не спешил у полевого стана; он хмуро и молча проехал вдоль расположенных у самой дороги полей и, подозревая бригадира и наклоняясь с седла, сказал ему тихо, в самое ухо:

— Вот что я скажу тебе, братец: хоть у тебя есть надежда вырастить самые высокие сорняки во всем колхозе, но мы тебе премии за это, имей в виду, не дадим! Так что напрасно стараешься. А выращивать хлопчатник тебе, кажется, не по плечу. Попробуй-ка лучше за курами ходить, если получится, конечно. Да-да, за курами,— повторил Каландаров, без всякого сожаления глядя в лицо побледневшему от обиды бригадиру.

— Неужели в этой бригаде такой уж плохой хлопчатник, а, Арсланбек-ака? — спросила Саида, когда они отъехали.— Я, по правде говоря, сама этого не подумала. Мне показалось, что только чуть-чуть хуже, чем в других местах.

Саиде было нелегко сделать такое признание, лишний раз напомилавшее Каландарову о ее неопытности. Но она снова подумала о том, что смешон не тот, кто не знает, а тот, кто лишь делает вид, что знает.

Каландаров бросил на нее косой взгляд, но прямого вопроса обезоружила его, и ему пришлось объяснить ей, почему поля бригады находятся, по его мнению, в таком дурном состоянии.

Саида даже попробовала, сидя на коне, записать несколько слов для памяти в свою тетрадку; впоследствии она так и не разобрала, что именно пыталась тогда записать, но в ту минуту Каландаров подумал о ней со злостью, смешанной с уважением: «Ишь ты, нарочно пишет, доказывает, что ее ничем не сломишь!»

К полевому стану четвертой бригады они вернулись как раз к обеду. Колхозники, собравшись в кружок, сидели на берегу маленького искусственного водоема, или, как говорят в Средней Азии, хауза, в тени густо разросшегося вблизи воды молодого тальника. Пока Саида мыла руки, старый колхозник, поливавший ей воду из узкогорлого медного кумгана, сочувственно поглядывал на ее побледневшее лицо.

— Ой, доченька,— ласково, как маленькой, сказал он.— Вижу, умаял он вас,— старик кивнул на топтавшегося поодаль вороного.

Ну конечно же, старик хотел Саиде только добра, а между тем, наоборот, чуть не довел ее до слез. От его ласкового голоса ей стало жаль себя, а стоило ей пожалеть себя, как она сразу почувствовала невыносимую боль во всем теле.

В больших фарфоровых мисках, или, как их здесь зовут, косах, дымилась горячая, как огонь, наваристая похлебка. Посыпая поверх того перца, что уже был в похлебке, еще целую щепоть, Каландаров, который, оказывается, зацепил краем уха ласковые слова старика,

безжалостно сказал:

— Ничего, что умаялась, привыкнет! — И, пощелкав ногтем по зазвеневшему краю косы, добавил: — Не фарфоровая, не разобьется.

Каландаров ел похлебку и после каждого глотка похваливал повара, а Саиде было не до еды. Она с трудом проглотила несколько ложек и беспомощно оглянулась, когда заботливые руки подлили ей в косу навару, а другие подложили еще кусок баранины.

Саида за время отсутствия Каландарова уже была два раза на этом полевом стане. Люди знали ее, а сейчас, заметив ее довольно-таки несчастный вид, вдобавок еще и пожалели.

Каландарову не понравилось ни то, ни другое. С аппетитом выхлебав одну косу, он с удовольствием принялся за вторую. Он, кажется, был готов съесть подряд и третью и четвертую, лишь бы показать окружающим, что эта не умеющая ни проехаться на коне, ни всласть поест после трудового дня девчонка — белая ворона в их колхозе.

— Что же это вы не едите, а, Саидахон? Не нравится вам, что ли, их пища? — Он повел головой вправо и влево.— Да вы не скрывайте, я уж вижу, что не нравится!

«Скажи пожалуйста,— разозлилась Саида,— что я, из Америки, что ли, сюда приехала! Как он обо мне смеет так говорить?»

Слова Каландарова показались ей одновременно и ужасно фаль-

шивыми, и ужасно обидными, но она ничего не могла с собой сделать: ей было так плохо, что кусок не шел в горло.

Между тем Каландаров продолжал развивать понравившуюся ему тему. Ему очень хотелось как-нибудь поостроумнее подчеркнуть, что Саида имеет очень слабое касательство к жизни и труду людей, среди которых они сейчас сидели и среди которых он сам провел всю свою жизнь.

- Другое дело дехканин,— продолжал разглагольствовать он.— Когда дехканин семь потов спустит на работе, ему и вареная картошка пловом кажется!

— Конечно, всякий человек, когда потрудится, после этого ест с аппетитом,— ответила Саида, просто чтобы что-нибудь ответить, надеясь, что Каландаров наконец оставит ее в покое.

Но Каландаров не унимался.

— Конечно-то конечно, да разные бывают эти «конечно». У дехканина труд такой, что с другим его равнять может только тот, кто сам не отведал. Дехканин круглый год трудится. Ни летом, ни зимой не отдыхает!

Каландарова прямо-таки распирало от чувства собственного превосходства над Саидой.

— А интересно, какая фабрику, или завод, или шахта берет да и останавливается на лето? Или на зиму? — разозлившись, спросила Саида.

Каландаров не ожидал от нее ответа вообще, а тем более — такого. Он поперхнулся, а окружающие сочувственно рассмеялись.

Каландаров в душе выругал себя. «На черта мне понадобилось дразнить эту вертихвостку,— подумал он.— Вот, пожалуйста, ответила — и уже смеются. В который раз она мой авторитет подрывает! А все сам виноват...»

Однако, несмотря на эти разумные соображения, оставить последнее слово за Саидой было свыше его сил.

— Это-то да,— сказал он,— это так. А все-таки вы не равняйте труд дехканина с трудом рабочего. Рабочему что? Повернул рычажок — и готово.

— Как жаль, Арсланбек-ака, что вас наши трактористы не слышат. Оказывается, вон какая у них легкая работа: повернул рычажок — и готово! — отпарировала Саида, от злости даже на минуту забыв о том, как болит у нее все тело.— А насчет аппетита, если не ошибаюсь, вы в

планах колхоза записали, чтобы через несколько лет убрать кетмень с поля. Что ж, кетмень уберем — и сразу у всех дехкан аппетит пропадет?

Кто-то сзади хохотнул, некоторые улыбнулись, лица других остались серьезными. Это было уже больше чем обмен шутками. Это была новость: Каландарову давали сдачи.

Саида почувствовала значение этой паузы, но не раскаивалась в своем резком ответе. Что же поделаешь, она секретарь партбюро и не может позволить, чтобы Каландаров делал из нее посмешище.

Каландаров в молчании и уже без всякого удовольствия доел вторую миску похлебки и, присев на корточки у края хауза, вымыл руки. Он был раздосадован и, хотя намеревался с полчаса отдохнуть после обеда, теперь, взяв с собой бригадира, сразу пошел на те ближайšie к дороге поля, что еще не осмотрел с утра.

И Саида еще час или два — она уже начала терять представление о времени — почти как автомат ходила за ним. Теперь Саида уже ничего не записывала — она даже с трудом понимала то, о чем говорит Каландаров с бригадиром. У нее было одно желание: не дать возможности Каландарову доказать, что она ничего не стоящая белоручка, готовая рассыпаться от усталости, не выдержав первого же испытания.

Когда они наконец вернулись к хаузу, Саида с отчаянием думала, как она снова влезет на коня.

Каландаров давал последние распоряжения бригадиру, а Саида стояла рядом и ждала.

— Слушай, доченька,— окликнул ее кто-то. Это был тот самый пожалевший ее недавно старик.— Не можешь ли ты исполнить мою просьбу,— отвезти ко мне домой одну вещь, небольшую и легкую?

Саида с тревогой подумала о том, как она, взгромоздившись на своего вороного, вдобавок ко всему повезет еще какую-то вещь, пусть даже и небольшую и легкую. Но ей было неудобно отказать старику, и она, вздохнув, тихо сказала:

- Да.

Ей не пришлось раскаиваться в этом. Старик, взяв с супы одну из лежавших на ней пуховых подушек, подошел к вороному и приладил подушку поверх седла, накрепко прикрутив ее ремнем.

Только взобравшись на коня, Саида смогла оценить всю доброту и деликатность старика. До этого седло казалось ей чуть ли не раскаленными угольями, сейчас на нем можно было сидеть без особых мук. Правда, теперь Саиду мучило другое. «Как же он догадался, что мне так

плохо? — спрашивала она себя.— Ведь не просто же по моему лицу. Неужели по походке? Но если это заметил он, могли заметить и другие! Боже мой, какой стыд!»

Не будем рассказывать о том, какую пытку выдержала Саида на обратном пути, пока упрямый и злой Каландаров в течение двух часов осматривал поля еще одной бригады. Когда они под вечер наконец добрались до правления и Каландаров пригласил ее к себе поужинать, она, несмотря на то, что в глазах председателя блеснула ядовитая искорка, уже не нашла сил скрыть свое состояние и наотрез отказалась, сказав, что пойдет домой и ляжет.

Каландаров остался под карагачем, а Саида, стыдясь и чувствуя на своей спине его взгляд, пошла к себе, изо всех сил стараясь идти своей обычной походкой.

13

Наутро Саида не могла встать; вдобавок ко всему, кажется, у нее был жар. Накануне Каландаров прислал к ней Кифоятхон, которая перед сном долго массировала ей спину и ноги, но толку от этого, как видно, было мало. Сегодня утром Кифоятхон пришла снова и принесла Саиде завтрак.

— Арсланбек-ака велел, чтобы я о вас позаботилась,— сказала Кифоятхон, объясняя свое вторичное появление.

Однако заботы Каландарова не ограничились только этим. Вскоре в окно просунулась его голова, он осведомился о здоровье Саиды и с сочувствием, за которым скрывалась насмешка, несколько раз повторил: вот, мол, бывает, неделями ходишь по полям с утра до вечера — и как с гуся вода, а без привычки — и один день трудно.

Потом голосом, не допускавшим возражений, заявил, что пришлет Саиде своего сына Казимбека сделать укол пенициллина, и, прежде чем девушка успела что-нибудь возразить, исчез.

Саида давно уже позавтракала, а Кифоятхон все не уходила и не уходила. Кажется, она считала болезнь Саиды удачным предлогом, чтобы сблизиться с ней.

Саида сначала не испытывала никакого желания болтать с Кифоятхон, но та все сидела. Саиде пришлось заговорить, а уж заговорив, она стала расспрашивать Кифоятхон — о чем же еще? — разумеется, о детском саде.

Как видно, до Кифоятхон уже дошел слух, что Саида высказывала недовольство ее работой в детском саду, и она заметно забеспокоилась.

— Только скажите мне правду,— спросила Саида,— вам действительно нравится работа в детском саду?

— А что будешь делать? Раз я ничего другого не умею. Да и работа легкая...

Саида была на этот счет совершенно другого мнения — работу в детском саду может считать легкой только человек, который по-настоящему не работал там и не собирался работать. Однако она не стала спорить.

— Что ж,— сказала она,— может, вы и правы, в детском саду не так уж трудно, но ведь, кроме того, у вас на плечах хозяйство в председательском доме. Если взять все, что вы там делаете, да прибавить к этому еще и детский сад, тогда вряд ли можно сказать, что работа у вас легкая. И, по правде говоря, вы могли бы найти себе в колхозе другую работу, полегче, чем эти две. Да и вообще на мой, например, характер, самый тяжелый труд — это в чужом доме, где зависишь от того, как кто чихнет или кашляет.

Кифоятхон долго молчала, видимо, обдумывая, идти ей или не идти на откровенность.

— Ваша правда,— сказала она наконец.— Хурниса весь день только тем и занята, что сама ничего не делает, а ходит за мной по пятам и объясняет, как и что я должна сделать. Если бы не ждала, что породнимся, давно бы уже терпения не хватило! — Маленькие быстрые глаза Кифоятхон так сердито сверкнули при этих словах, что Саида поверила: руководящие указания Хурнисы надоели Кифоятхон хуже горькой редьки.

А многое ли изменит свадьба? — вдруг спросила Саида.—

Хурниса-апа ведь уже привыкла помыкать вами, а привычка — вторая натура.

Спросила и почувствовала, что задела самое больное место своей собеседницы. Кифоятхон, как видно, и сама опасалась, что свадьба минует, а побегушки останутся.

— Ну а что же делать-то? — всплеснула Кифоятхон руками.— Раз вы умная, так советуйте!

— А у вас есть какое-нибудь образование?

Ответ был самый короткий:

— Нет, никакого.

Однако вслед за этим коротким ответом сразу же последовал такой длинный и откровенный рассказ, какого Саида вовсе не ожидала выслушать из уст Кифоятхон.

А впрочем, тут, пожалуй, нечему было удивляться: уже больше десяти лет Кифоятхон состояла в услужении у Хурнисы, и обязанности между ними были распределены самым бескомпромиссным образом: Кифоятхон работала и молчала, Хурниса ходила за ней по пятам и говорила, говорила, говорила... При ее природной болтливости это не составляло для нее ни малейшего труда. Она говорила подряд уже десять лет, но могла говорить и еще двадцать,— трудно, что ли? И теперь намолчавшуюся за все эти годы Кифоятхон словно прорвало, и она понеслась, как застоявшийся конь.

Начала она, надо отдать ей должное, от Адама и Евы — не с себя и даже не со своей матери, а с бабушки и дедушки.

Дед Кифоятхон — по имени Маткарим, а по прозвищу Букок, что значит зобатый,— был человек бедный деньгами и хилый здоровьем. Он с утра до вечера таскался по базарам, предлагая желающим потянуть из кальяна, и на полученные за это медяки кое-как кормил свою семью. Там, на базаре, он и умер со старым кальяном в руках, так и не успев получить за последнюю затяжку последнего в своей жизни медяка.

Когда человек тридцать лет подряд бродит с утра до вечера по базару, его, конечно, все знают, тут нет ничего удивительного. И вот через час после того, как Маткарим Букок упал ничком в ту базарную пыль, которую он топтал тридцать лет, его погруженное на арбу тело привез к нему домой богатый купец-мануфактурщик по имени Эрмад-Базоз. Подойдя к обливающейся слезами жене покойного, он сказал, что Маткарима-хаджи надо похоронить со всеми почестями, подобающими тому, кто совершил паломничество в Мекку.

Это была правда — Маткарим Букок, когда был ребенком, путешествовал в Мекку вместе со своим отцом, но его, несмотря на это, никто и никогда не называл хаджи, ибо кому придет в голову называть хаджи нищего и сына нищего?

Жена покойного от неожиданности даже на минуту перестала рыдать и, подумав, что почтенный Эрмад-Базоз решил бескорыстно выполнить высокий долг мусульманина, призвала на его голову благословение аллаха и предоставила ему делать впредь все, что он сочтет должным.

На следующий день живой богач воздвиг для мертвого нищего гробницу из кирпича, да и не из сырца, а из обожженного, из которого покойный при жизни никогда бы не построил себе дома; соседям было роздано сто двадцать кусков ситца, чтобы носили в память умершего,— словом, были устроены пышные поминки. А еще неделю спустя купец явился к старухе с тем, с чем и полагается являться купцу,— со счетами в руках. Он щелкал на них достаточно долго для того, чтобы бедная вдова посерела от ужаса, и, наконец, сообщил ей, что если она не уплатит двенадцать золотых, истраченных на достойные похороны покойного хаджи, то ему с таким долгом за плечами никак не удастся на том свете переступить порог садов аллаха, то есть, короче говоря, купец пощелкал костяшками и сказал: гони монету!

Что было делать? За дом покойного вместе со всем скарбом никто не дал бы и шести золотых. После смерти кормильца его вдова пряла нитки, получая за свой скромный труд от силы целковый за целую неделю. Она просто не знала, что ответить, но, к ее счастью, благочестивый купец ушел, не дождавшись ответа, и целых полгода не напоминал ей о долге.

Через полгода, однако, он все-таки напомнил. К бедной вдове пришла одна разбитная женщина, из тех, что и свахи, и повитухи, и плакальщицы, смотря кому что надо, и сказала: почтенный мануфактурщик готов взять ее под свое крыло и спрашивает, что она на это скажет.

Отнеся это предложение на свой счет, вдова даже заплакала от радости, что, впрочем, оказалось преждевременным. Мануфактурщик сватался отнюдь не к ней, а к ее семнадцатилетней дочке (которой, добавим, забежав вперед, впоследствии предстояло стать матерью Кифоятхон), а вдову он был готов взять под крыло заодно с дочерью.

Мануфактурщик был немолод, вдова бедна, а дочь красива. Мануфактурщик решил, вдова немножко поколебалась, а дочку никто не спрашивал. Словом, все скоро кончилось свадьбой, и будущая мать Кифоятхон вошла третьей женой в дом Эрмада-Базоза.

Первая жена купца была бесплодна, а вторая что ни год приносила ему одних дочерей. Третья жена начала с того, что родила купцу еще одну дочь и назвала ее Кифоятхон, что по-узбекски значит «довольно».

Обе младшие жены, понимая, что первое место в доме останется за той из них, которая родит наследника, даже самые дорогие мужнины подарки безропотно передаривали разным ишанам и шейхам, лишь бы

вымолить у аллаха сына.

Но с наследником как заколодило.

Наконец они обе отправились в паломничество в город Ош. Там, возле Оша, на самом верху священной горы была священная пещера со священным источником. Источник издавна славился тем, что любая женщина, преподнеся в дар местным шейхам все, что у нее было при себе, могла сунуть руку в водоем и заранее выяснить, кого ей предстоит родить. Если, пошарив по дну, она вытаскивала источенную водой баранью бабку, или железный биток, или еще что-нибудь в том же роде, то значит аллах судил ей сына. Если же у нее в горсти оказывалась бусина, или ржавое колечко, или обломок серьги, то — ничего не поделаешь — ей предстояло рожать дочь.

Мать Кифоятхон сунула руку первой и вытащила черенок от горшка. По мнению шейхов, такая странная находка не предвещала ничего определенного. Зато ее соперница — вторая жена — вытащила ржавый ножик, что, само собой разумеется, предсказывало сына.

Путь в пещеру и из пещеры шел по нависшей над пропастью горной тропке. Мать Кифоятхон твердо верила в силу предсказания и не менее твердо знала, что настоящей хозяйкой в доме будет та из них, которая принесет наследника. Словом, сделав вид, что это вышло нечаянно, она столкнула в пропасть шедшую впереди нее счастливую соперницу. И в тот же день попала в тюрьму.

Она была еще молода и красива, свет не без добрых людей, и вот нашелся такой добрый человек, по профессии содержатель публичного дома, который нанял адвоката и через год за большие деньги вызволил ее из тюрьмы для того, чтобы поместить в свой публичный дом на

Балочном базаре в Коканде.

Бедная убийца не столько страшилась тюрьмы, сколько разлуки со своей дочерью Кифоятхон, которой тем временем пошел уже третий год. Она согласилась на все, лишь бы девочка оказалась вместе с нею. Так вышло, что из всех мест на земле местом для воспитания Кифоятхон оказался публичный дом.

Однако не следует думать, что мать собиралась разрешить дочери пойти по своим стопам. Наоборот, для Кифоятхон была уготована достойная и счастливая судьба: как раз в год революции, когда ей минуло четырнадцать лет, она вошла любимой женой в дом богатого купца, у которого, правда, кроме нее, было еще семь жен в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Но, так или иначе, именно она была

любимой женой и именно она унаследовала дом своего престарелого мужа, когда он спустя шесть лет отдал душу аллаху.

— Ах, после его смерти я дала себе волю... дала себе волю,— повторяла Кифоятхон, задумчиво глядя в потолок и даже заломив над головой руки при этом воспоминании.— Несколько лет я жила и одна и не одна и, по правде сказать, вышла замуж за своего Ишана не раньше, чем мне самой все это надоело. Вы спросили меня, сколько я училась? Да, может быть, я и училась, но не тому, о чем вы спрашиваете. А буквам я никогда не училась и до сих пор не умею написать ни одной. Даже и готовить я научилась уже потом, у Ишана, когда мы поженились. Когда он в хорошем настроении, он любит хвалить мои кушанья, но на самом деле он и сейчас умеет все приготовить гораздо лучше, чем я.

Вот вам вкратце и вся история, которую Кифоятхон вдруг, словно извержение вулкана, обрушила в это утро па ничего не подозревавшую Саиду. Обрушила — и притихла, снова привычно прикусив язык и уже ругая себя за откровенность, которая, по ее мнению, чего доброго, могла вызвать у Саиды чувство презрения к ней. Теперь она сидела и молча смотрела на Саиду, стремясь прочесть в ее глазах, что думает эта девушка о ней — женщине, не умеющей писать букв, но знающей о жизни гораздо больше, чем написано во всех вместе взятых книгах.

Саида была оглушена и подавлена ее рассказом, но, следуя природному чутью, сделала самое умное, что могла сделать, а именно: не ужаснулась и не удивилась, а очень просто, словно ничего не случилось, продолжила разговор, что был прерван рассказом Кифоятхон.

— Раз вы совсем неграмотны,— сказала она,— то вам надо оставить работу в детском саду. Все равно рано или поздно туда назначат вместо вас другую, грамотную. Так уж лучше уйти самой, будет не так обидно. Ну и конечно, раз вы перестанете работать в детском саду, у Хурнисы уже не будет удобного предлога держать вас на побегушках. А какая-нибудь работа в колхозе для вас, конечно, найдется. Вы подумайте, и я подумаю тоже. Но если вы что-нибудь надумаете сами, первая не заговаривайте с Арсланбеком-ака, не поговорив сначала со мной. Он ведь может сразу отрезать «нет», а потом из этого «нет» будет так же трудно сшить «да», как халат из безрукавки.

Кифоятхон задумалась. Слова Саиды показались ей искренними, она поблагодарила ее вежливо и тихо, без своих обычных ужимок и, завязав в узелок оставшуюся от завтрака посуду, вышла. Но едва она вышла, как в дверь постучали. Саида откликнулась, и на пороге

появился высокий молодой человек с добрыми глазами, длинной шеей и немножко оттопыренными ушами.

Хотя Казимбек и был теперь уже самый настоящий доктор, но все-таки он оставался очень похожим на свою детскую фотографию, висевшую в доме отца,— по крайней мере, Саида сразу узнала его.

14

С важностью, присущей всем или— скажем из осторожности — почти всем молодым врачам, Казимбек уселся на стул, строгим, профессиональным взглядом бестрепетно посмотрел на Саиду и, к своему ужасу, почувствовал, что краснеет.

— Я слышал, вы заболели,— сказал он, с трудом преодолевая смущение,— Отец мне сказал, чтобы я зашел к вам.

Саида посмотрела на его лицо, залившееся краской так, что даже тонкая мальчишеская шея порозовела до самого выреза белой шелковой рубашки, заметила, как он смущенно барабанит по колену тонкими пальцами, и почему-то почувствовала себя вдруг совсем взрослой и сильной по сравнению с ним, улыбнувшись, спросила:

— Должно быть, Арсланбек-ака сам сказал, чтобы вы и пенициллин мне ввели?

Казимбек расхохотался. Шутка Саиды сразу положила конец строго официальным отношениям между начинающим врачом и его первой после вступления в должность пациенткой. Теперь в комнате просто сидели рядом два молодых и смешливых человека, и у обоих был вполне законный повод для шуток.

— Ага,— сказал Казимбек,— оказывается, вы уже изучили характер моего отца! Вы правы: он из всех блюд признает только плов, из всех руководителей — товарища Кадырова, а из всех лекарств — пенициллин. Ну а все-таки, как вы себя чувствуете? Или, как бюрократически говорим мы, врачи: на что жалуетесь?

Ожидая ответа, он чуть-чуть нагнулся, взял руку Саиды и стал старательно считать пульс. Саида молчала. Она вовсе не собиралась рассказывать этому молодому врачу ни о подробностях своей вчерашней поездки, ни о ее последствиях. Из-за этого ей хотелось, чтобы Казимбек скорее ушел, хотя в то же самое время — встань он сейчас и уйди — ей было бы жалко с ним расстаться.

— Вы только не стесняйтесь,— не дождавшись ответа, сказал

Казимбек, солидно покачав головой, совсем так, как качал головой бородатый профессор Мусаев, читавший у них общую терапию.— Когда мы, врачи, осматриваем больную, мы иногда даже забываем, что и матери наши и сестры — женщины! Перед нами всегда не женщина, а только больная.

Впрочем, сказать-то он это сказал, но, должно быть, оттого, что при этом он вовсе не вспомнил ни матери, ни сестры, а, наоборот, глядя в нежное, улыбающееся лицо Саиды, думал в эту минуту о ней самой, его лицо со строго сдвинутыми бровями снова покрылось честным румянцем молодого смущения.

Наконец Саида, на его счастье, собралась с духом и сказала, что она вчера целый день ездила верхом, что до этого почти никогда не ездила и чувствует себя немножко разбитой, а в общем все хорошо, сегодня она еще полежит, а завтра, наверное, встанет, только не надо ей никакого пенициллина, даже если бы Арсланбек-ака вынес такое решение на правлении колхоза. Тут она снова рассмеялась и с облегчением заметила, что доктор засовывает обратно в чемоданчик свой стетоскоп.

Казимбек перестал краснеть и еще раз повторил, что Саида, кажется, неплохо изучила его отца.

— До меня еще по дороге сюда дошел слух, будто бы, когда он ушел без разрешения, вы заставили его вернуться на партийное собрание, и, уж поверьте мне, я-то знаю, что заставить моего папашу совершить такой вполне нормальный для другого человека поступок — значит сделать большое дело! А потом мне говорили, что, почувствовав вашу поддержку, тут даже женщины критиковали его. Ну, а это уж вообще... мой папаша и женщины, критикующие его, — такого не было от сотворения мира! А знаете, кто мне все это рассказал? Агзамджан! Я встретился с ним по дороге.

— Да он и не был у нас! — удивленно протянула Саида.

— А-а,— махнул рукой Казимбек.— Разве вам не известно, что у корреспондентов носы чуть-чуть длиннее, чем у всех остальных смертных? Да и потом, как говорится, слухом земля полнится. Кстати, Агзамджан сказал, что собирается приехать сюда, к нам, писать фельетон о Зульфакарове. Но слушайте, все же я врач,— вдруг снова вспомнив об этом немаловажном обстоятельстве, сказал Казимбек.— Я ж все-таки должен вас осмотреть!

Но Саида в ответ только махнула головой, как упрямая молодая

лошадка. Казимбек улыбнулся.

— В институте нас учили, что наибольшие трудности при осмотре своих больных обычно испытывают детские врачи и ветеринары, но теперь, я вижу, что иногда плохо приходится и нам, терапевтам.

Однако он был достаточно умен, чтобы, пошутив, не настаивать, и именно поэтому Саида, окончательно преодолев смущение, теперь уж совсем откровенно сказала ему, что очень намучилась вчера и сейчас у нее нет на теле ни одного живого места.

— Вот вы говорите,— сказала она,— что я знаю характер вашего отца. А на самом деле я еще только его изучаю, да притом еще на собственной спине, в буквальном смысле этого слова.— Саида рассмеялась.— Это же он, чтобы наказать меня, посадил на непослушного коня и возил весь день напролет, до самого вечера. Наверное, хочет, чтобы я испугалась его характера и сбежала отсюда. А я вот назло ему отлежусь и возьмусь за прежнее!

Они, наверное, еще целый час проговорили о Каландарове, причем Саида почувствовала, что хотя она и злится на председателя, но в то же время этот человек чем-то начинает ей все больше нравиться. А Казимбек, хотя и посмеивается над отцом и стыдится некоторых его выходов, в то же время любит его.

— Да, уж таков мой отец! — сказал он под конец.— Но, между прочим, хотя он и больше всего любит говорить: «Да, я такой и меняться не собираюсь!», а на самом деле он вовсе не такой уж несдвигаемый с места монумент самому себе. Если как следует поднажать, он, глядишь, сначала пошумит, а потом возьмет да и сдвинется, да еще примет гордый вид, будто сделал это по собственной инициативе! Помню, года два назад я приехал на каникулы. Сидим обедаем... Отец, поев плов, стал вытирать пальцы о голенища. Мне вдруг стало стыдно перед гостями, надо бы сдержаться, а я возьми да брякни. Ну, сначала поднялся такой крик — гости были не рады, что пришли... Потом половину каникул отец со мной не разговаривал, а еще немного погодя стал плов ложкой есть, и ни о каких голенищах уже и речи не было. Куда там!.. Ну ладно, я пойду, а вам советую полежать все-таки и сегодня и завтра. А завтра вечером я зайду и предложу вам одно лекарство, после которого никакие кони вам не будут страшны — ни саврасые, ни вороные!

Казимбек ушел, а Саиду охватило вдруг такое оживление, что, несмотря на все свои боли, она даже почувствовала потребность

двигаться. Она встала с постели и, благо никто не слышал, легонько охая, несколько раз взад и вперед прошлась по комнате. Потом села на кровать и задумалась: то, что Казимбек, любя отца, в то же время понимал его характер и был союзником Саиды, и это показалось ей сейчас очень, очень важным...

15

Целый день у Саиды, как говорится, не было отбоя от посетителей. Сначала к ней зашла Умида, потом Исмаилджан, потом директор школы, потом Мехри,— правда, она, увидев, что Саида не одна, только кивнула ей из двери головой, застеснялась и ушла. Потом зашел Ишан с чайником чая. Потом пришла жена Зульфакарова — не Мехри, а его старая, настоящая жена, с маленьким узелком, в котором было завернуто два граната и кишмиш. Почему Зульфакаров вдруг прислал свою жену, да еще с узелком?.. Это внушило Саиде некоторые подозрения, но знак внимания был такой скромный, что отказаться показалось неудобным. Потом пришла Хурниса и даже предложила Саиде перейти к ним в дом, полежать, пока не выздоровеет, там. Но Саида отшутилась:

— Когда с больным слишком возятся, он не торопится выздоро-
равливать.

На следующий день Кифоятхон принесла ей завтрак совсем рано, едва рассвело. Оказывается, на это была своя причина: Кифоятхон спешила рассказать Саиде о том, что случилось вчера.

— Не годишься работать в детском саду,— решительно заявил ей Каландаров.— Ты ведь неграмотная, а в детском саду грамотная нужна. Я так решил! — он покрутил при этом свои тигриные усы так самодовольно, словно принял невесту какое мудрое решение.

Но, оказывается, это было только началом. Каландаров любил действовать по принципу: семь бед — один ответ, и поэтому, разделавшись с не слишком опечаленной, но на всякий случай зарыдавшей Кифоятхон, он тут же взялся за жену.

Вечером в доме председателя происходил целый концерт: Кифоятхон неискренне подвывала в одной комнате, а Хурниса вполне искренне и во весь голос рыдала в другой, выкрикивая сквозь рыдания, что она больна, работать в детском саду не может и непременно умрет от этой работы...

Саида решила лежать весь этот день, чтобы завтра, почувствовав себя совсем здоровой, с лихвой возместить потерянное. Однако после обеда к ней вдруг явилась Умида еще с одной новостью: председатель вызвал к себе в кабинет Зульфакарова, шумел так, что Умиде в соседней комнате пришлось разговаривать по телефону, затыкая ухо пальцем, и заявил, что он сегодня же поставит на правлении вопрос об исключении Зульфакарова из колхоза.

«Смотри как разошелся»,— подумала Саида, слегка даже смущенная бурной деятельностью председателя; он, как видно, решил произвести все предполагаемые перемены во время ее болезни, чтобы никто, не дай бог, не подумал, что Каландаров действует не по своему разумению, а под женским влиянием.

Крутые перемены в судьбе Кифоятхон и Хурниси, разумеется, можно было только одобрить. Другое дело — Зульфакаров. По мнению Саиды, едва ли тут стоило и торопиться, и поступать до такой уж степени круто, тем более, что история Зульфакарова возникла не на пустом месте: вряд ли бы он стал двоеженцем, если бы ему в свое время не попустились.

Саида решила сейчас же, пока еще можно что-либо переменить, встретиться с Каландаровым и, вскочив с постели, начала поспешно одеваться.

Увидев ее, Каландаров проявил удивление, граничащее с недовольством: он был явно не прочь, чтобы Саида еще немножко поболела.

— Смотри-ка, уже выздоровели?! Быстро, быстро! А я сказал членам правления, что вы не будете, что проведем заседание без вас. Так что вы возвращайтесь, полежите еще день. Ничего не случится, здоровье всего дороже.

Саиде для начала разговора показалось удобнее не знать того, что она уже знала от Умиды, и она спросила Каландарова, что же сегодня будет на заседании правления, если, конечно, не секрет.

— Какой там секрет! — сказал Каландаров.— У нас на заседании всего один вопрос: я решил снять Зульфакарова с бригадиров, да и в колхозе он не такое уж украшение, чтобы его задерживать. Вот так! — добавил он и покрутил усы,— Дело ясное, решенное, так что можете не волноваться. Идите домой, долеживайте свое!

Но Саида не проявила никакого желания уходить, а, наоборот, села рядом с Каландаровым. Она почувствовала, что теперь, раз уж Каландарову попала вожжа под хвост и он объявил, что выгонит

Зульфакарова из колхоза, будет нелегко его переспорить или заставить хотя бы повременить с этим делом.

— Это конечно,— дипломатично сказала она,— раз виноват, значит, надо наказывать! Но как бы вы думали, Арсланбек-ака, может, прежде чем решать — оставлять или не оставлять Зульфакарова в колхозе, стоило бы рассмотреть вопрос о его пребывании в партии?

— Это и потом успеется, не тратьте время на раздумья! — отрезал Каландаров.

— А может, это будет не совсем верно, если вы вдруг, не решив сначала вопроса на партийном собрании, сразу же... Вы подумайте, Арсланбек-ака. Вам, конечно, виднее, чем мне, вы старый коммунист.

Невинная дипломатия Саиды немедленно оказала свое действие. Каландаров важно задумался, покрутил усы, нажал на звонок с таким значительным видом, словно этим нажатием кнопки он, по крайней мере, взорвал мост. На звонок явилась Умида.

— Умидахон,— сказал Каландаров, вытягивая пальцами кончики усов так, словно хотел измерить их общую длину,— подождите с вызовом людей на правление. До этого у нас с вами есть дела поважнее! — И, кажется, совершенно искренне забыв, что минуту назад сам же хотел сделать наоборот, поучающим тоном объяснил обеим женщинам: сначала следует исключить Зульфакарова из партии на заседании бюро, потом утвердить исключение на партийном собрании и только после этого поставить вопрос о его пребывании в колхозе на правлении и на общем собрании колхозников.

— Ну как? — заключил он. — Я, по крайней мере, думаю, что так будет вернее. Или у вас, может быть, другое мнение?

В ответ на это Саида поспешила подтвердить, что у нее совершенно такое же мнение, как у Каландарова.

— А раз так,— сказал он,— значит, сегодня же и бюро соберем. Раз вы уж все равно встали,— кивнул он Саиде.

«Час от часу не легче»,— подумала Саида, а вслух сказала, что, может, все-таки не стоит так уж спешить с этим делом.

— Видите ли, Арсланбек-ака, мы, члены бюро, когда вы еще были в отъезде, несколько раз говорили об этом между собой, конечно предварительно, и подумали, что, наверное, вы, когда вернетесь, одобрите наше предложение...

Под Каландаровым даже заскрипело кресло, так резко он повернулся к Саиде. Как она ни обкладывала подушками каждое свое

слово, но Каландаров вообще не любил, чтобы кто бы то ни было и о чем бы то ни было думал в его отсутствие!

Дальше разводить дипломатию было бесполезно, и Саида - будь что будет — прямо сказала то, что думала: конечно, двоеженство Зульфакарова — это свидетельство байско-феодалного отношения к женщине, но, вообще-то говоря, это отношение не сводится только к такому прямому преступлению, как двоеженство,— ведь верно? А если верно, так нет ли у них в колхозе и еще кое-чего в этом духе, не так бросающегося в глаза, но похожего? И еще: то, что Зульфакаров, договорившись с Мехри, приписал себе урожай хлопка, снятый ее звеном, конечно, прямое очковтирательство и, стало быть, тоже преступление. Но не происходит ли в колхозе кое-чего похожего на это, хотя бы когда шелководы занимаются «липой» — разводят лишних червей сверх нормы? Конечно, это разные вещи, но все-таки... В общем, Саида решила воспользоваться случаем...

Когда Саида начала говорить, Каландаров недовольно засопел, йотом сдержался и, в сильной борьбе с самим собой дослушав ее до конца, очень долго молчал.

— А стоит ли растягивать это дело? — наконец сказал он.— Четыре собрания будем созывать, а когда работать?

Однако в голосе его чувствовалась неуверенность, и Саида решила ковать железо, пока горячо.

— Конечно, дело нелегкое,— сказала она.— Взялась бы я одна, может быть, и надорвалась бы,— она впервые за все время напомнила ему сейчас об их первом разговоре в райкоме.— Но вы-то, если возьметесь, я думаю, не надорветесь?

Каландаров посмотрел на Саиду и самодовольно повел широкими плечами. Он был человек со сметкой, но даже и умные люди слабеют от похвал гораздо чаще, чем мы думаем.

- Ладно, хорошо,— сказал он,— А как мы будем поступать?

— Да как вы посоветуете,— откликнулась Саида,— Если посоветуете создать комиссию, чтобы подробнее расследовать все это дело с Зульфакаровым, то создадим комиссию. И хорошо бы под вашим председательством,— И, повернувшись к Умиде, она спросила, что та думает на этот счет.

Умида ответила, что она согласна с Саидой и что председателем комиссии конечно же лучше назначить такого авторитетного человека, как Арсланбек-ака.

— Да вы ведь с самого начала знаете все, что относится к этому делу,— сказала Саида,— так что вам будет легче, чем всякому другому. Другой бы месяц над этим просидел, а вам, наверное, и десяти дней будет достаточно?

Эту цифру она назвала с некоторой тревогой: ей самой нужно было как раз это время, чтобы как следует подготовить предстоящее собрание. Но вдруг Каландаров возьмет да и скажет: а мне десяти дней не надо, мне и трех хватит?

Но Каландаров не сказал этого. Наоборот, он согласился. Правда, первоначальный его план сильно отличался от окончательного, но поскольку у него из разговора создалось ощущение, что и тот и другой были предложены им самим, то спорить ему было не с кем.

16

Саида до вечера просидела у себя дома, думая о предстоящем собрании и о том, как бы получше его провести, записывая наиболее важные соображения в свою старую тетрадку, теперь уже исписанную, по крайней мере, на три четверти. Может быть, со стороны это и смешно — записывать в тетрадку план собрания, но уж такая она была аккуратистка, эта наша Саида! Говорить выходит без единой бумажки, но перед этим целую неделю сидит себе и пишет, пишет своим быстрым бисерным почерком.

Уже перед закатом, как и обещал, пришел Казимбек. По правде говоря, пока Саида писала, она, наверно, раз десять подумала о том, что он должен прийти, и даже раза три посмотрела на часы, но, когда он вошел, она сделала вид, словно у нее совсем из головы вылетело его обещание. Он же, наоборот, очень долго и очень серьезно извинялся за опоздание. Оказывается, Каландаров велел ему самому отвезти в районную больницу прихворнувшего старика сторожа. По мнению Казимбека, случай был не из тяжелых, больного вполне могла отвезти сестра, но у Каландарова на этот счет были свои суждения: он сообразовался не с тяжестью болезни, а с возрастом больного.

— Старый человек,— сказал он,— а ты молодой. Отвези, окажи ему почтение.

— Ну что? Где же ваше лекарство? — спросила Саида, выслушав его объяснения.— Или у вас было столько дел, что оно не готово?

— Нет, оно готово,— сказал Казимбек.— Я вас буду ждать у ворот,

только оденьтесь потеплее, вечер прохладный.

Он вышел, а Саида, надевая жакетку, подумала, что, наверное, он поведет ее в амбулаторию: может быть, там сестра сделает ей укол или прогревание синим светом. Каландаров как раз недавно хвастался, что в амбулаторию прислали из Ташкента разные, как он выразился, лечебные лампы.

Однако выяснилось, что лампы тут ни при чем. У ворот сада топтались два коня. На саврасом — любимце председателя — сидел Казимбек, а второй — вороной конь — предназначался для Саиды. Оказывается, Казимбек решил вышибать клин клином, то есть заставить Саиду два или три дня подряд ездить понемножку на лошади, чтобы окончательно приучить ее к верховой езде.

— Вам же все равно придется ездить, значит, надо учиться,— сказал он и добавил, что если ездить понемножку, в меру, то спина разомнется и ей полегчает.

Саида с содроганием посмотрела на проклятого вороного, но, не обнаруживая своих чувств, храбро взобралась на него. Они рядом выехали за окраину кишлака, лошади ровным шагом шли по хорошей, гладкой дороге, и Саиде начало казаться, что действительно последние остатки боли покидают ее.

Саида почувствовала себя настолько уверенной, что решила поговорить с Казимбеком о предстоящем собрании. Ей казалось, что сын, как хорошо знающий характер своего отца, не только правильно поймет ее, но и поможет ей. Однако попытки обстоятельно поговорить на эту тему не увенчались успехом. Едва она уселась на коня, как Казимбек заговорил сам, и говорил не переводя дыхания целый час, все время, пока они ездили. То ли он от смущения не решался заговорить о чем-нибудь другом, то ли ему не терпелось посвятить Саиду во все подробности своей профессии, но, заведя речь о медицине, о своих профессорах, которые все были как на подбор выдающимися людьми, и о болезнях, которых он знал великое множество, он до самого конца уже не мог соскочить с этой пластинки. Начав с головы, а именно с опухоли головного мозга, он постепенно и неотвратно добрался до кишечника и, слава богу, остановившись на этом, перескочил на общую анатомию.

— На худых мертвецах, знаете ли, гораздо легче делать вскрытие,— увлеченно говорил Казимбек, совершенно не принимая во внимание, что Саида не только не знает всего этого, но и знать не хочет.

— Говоря профессионально, с ними иметь дело — одно удовольствие: обработаешь их в формалине, потом отслоишь кожу — и весь внутренний механизм у тебя как на ладони!

«Тьфу ты, господи,— думала Саида, слушая его ученые разглагольствования,— нашел о чем рассказывать!»

— Да, так вот,— сказал Казимбек, когда они вернулись обратно, так и не успев покончить с анатомией.— Значит, я за вами завтра опять заеду.

Он соскочил с коня и, взяв обеих лошадей под уздцы, расстался со слегка раздосадованной Саидой.

Наутро Саида почувствовала себя отлично. Оказывается, Казимбек был совершенно нрав, и это даже чуть-чуть примирило ее задним числом со вчерашней медицинской беседой. У нее немного ныли мускулы, но это была уже не та прежняя расслабляющая боль, от которой тянуло в постель; наоборот, ей хотелось размяться, ходить, двигаться...

Саида весь день провела на ногах — в правлении, в клубе и на фермах. Днем она переговорила по меньшей мере с десятком людей о будущем собрании, а ближе к вечеру пошла на собрание комсомольцев. Оказывается, дела двигались, а люди думали не только в отсутствие Каландарова, но и в ее отсутствие. Пока она два дня болела, комсомольцы надумали своими силами построить летний кинотеатр. Вчера это была еще только мысль, а сегодня на комсомольском собрании она уже стала решением. Саида была очень рада, хотя, кажется, во время собрания держала себя с комсомольцами чуть-чуть солиднее, чем это требовалось. Впрочем, извиним ее за это. Она сама еще не вышла из комсомольского возраста, а очень молодые люди часто возмещают недостаток лет избытком солидности,— не она первая, не она последняя!

Зато она совсем несолидно выскочила вечером навстречу Казимбеку, как и вчера подъехавшему к воротам, ведя в поводу второго коня. Он, улыбнувшись, сказал, что сегодняшней, второй сеанс лечения, кажется, будет последним: колхозный конюх — ворчливый старик — заявил, что «будь ты хоть доктор, хоть профессор, а три дня подряд не дадим тебе гонять по вечерам лошадей».

— Конечно,— улыбаясь, добавил Казимбек,— если бы я был ветеринаром, он оказался бы посговорчивее, но я всего-навсего терапевт...

«Ну и к лучшему, что в последний раз,— подумала Саида, уже сев на коня.— Вчера ездили вдвоем, сегодня опять едем... Чего доброго, еще кто-нибудь что-нибудь подумает...»

Но хотя эта мысль снова тревожно кольнула ее в сердце, когда они проезжали мимо кучки молодых людей, двое из которых при виде их перемигнулись, она наперекор себе именно в эту минуту повернулась лицом к Казимбеку и, громко рассмеявшись, сказала первую пришедшую ей на ум фразу. Она хотела доказать себе самой, что презирает пустые пересуды. Но на сердце у нее по-прежнему оставалось тревожно, и она еще раз, помимо своей воли, подумала: «Все-таки хорошо, что поездка — последняя».

Они тихонько ехали между двумя рядами тополей по утоптанной тысячами ног узкой тропинке, шедшей вдоль оросительного канала.

Отсюда в густеющих сумерках виднелся черный силуэт кишлака, особенно резко выделявшийся на фоне неба, где солнце разожгло свой огромный закатный костер.

Саида опасалась, не примется ли Казимбек за прерванную вчера на полуслове анатомию, и поэтому начала разговор первой.

По-моему, Ишан-ака очень хорошо играет на дутаре и поет совсем неплохо. Как вы думаете, если мы создадим в клубе оркестр национальных инструментов, он не пойдет руководителем?

— Не знаю,— впервые за все время их знакомства сердито откликнулся Казимбек.— Не знаю, каким он будет музыкантом в оркестре, но здесь, в колхозе, он сильно портит всю музыку, это я знаю.

Саида быстро взглянула на него.

— Однако вы довольно неважного мнения о своем будущем тесте.

— И еще более скверного мнения о той болтовне, которую ведут на этот счет моя мать и Кифоятхон,— с большой и даже, пожалуй, со слишком большой горячностью откликнулся Казимбек.— Они хотят раскрыть халат, как им вздумается, но только забыли спросить меня, захочу ли я его надеть! Ишан в своей жизни достаточно поиграл на свадьбах, но на этой ему играть не придется, как бы ему ни хотелось. Манзурахон вовсе не собирается выходить за меня замуж, а я вовсе не собираюсь на ней жениться! Кое-кто не желает знать об этом, но в наши времена знать такие вещи полезно даже людям с характером моего отца. Что верно, то верно,— продолжал Казимбек уже спокойнее,— мы вместе росли, вместе учились, вместе играли на одной улице. Можно даже сказать, что мы и сейчас дружим. Но не больше того. И слава богу!

Если бы стряслась такая беда, что мы полюбили бы друг друга, просто не знаю, что бы мы сейчас оба делали. Манзурахон кончает балетное училище, она уже танцевала и будет танцевать в Ташкенте, в театре Навои, ее место там! А мое место — здесь! Я не из тех, что бьют поклоны профессорам, чтобы приклеиться к аспирантуре. Я врач, я мечтал стать врачом с детства, и я хочу быть врачом вот в этом своем кишлаке.

— Именно в этом? — переспросила Саида.

Казимбек, до этого очень серьезный, вдруг улыбнулся.

— Если мой отец не будет слишком мешать мне своими руководящими указаниями по медицинским вопросам, то именно в этом. Если будет мешать, то в другом. Вот видите, какие разные у нас дороги. Я считаю для себя просто большой удачей, что почему-то так и не влюбился в Манзурахон, тем более что она очень красива.

Несмотря на все сказанное до этого, последнее замечание Казимбека задело Саиду, да и вообще она вовсе не хотела продолжать разговор на эту опасную тему.

— Вы знаете,— сказала она,— Ишан мне чем-то не понравился с первой же встречи.

— Ну и правильно! Ваше чутье не обмануло вас,— воскликнул Казимбек.— Сейчас я вам расскажу одну историю, и вы сразу поймете, кто такой Ишан. Уже под самый конец войны прошел слух, что будет еще один призыв в армию, под который Ишан мог попасть по возрасту. Вы видали, какой он беззубый сейчас ходит?

Саида кивнула.

— У него были зубы лучше, чем у меня, но он, когда прошел этот слух, за неделю вырвал себе двадцать зубов, только бы не попасть в армию.

Саида даже не рассмеялась. Ей стало противно и захотелось спросить Казимбека: зачем же его отец столько лет держит такого человека подле себя?

Но Казимбек сам угадал этот вопрос в ее глазах.

— Удивляетесь, что в нем нашел отец?

— Да! — Саида была рада, что Казимбек понимает ее с полуслова.— Может быть, вашему отцу так уж дорого его пение и игра на дутаре? — неуверенно спросила она.

— Да, отчасти,— сказал Казимбек.— Но не в этом главное. Отец малограмотен, почти безграмотен. И он уже давно привык, что Ишан,

находясь под рукой всегда, и днем и ночью, готов прикрыть это. Затем — это случается с малограмотными людьми чаще, чем с другими — отец, в душе Страдая от своей малограмотности, в то же время любит, чтобы кто-то все время превозносил его знания и ум и смотрел ему в рот. В общем, как у нас говорят, Ишан оказался у моего отца между кожей и мясом. Он из тех паразитов, у которых есть дар внушать, что они нужны, и я бы даже сказал, он имеет некоторое влияние на отца, несмотря на то, что отец — сила, а Ишан — тряпка.

— Как хорошо, что вы сами знаете все, о чем я как раз собиралась с вами говорить. Если мы с вами вместе примемся за вашего отца, то, я думаю, наша возьмет!

Казимбеку очень понравилось то, что сказала Саида, а в особенности такие слова, как «мы» и «вместе». Он был очень не прочь задержаться на этом важном пункте, но Саида уже перевела разговор на общие колхозные дела и стала рассказывать о том, как она готовит очередное партийное собрание и чего ожидает от него. По ее словам, главная задача заключалась в том, чтобы люди, привыкшие закрывать глаза на разные пороки и изъяны в жизни колхоза, поняли, что эти пороки и изъяны вовсе не неизбежны, что у них есть свои причины и что, наверное, можно не без успеха повоевать с ними. Собрание, по мнению Саиды, как раз и должно было оказаться началом такой войны.

Итак, война? — улыбнулся Казимбек.— Ну что ж, новым вместе! — Он подчеркнул это последнее слово как только мог значительно.— А как будем воевать? С объявлением войны или без объявления?

При этом он, чуть припустив коня, оказался на полкорпуса впереди Саиды и, повернувшись, прямо взглянул в ее освещенное луной лицо.

— Уж не знаю, как там,— сказала Саида, отводя глаза,— лишь бы в конце концов победить!

И поспешно добавила, что им пора возвращаться.

Обратно ехали молча, глядя на расплавленное серебро воды, налитой высоко, почти до самых краев канала, на хлопковые поля, темневшие сквозь серую кисею вечернего тумана, на желтые полосы тракторных фар, то вонзавшиеся в небо на подъемах, то втыкавшиеся в землю при спусках... Вечер был так хорош, что Саида снова, вопреки своей воле, тревожно подумала о том, что могут сказать люди про двух путников, молча едущих рядом в этой опасной тишине, под этой опасной луной.

Партбюро вело активную подготовку к собранию, и хотя никто еще прямо не критиковал самого Каландарова, однако он все чаще чувствовал себя не в своей тарелке. Он сам склонен был отнести это за счет интриг Саиды, однако дело обстояло совсем не так. Просто-напросто люди, готовясь к собранию, встречаясь в клубе, стали чаще и смелее говорить между собой о разных делах и недостатках. А раз так, то в конце концов они косвенно критиковали и Каландарова. Когда человек долго старается внушить всем окружающим, что колхоз — это он, разумеется, сам имея в виду достижения, то ведь вправе же люди вспомнить об этом же человеке, имея в виду и недостатки. Каждый предмет на свете имеет по меньшей мере хотя бы две стороны, а что же сказать о человеке?

Готовясь к собранию, Умида, как член партийного бюро, решила поговорить с женщинами, по тем или другим причинам не работавшими в колхозе. На этом маленьком собрании, по крайней мере, половина женщин выразила желание переменить свое положение, если для них найдется работа по силам и способностям.

Кифоятхон, никогда в жизни не посещавшая никаких собраний, тут, на свою беду, вдруг пришла и сама была не рада. Одна из женщин так прямо и выпалила ей в лицо:

— Лучше уж помереть, чем жить так, как ты живешь! Обьедаешь наших детишек да крутишься вокруг подола председателевой жены.

Кифоятхон, обычно не лазившая за словом в карман, растерялась и не нашлась что ответить.

Потом жена Зульфакарова попросилась на любую работу, если только двоих младших из ее шестерых детей возьмут наконец в детский сад; она гордо сказала, что выгнала мужа из дома, а потом, всхлипнув, добавила: ничего этого не случилось бы, если бы не было проклятой горы, на которую опирался ее муж.

Под «проклятой горой» подразумевался Каландаров, хотя бедная женщина так и не произнесла вслух его имени.

Уже не на собрании, а после возник слух, что один из сидевших в бухгалтерии «молодцов в шелковых рубашках» приписывает кое-кому лишние трудодни, а потом, как говорится, «распиливает их пополам». К этому следовало добавление: кое-кого предупреждали, что этот «молодец в шелковой рубашке» нечист на руку, но этот «кое-кто» не

привык слушать других, он слушает только самого себя.

И это тоже был камешек в огород Каландарова.

Наконец произошло еще одно прискорбное событие, вызвавшее невольные улыбки даже у людей, вполне расположенных к председателю. Оказывается, на этих днях он, сидя в чайхане и желая лишний раз показать себя мудрым, а своего собеседника посадить в галюшу, спросил у приезжего агитатора:

— Да знаешь ли ты, братец, что добывают из хлопка? Думаю, что вряд ли ты это знаешь!

Но агитатор оказался малый не промах и, не щадя авторитета председателя, тут же отбрил его, сказав: я-то, мол, знаю, что добывают из хлопка, а вот знаете ли вы, что добывают из руды, нефти и угля,— это, пожалуй, действительно вопрос!

Словом, Каландаров, как говорится, был недоволен созданным положением, тем более что, за исключением случая с агитатором, где он сам оказался пострадавшим, обо всем он обычно узнавал из вторых уст, а эти вторые уста были, как правило, устами Ишана. Последствия понятны: Каландаров сдерживался, но кипел, и пришел день, когда он вдруг перекипел через край, как забытое на огне молоко.

В тот вечер Саида проводила у себя в кабинете политкружок, и едва он закончился, как к ней пришли две совсем молоденькие девушки, занимавшиеся в другом кружке — музыкальном — и по дороге из клуба домой забежавшие на огонек лампы, горевший в кабинете секретаря. Горячась и перебивая друг друга, они заявили Саиде протест от имени всех девушек колхоза против того, что «эту никуда не годную Мехри», вместо того чтобы гнать из колхоза, посылают учиться.

И тут как раз к Саиде зашел Каландаров.

Правда, увидев председателя, девушки из приличия привстали с мест, но чтобы замолчать при старшем — на это воспитания у них, конечно, не хватило. И они продолжали тараторить, словно Каландарова и не было в комнате.

— Что ж, теперь, значит, премии у нас будут давать не за успехи, а за проступки? — горячилась одна.

— Неужели же у нас на Мехри свет клином сошелся? Что, у нас в колхозе хороших женщин нет? — обиженно поддакивала другая.

Саида только было начала объяснять им, что Мехри посылают в числе многих других, что послать ее необходимо — ведь надо же попробовать ее снасти,— как вдруг Каландаров покраснел, дернул себя

за ус так, словно хотел оторвать его, и закричал на девушек:

— Эй, вы, кто это вас воспитывал? Где ваша совесть? Кто вас приличиям учил?

— А что мы такого неприличного сделали? — спросила одна из девушек, оробевшая немножко меньше другой.

Мало того, что они не умели молчать при старших, они еще смели возражать!..

Каландаров окончательно рассвирепел:

— Ах, вы не знаете, что вы неприличного сделали? Разве так надо разговаривать с секретарем, как вы разговариваете? Да и я вошел, а вы даже не замолчали!

Та девушка, что была посмелее, еще раз попробовала возразить, но Каландаров так раскричался, что им в конце концов осталось только уйти. Они так и сделали — ушли, покрасневшие, в слезах и даже от злости хлопнув дверь.

Услышав это вместо ожидаемых извинений, Каландаров уже никак не мог унять и продолжал кричать, оставшись наедине с Саидой. По видимости, он как будто защищал ее от дерзких девчонок, посмевших спорить с ней, секретарем парторганизации. На самом же деле он просто обрушивал на Саиду все, что накопилось у него в душе, подчеркивая, что именно она во всем и виновата.

— Сами виноваты! Сами! Сами! — выговаривал он, тыча своим толстым пальцем едва ли не в нос Саиде.— Кому вздумается и когда вздумается, тот с вами и разговаривает о чем ему вздумается. А вы только слушаете да киваете... С тех пор, как вы тут, и взрослые потеряли последние приличия, и молодежь распустилась! Скажите пожалуйста, всегда вы всех готовы слушать! Всегда со всеми и все готовы обсуждать! А к чему это привело? Какие-то девчонки врываются к вам и грубят, и оспаривают наши с вами решения... А напомнить им, что каждый сверчок знай свой шесток, на это у вас духу не хватает! Бойтесь свою популярность потерять!

Саида, как это уже не однажды было, слушала его, ни разу не перебив, до тех пор пока он не выговорился. Стоило бы ей хоть раз возразить, и Каландаров снова бы заплясал, словно мяч, отпрыгнувший от стенки. Но она не отвечала ему, и он в конце концов завял. Только после этого она наконец очень спокойно сказала в оправдание девушек, что люди бывают разные и по возрасту и по характеру: одни умеют говорить хладнокровно, а другие начинают кипятиться, еще не

выговорив первого слова; у одних слова, как засахаренный орех, у других — как колючая изгородь. Да и главное не слово, а то, что стоит за словами. И не так уже важно как говорят, куда важнее что говорят!

— Вот-вот! — даже, кажется, обрадовавшись тому, что она наконец возражает, заорал Каландаров.— Вот именно, так вы и портите народ! Вам на голову садятся, а вы молчите. Вы что ж, и в самом деле считаете, что эти две болтуны к вам за делом пришли?! И что это за дело, интересно узнать?

Саида улыбнулась.

— Мне показалось, что они пришли покритиковать нас с вами.

— А что, разве мы с вами неправильно сделали, что послали Мехри на учебу? — взъелся Каландаров.

Не так давно он сам возражал против такого решения, но у него была привычка — приняв в конце концов какое-нибудь решение, считать, что оно было его собственное с самого начала.

— Нет, я думаю, мы с вами не ошиблись,— сказала Саида,— На этот раз ошибаются девушки, и им, я полагаю, было бы нетрудно объяснить это. Я с ними не согласна, но мне нравится, что они, такие молоденькие, уже вмешиваются в наши дела и не стесняясь говорят о том, что считают неправильным.

— Ну еще бы! Вот именно «не стеснясь»! — сердито сказал Каландаров.— Попробовали бы они мне вот так, не стесняясь, болтать обо всем, что им вздумается, я бы им коленом в живот уперся и язык бы с корнем вырвал!

Саида не выдержала и улыбнулась.

— После ваших слов,— сказала она,— я с большой тревогой думаю о том, что через три дня к нам приедет взаимопроверочная бригада из колхоза «Социализм». Еще, чего доброго, скажут наши соседи что-нибудь такое, что не придется вам по душе, а вы им сразу коленом в живот, а рукой за язык?

- Язва вы, вот вы кто! — буркнул Каландаров.— Если вас змея укусит, и та, наверное, бедная, сама от вашего яда околеет!

Саида изо всех сил ущипнула себя за локоть, чтобы только не дай бог не расхохотаться. Каландаров бы, наверное, ушел — он сказал все,— но известие о взаимопроверочной бригаде обеспокоило его, и он остался.

— Значит, бригада к нам едет? — сказал он после молчания.—

Ну и пусть едут! Без вас еще никогда не проигрывал я соревнования

Назарову, авось и при вас не проиграю.

Саида знала, что Каландаров говорит правду: действительно за много лет соревнования с колхозом «Социализм» «Бустон» ни разу не сплеховал. Однако Саида знала и другую сторону дела: при взаимных проверках в расчет брались почти исключительно хозяйственные итоги. В остальное Каландаров не совал носа сам и старался, чтобы к нему не совали носа соседи.

— Да, вы правы,— сказала она вслух,— за хозяйственную сторону дела я тоже спокойна, тем более что мы в этом году на некоторых участках такой хлопчатник пересели и подняли, на который соседи только рукой махнули... Но вот в культурно-бытовых вопросах мы здорово хромаем. Вы ведь и сами мне об этом говорили.

Каландаров сам ничего не говорил об этом, наоборот, об этом говорила ему как раз Саида, но такая форма упоминания об их предыдущих разговорах, как мы уже знаем, была ему по душе.

— Например?.. — неопределенно спросил он.

— Например, из двадцати домов для колхозников мы за полгода построили только пять,— сказала Саида.— Или, например, партбюро в «Социализме» обсудило недавно такой вопрос: «В каких условиях рождается у нас новый человек и в чьих руках воспитывается?!» А короче говоря, они обсудили, как у них работают родильный дом, ясли и детский сад... И даже на правление колхоза вынесли потом этот вопрос. Разве это плохая мысль?

— Ну, во всяком случае, не Назарову же она пришла в голову, эта мысль,— ревниво сказал Каландаров и подозрительно добавил: — А вы откуда это знаете?

— Ездил третьего дня в «Социализм», говорила там с секретарем партбюро.

— Чего это вы вдруг поехали?

— А я ведь учусь верховой езде,— не удержавшись, съязвила Саида.— Вы же мне посоветовали. Вот я взяла у конюха того вороного и поехала... Между прочим, он меня теперь слушается.

Каландаров замолчал решительно и надолго, так, словно получил хорошую затрещину, после которой нужно время, чтобы прийти в себя. Он был полон тревог, сомнений и подозрений. Во всем, что ему говорила Саида, не содержалось ничего такого, к чему можно было бы придраться, однако сама мысль о том, что Саида взяла да и поехала в другой колхоз, взяла да и поговорила там с секретарем партбюро, взяла

да и первая начала обсуждать вопрос о приезде бригады из «Социализма»,— все это беспокоило Каландарова своей непривычностью. А тут еще заявляет, что вороной ее слушается! Не содержится ли в этом некоего ядовитого намека? Вполне возможно, что именно так и есть, она ведь на все способна!

Каландаров ушел притихший и задумчивый. А Саида, когда он ушел, вздохнула так, что в лампе колыхнулось пламя.

«Все-таки трудный человек этот Каландаров, очень трудный! — подумала она.— С какой стороны ни кусни — крепкий орешек».

Проверочная бригада из колхоза «Социализм» прибыла ровно через неделю.

По идее день проверки не устанавливался заранее и даже сохранялся в тайне, но Каландаров был не сторонник таких условностей, он принял свои меры, получил точные сведения и не меньше чем за трое суток до этого уже завертел колесо на полный ход. У моряков есть команда «свистать всех наверх». Примерно в таком же духе, готовясь к приезду гостей, действовал и Каландаров. Он и сам носился с утра до вечера по угрожаемым, в смысле проверки, участкам и всем другим, разумеется, не давал сидеть сложа руки.

Рассказ Саиды о том, как в «Социализме» интересовались, «где рождается и в чьих руках воспитывается новый человек», особенно крепко засел в памяти у председателя. И уж тут он, как говорится, не пожалел родного сына: от Казимбека просто пар шел — в такую горячку вогнал его папаша, заставив за три дня привести в порядок, признаться, довольно-таки запущенный родильный дом.

Отставленная от детского сада Кифоятхон была назначена в баню — кассиром и ученицей парикмахера. Еще недавно в бане вообще не было парикмахера, зато теперь сразу появились и парикмахер и ученица, ибо Каландаров, как мы знаем, был человек с размахом. Хурниса, которая вначале хотя и поплакала, но не до конца поверила, что муж в самом деле снарядит ее на работу, теперь испытала на собственной персоне твердость его характера. Явившись в детский сад вразвалочку, она вдруг попала в общий темп приготовления и под неусыпным оком мужа забегала с такой скоростью, какой и сама в себе не подозревала. С трудом протискиваясь в двери, жалуясь на врачей, которые довели ее до такой полноты, и по сто раз на дню проклиная «эту бездельницу Кифоятхон», Хурниса следила за побелкой засиженных мухами стен, за починкой поломанной мебели и за

десятком других дел, которые сам бог велел сделать давным-давно, но за которые — увы! — взялись лишь теперь, перед приездом гостей. Немало горя она хлебнула и с детишками. От природы они, наверное, были не озорней других ребят, но, как видно, прежняя усложненная система руководства детским садом отразилась на их дисциплине отнюдь не в лучшую сторону.

Механик электростанции тоже был поднят на ноги. Если учесть, что в его распоряжении до сих пор был всего-навсего небольшой движок, зажигающий полсотни лампочек да по временам крутивший мельничный жернов, то, пожалуй, такая номенклатурная должность выглядела несколько пышно. Однако сейчас Каландаров намерен был поставить перед ним грандиозные задачи, отнюдь не считаясь со скромными масштабами имевшейся в его распоряжении техники. Механику было строго-настрого приказано обеспечить на время пребывания соседей бесперебойную работу «станции» и не допускать никаких миганий и морганий.

— И чтобы лампочки не висели у тебя бледные, как недозревшие помидоры! — так закончил свою краткую беседу с механиком Каландаров.

Проблема срочной радиофикации тоже оказалась в после зрения председателя; по правде говоря, на нее уже давно были отпущены деньги и даже привезено и где-то свалено оборудование. Но сейчас приходилось искать пожарный выход из положения, и Каландаров нашел его: накануне приезда соседей он, показав при этом личный пример, реквизирует все имевшиеся у работников канцелярии и бухгалтерии батарейные приемники и приказал установить их в коридорах и на балконе правления, в чайхане, перед гаражом и в нескольких других, наиболее бросающихся в глаза, а в данном случае в уши, местах. В результате этого проведенного железной рукой мероприятия утром, в день приезда бригады, приемники, перебивая друг друга, заговорили на все голоса и говорили напропалую до ночи, охрипнув сами и успев оглушить и своих и приезжих — всех, кто попадал в предел их досягаемости.

Бригада из «Социализма» пробыла в «Бустоне» три дня, и на третий день к вечеру было созвано общее собрание колхозников, посвященное итогам проверки.

Началось собрание, по мнению Каландарова, совсем не плохо. Соседи не обнаружили сколько-нибудь серьезных недостатков в уходе за

посевами хлопчатника и других культур, больше того, они за многое хвалили бустонцев, а кое-чему даже собирались у них поучиться.

Слушая эти приятные речи, Каландаров крутил свои усы с таким удовольствием и энергией, что казалось, вот-вот совсем вырвет их.

Потом зашел разговор о животноводческих фермах; он был уже менее приятного свойства: и дорога, мол, подвесная все еще не сделана, и электродойки лежат на складе неустановленные, и коровы стоят в стойлах не такие чистые, как следовало бы... Вот уже действительно у людей совести нет, чуть ли не под хвосты коровам заглядывали. А еще соседи!

Слушая эту менее приятную часть разговора, Каландаров уже не крутил усы, а только морщился, делал вид, что записывает что-то в блокнот; на самом же деле он выводил на бумаге все одну и ту же сердитую закорючку, похожую не то на вопросительный знак, не то на хвост ишака.

Третья часть разговора оказалась еще менее приятной; речь зашла о культурном строительстве, и тут Каландарову, несмотря на аврал последних дней, пришлось-таки попотеть: один ус его, намокнув, так и повис горестно.

Конечно, некоторые из пожарных мер немножко выправили положение, но и тут не обошлось без конфуза. Один дотошный старичок из проверочной бригады, как видно, любивший счет деньгам не только в своем, но и в соседском кармане, походил, походил вокруг выставленных напоказ батарейных приемников, а потом и спросил на собрании: не слишком ли, мол, дорого обходится колхозу такая батарейная радиофикация?

Спрашивается, чего стоило взять да пропустить мимо ушей ехидный вопрос этой старой занозы? Так нет, сразу же из задних рядов донесся чей-то голос:

— А вы не расстраивайтесь, дедушка, мы не разоримся! Это ведь у нас временно: еще и пыль за вашей машиной не уляжется, а уж хозяева приемников потащат их обратно к себе по домам!

Зал буквально застонал от смеха, а Каландаров, не угадав «предателя» по голосу, не посмел искать его глазами; слушая, как гогочет зал, он сидел, воткнув глаза в стол и сердито чертя карандашом по бумаге. Еще хорошо, что никто не видел лежавшей перед ним бумаги: его рука почему-то произвольно выводила на листе кривобокие электрические лампочки.

Все имеет свой конец, наступил конец и этому собранию. По уже давно установившейся традиции, последнее слово принадлежало председателю проверяемого колхоза. Каландаров поднялся побагровевший, растерянный, а главное, сам еще не знающий, что он сейчас выпалит. Прежде чем заговорить, он наконец заставил себя поднять глаза и посмотреть в зал. И первым, кого он увидел, была Саида. Она с тревогой смотрела в багровое лицо Каландарова и делала ему какие-то странные знаки: одной, слегка приподнятой рукой она словно бы дергала за что-то невидимое, а другой, держа ее пониже, словно бы упиралась во что-то, тоже невидимое, и при этом легонько покачивала головой, как бы стараясь удержать его, Каландарова, от чего-то, чего он не должен делать.

Ей дважды пришлось повторить эти жесты, прежде чем Каландаров понял: она просила его, несмотря на гнев, ради бога не упираться коленом в живот гостей и не пытаться в ответ на критику вырвать у них язык.

А он ведь как раз и собирался это сделать! Для начала, из приличия, погладить гостей по головке, а потом заехать им покрепче под ребра: мол, ладно, скоро и мы пошлем к вам бригаду, посмотрим, что там у ваших коров под хвостом!

Но выразительные знаки Саиды, и даже не столько сами знаки, сколько уж очень встревоженное выражение ее лица, заставили его отказаться от первоначального намерения. С полминуты простояв молча, в борьбе с самим собой, он, вместо того чтобы, начав во здравие, кончить за упокой, начал с благодарности за приезд, а кончил благодарностью за критику. Правда, при таком необычном для Каландарова окончании речи лицо его легонько перекошилось от натуги, но этого, кажется, никто не заметил.

Саида первая захлопала в ладоши, как только он кончил, и зал, довольный поведением своего председателя дружно поддержал ее.

Каландаров возвращался домой хотя и несколько смягченный дружными аплодисментами, но все же не оставляющий мстительной мысли о том, как он, в свою очередь, с пристрастием проверит занозистых соседей и потом на собрании, при всех, насыплет соли на хвост своему старому другу Назарову.

Что касается Саиды, то она возвращалась домой, наоборот, в благодушном настроении, с молодым легкомыслием преувеличивая достигнутые успехи; она радостно думала, что Каландаров, кажется,

начал поддаваться критике, а ведь еще совсем недавно, стоило его покритиковать, и он уже спешил, упершись коленом в живот, половчей ухватить за язык критикующего!

18

Через два дня после отъезда гостей наконец состоялось отложенное в связи с взаимопроверкой заседание партийного бюро.

Как мы помним, Каландаров в свое время согласился стать председателем комиссии по делу Зульфакарова; теперь он выступил с докладом, в котором предлагал исключить Зульфакарова из партии. До сих пор единственным камнем преткновения для такого решения вопроса был сам докладчик, так что теперь спорить было некому и не с кем.

Исключив Зульфакарова, бюро в своем решении вообще призвало к борьбе с пережитками прошлого в отношении к женщине и с любыми проявлениями очковтирательства.

Через два дня закрытое партийное собрание единогласно утвердило решение бюро. Но разговор не ограничился этим: при разборе истории Зульфакарова слишком многое всплыло на поверхность, чтобы, решив вопрос о нем, взять да и поставить точку. Собрание затянулось за полночь. Между прочим, на этом собрании впервые досталось на орехи и нашей Саиде. Один из коммунистов вдруг напомнил о той лекции, что когда-то была организована для женщин.

— Тогда, после лекции, женщины задали вам вопрос, почему у нас в колхозе к мужчинам относятся но-одному, а к женщинам — по-другому, помните?

— Помню.

— А что вы на это ответили? Что вопрос важный, но на него надо отвечать не на лекции, а на собрании! А где же это собрание? Или вот вы, товарищ Алиева, не раз вслух говорили, что нужно кое-кого из мужчин, прохлаждающихся на легких работах, заменить женщинами. Вы говорили, люди слушали — а воз и ныне там! Почему не довели дело до конца? Мешали вам? Тогда скажите, кто мешал? А то ведь люди ждут; раз секретарь сегодня сказал, значит, завтра должен сделать. Разве не так?

— Так,— сказала Саида, опустив голову. Она могла бы кое-что возразить на упреки, но, к счастью, удержалась, поняв, что, раз здесь, на

собрании, ее критикуют и требуют, чтобы она действовала решительней, значит, она не одна, значит, у нее поддержка, значит, за ее спиной гораздо больше силы, чем раньше, когда ее еще не критиковали, а лишь приглядывались к ней.

Словом, хотя самолюбие Саиды и было уколото, она удержалась от спора по мелочам и даже постаралась всем своим поведением подчеркнуть, что принимает критику. Ей даже подумалось, что таким своим поведением она подаст хороший пример Каландарову, однако тут она оказалась слишком большой оптимисткой.

Пока критиковали Саиду, Каландаров и в ус не дул. Потом, когда другие выступавшие стали критиковать и Саиду и партбюро, при этом полегоньку заезжая и в дела правления, Каландаров начал хмуриться и подкручивать усы с таким видом, словно он, взрослый человек, возится по своей охоте с малым ребенком и, получая от него детские шлепки по щекам, не испытывает ничего, кроме удовольствия.

Однако из этого, еще сравнительно благодушного состояния его вывел директор школы.

— Десять лет назад,— сказал директор,— в нашу школу в первый класс поступили восемьдесят три девочки, а в этом году десятый класс окончили только шесть из них! Думаете, это вышло так просто, само по себе? А может быть, среди других причин, по которым девочки не доучиваются в школе, есть и такая, как остатки феодального отношения к женщине? А горькие жалобы учителей вы хоть раз дослушали терпеливо до конца, скажите по совести, Арсланбек-ака?

Пробормотав в ответ что-то не очень вразумительное, Каландаров не принял боя — заполз, как улитка, в раковину.

Он, нетерпеливо дожидаясь, пока кончится собрание, утешал себя мыслью, что на завтрашнем заседании правления, где он сам будет председательствовать, все пойдет по-другому.

Однако его самолюбивые надежды не оправдались. Заседание правления проходило почти так же, как вчерашнее партийное собрание. Люди без обиняков говорили о разных ошибках и промахах, главным образом в культурной жизни колхоза, как-то само собой приходивших им на память при обсуждении истории Зульфакарова. При этом почти никто не критиковал Каландарова персонально, но сама атмосфера заседания, где говорили почти все, и говорили почти без оглядки, была своего рода коллективной критикой тех порядков,

которых придерживался до сих пор Каландаров, самовластно управляя всеми собраниями и заседаниями и не давая рта раскрыть тем, кто, по его мнению, мог выступить против него.

Сейчас Каландаров тоже председательствовал, но ему все время казалось, что кто-то невидимый и сильный стоит за его спиной и то дергает его за полу, когда он хочет вскочить и оборвать оратора, то вдруг хватает его за локоть, когда он намеревается для наведения порядка хватить кулаком по столу.

Собрание не то чтобы шло вопреки воле Каландарова — он, как и вчера, был в основном согласен с большинством предложений,— но обилие чужой инициативы все больше и больше выбивало у него почву из-под ног. Он любил сам резать грудью волну, окликая других, чтобы плыли за ним, а тут получалось какое-то плавание наперегонки. Вспомним вдобавок, что Каландаров настолько же не любил присоединяться к мнению других людей, насколько любил, чтобы другие люди присоединялись к его мнению,— и нам станет понятно, что настроение у председателя было изрядно испорчено.

Он долго крепился, но под самый конец заседания все-таки, как говорится, спустил собаку с цепи. Когда все члены правления, единодушно решив снять Зульфакарова с бригадирства, так же единодушно предложили оставить его в бригаде рядовым кетменщиком, Каландаров, несмотря на явное благоразумие такого решения, взъелся и потребовал сегодня же выгнать Зульфакарова из колхоза.

— И прошу поправок к моему предложению не давать,— заявил он на самой высокой ноте.— Кто за меня, прошу поднять руки, а кто против меня, пусть голосует против меня

— Что вы говорите, Арсланбек-ака? — своим тоненьким ласковым голосом сказала кругленькая Умида, очень не любившая вступать в прения с Каландаровым, но тут все-таки не выдержавшая.— Кто же будет голосовать против вас? Мы ведь говорим о Зульфакарове...

Но Каландарову не терпелось поставить вопрос ребром; он действовал, как готовое подать в отставку правительство:

— Вы мне там тень на плетень не наводите! Или голосуйте за меня, или против меня.

Наступило общее молчание. Все сидели с озабоченными лицами, потому что положение, надо прямо сказать, создалось преглупое.

Идти на попятный и соглашаться так вот запросто выбросить человека за борт члены правления не хотели. Оставлять своего

председателя при особом мнении, всем скопом проголосовав против его предложения, тоже не улыбалось им. Кроме того, раз уж Каландаров полез на рожон, то он будет и дальше действовать в том же духе: заставит записать свое особое мнение в протокол и вынесет его на общее собрание.

А что дальше?

Дальше опять-таки ничего хорошего!

Во-первых, правление выйдет на собрание без общего мнения; во-вторых, недоброхоты и завистники воспользуются этим, чтобы там, на собрании, побольней кольнуть председателя; в-третьих, наоборот, найдутся подлипалы, вроде Ишана, всегда готовые похлопать любому предложению Каландарова, и, наконец, в-четвертых, после неизбежного шума неразумное и жестокое предложение Каландарова неизбежно провалится, и это уже будет действительно ударом по его авторитету.

После долгого молчания снова зазвучал тоненький ласковый голос Умиды:

— Ах, Арсланбек-ака,— сказала она,— вы не только вдруг зачем-то хотите встать один против всех, вы ведь и против самого себя хотите встать! Разве не вы сами нашли способ повлиять на того парня...— она запнулась, не желая называть фамилию,— в общем, я имею в виду тот случай с помидорами... Когда мне Саидахон об этом рассказала, у меня даже слезы на глаза навернулись! Почему же вы тогда поверили и так правильно поступили, а тут, никого не слушая, хотите бить человека, как собаку, палкой?

Долго, очень долго молчал Каландаров, с одной стороны, сердясь на Саиду, за то, что она не сумела удержать язык за зубами, а с другой стороны, радуясь, что она, оказывается, с одобрением рассказывает людям о его поступках.

— Сами же вы все,— наконец сказал он,— только и твердите, только и шумите про то, что у нас и это нехорошо и то плохо! А когда я предлагаю взять за шиворот и вытряхнуть из колхоза всего-навсего одного негодяя, чтобы другим неповадно было, так вы сразу на понятный! Хорошо, не будем голосовать. Но я прошу записать мое особое мнение в протокол.

Он сказал это уже без прежнего запала, чувствовалось, что если бы он с самого начала не задибался, то теперь согласился бы с остальными.

Бывают случаи, когда без дипломатии не обойдешься и на засе-

дании колхозного правления! Один из членов правления, к счастью, оказался дипломатом, он предложил, сняв Зульфакарова с бригадирства, вопрос о дальнейшей его судьбе отложить до следующего заседания правления.

Этому предложению обрадовались все, в том числе и Каландаров. Заседание было закрыто, и члены правления стали расходиться.

Саида тоже хотела уйти, но Каландаров остановил ее кивком головы и, когда они остались вдвоем, вдруг спросил с глубокой обидой в голосе:

— Что же получается, а, Саидахон? Разве не вы говорили мне, что, войду я или не войду в бюро, вы все равно будете решать любой вопрос, заранее посоветовавшись со мной? А что выходит на деле?

Саида была искренне удивлена и даже огорчена его обиженным тоном.

— Подождите, Арсланбек-ака,— сказала она,— какие же вопросы я ставила на бюро, не советуясь с вами? И что до сих пор было решено на бюро вопреки вашему мнению?

— Это, положим, так,— неуверенно сказал Каландаров,— но вот с этим, с Зульфакаровым?

Теперь Саида поняла, в чем дело, но сочла за благо прикинуться непонимающей:

— Но разве вы были против исключения Зульфакарова из партии? Вы же сами голосовали за это на собрании!

— Да что вы в самом деле! — теряя терпение, воскликнул Каландаров.— Я не про партию говорю, я про исключение из колхоза говорю!

— А этот вопрос мы на партийном бюро не решали,— на этот раз прямо поглядев в глаза Каландарову, сказала Саида,— это вопрос правления и общего собрания. И если вы, как председатель, не поинтересовались заранее мнением других людей, тут уж, по-моему, не я виновата! На себя сердитесь, не на меня!

Каландаров хотел ответить ей что-то резкое, но вдруг и очень кстати вспомнил историю с помидорами, смягчился и промолчал...

Под вечер к Саиде зашел Казимбек. Он уже давно не заглядывал по вечерам,— наверное, был слишком занят благоустройством родильного дома и амбулаторией. Саида с тревогой подумала, не стряслось ли что с Каландаровым, и сразу же спросила Казимбека об отце. Но, оказывается, тревога ее была напрасной: Каландаров вернулся с засе-

дания тихий, за ужином, как показалось сыну, ни к селу ни к городу пробурчал: «Над старым волком и собаки смеются!» — и, выпив пиалу крепкого домашнего вина, залег спать. Казимбек не заметил в поведении отца ничего особенного да и, кажется, не испытывал сейчас никакого желания говорить об отце. У него была куда более интересная тема для разговора: последние два вечера он читал недавно вышедшие произведения Авиценны и обнаружил у этого древнего философа некоторые вполне современные взгляды на лечение желудочных заболеваний; именно этими соображениями он и намеревался сейчас поделиться с Саидой, слушавшей его с невольной улыбкой, в которой, по правде говоря, была некоторая доля нежности.

19

Ровно в час ночи Каландарова, сладко заснувшего после пиалы домашнего вина, разбудил звонок. Председатель райисполкома вызывал его на завтра, в одиннадцать утра.

Каландаров даже забеспокоился — председатель райисполкома был не охотник звонить по ночам.

Уже в половине одиннадцатого Каландаров сидел в приемной райисполкома и беседовал с другими, тоже, как и он, приехавшими заранее, председателями колхозов. Как обычно в таких случаях, серьезный разговор перемежался шутками.

— Ну, как там у тебя? — спросил кто-то у Каландарова.— Мне один человек рассказывал, что твой секретарь ездит на тебе верхом, даром что женщина...

— А ты передай тому ишаку,— огрызнулся Каландаров,— который тебе это рассказывал, что не родился человек, который ездил бы на мне верхом. И еще передай своему ишаку, что секретарь у меня действительно толковый и я не променяю его на десять таких ишаков, как твой рассказчик, хотя он и мужчина, а мой секретарь всего-навсего женщина!

Поддразнивание собеседника очень задело Каландарова, но тем не менее, как мы видим, он из самолюбия не пожелал дать в обиду не только себя, но и Саиду, хотя, конечно, намотал при этом на свой длинный ус, что она, оказывается, по слухам, ездит на нем верхом!

Председатель райисполкома куда-то торопился и поэтому изложил суть дела самым кратким образом. Оказывается, на днях в их район из

Самарканда приедет целая делегация индийских женщин; в какой из колхозов они поедут погостить — пока неизвестно, да и не в этом дело — в какой захотят, в тот и поедут. К председателям одна просьба: в ближайшие дни надолго не отлучаться, чтобы самим принять гостей, если они приедут.

К Каландарову за эти годы приезжало несколько иностранных журналистов, но целая делегация, да еще из Индии, да еще женщин! — с такой сложной проблемой он еще не сталкивался и поэтому приготовился повнимательнее выслушать все те советы, которые, безусловно, даст по этому поводу председатель райисполкома.

Однако председатель, то ли потому, что торопился, то ли потому, что не считал нужным давать специальные советы, ограничился сказанным и быстро отпустил всех.

Каландаров, уже давно не бывавший в райцентре, покрутился там по разным колхозным делам часа четыре и вернулся домой только во второй половине дня.

Усевшись под карагачем, он налил себе пиалу чая и только было собрался позвать Саиду, как она сама оказалась тут. Она шла к нему деловым шагом, уже вынимая на ходу из своей красной папки какую-то бумажку и всем видом своим показывая, что не собирается терять времени.

Каландаров даже почему-то чуть-чуть привстал с помоста, пожимая ей руку, и предложил присесть, собираясь рассказать про делегацию.

Но оказалось, она уже слышала об этом сама.

— Мы, поджидая вас, уже посоветовались между собой,— сказала она,— и предварительно кое-что набросали, на случай, если гости приедут именно к нам.

И она протянула Каландарову вынутую из папки бумагу.

Каландаров, сам ездивший недавно с нашей делегацией в Индию, как-то с похвалой отзывался при Саиде о подробной программе, которую заранее составили для них хозяева, чтобы у гостей не пропало зря ни одного часа. Сейчас Саида вспомнила об этом и с присущей ей аккуратностью составила целый план приема гостей и тоже расписала все по часам: где и когда будут гости, в каких бригадах и на каких полях, где будут завтракать, обедать и ужинать...

На этот раз Каландаров нисколько не рассердился,— наоборот, у него словно гора с плеч свалилась: он только еще раздумывал, как все будет, а тут уже и программа готова!

— Все это хорошо,— не скрывая удовольствия, сказал он,— за это назову вас молодцом, даром что вы женщина.

Саида рассмеялась:

— Ах, Арсланбек-ака, неужели вам не приходит в голову, что вы такой похвалой можете обидеть человека? Что значит «даром что женщина»? На худой конец, и кошка зверь, так, что ли? Я-то уже не обижаюсь, привыкла, но разве это похвала?

— Ничего, хвалю, как умею, говорю, как думаю,— отшутился Каландаров.— Зачем заставляю вас трудиться — зачем вам расклеивать меня своим птичьим носиком, чтобы узнать, что у меня там внутри? Лучше уж я сам буду держать перед вами душу нараспашку.

Еще раз просмотрев программу и обнаружив в трех местах свою фамилию, Каландаров слегка поежился: предполагалось, что именно он произнесет приличествующие случаю речи и при встрече гостей, и при проходах, и за столом, на обеде.

— Да-да,— протянул он, задумчиво почесывая голову,— а уж так ли нужно, чтобы я столько раз выступал? Может, когда пойдем по полям, я им расскажу о хлопке, а по разным другим, мелким вопросам пусть лучше другие скажут?

Зная характер Каландарова, Саида без труда поняла, что его смущает не столько количество выступлений, сколько непривычность обстановки. Попросту он неясно представлял себе, что нужно говорить в таких случаях.

И Саида деликатно, издали, завела речь об Индии, о ее экономическом и политическом положении и о тех дружественных связях, которые завязались у нас с народами Индии, особенно в последние годы...

Каландаров сидел с выражением лица, говорившим, что он и сам прекрасно знает все, о чем идет речь, но если Саиде так уж хочется, ну что ж, пусть повторит еще раз...

На самом же деле он слушал очень внимательно, стараясь не проронить ни слова, и, вспоминая, как Саида стыдила его за доклад, написанный Ишаном, думал, что теперь ему представляется удобный случай заставить всех забыть об этой проклятой неудаче.

— Ладно,— сказал он наконец,— я выступлю, но так как дело все-таки международное, то над моей речью, когда я ее напишу, надо вместе поработать...

— А вы что думаете, написать, а потом читать? — с сомнением в

голосе спросила Саида.

— Там посмотрим, часть напишу, часть так скажу...

Как ни боялась Саида заранее написанных речей, она благоразумно решила не заострять сейчас этот вопрос и переменяла тему.

— К соседям в «Социализм» гости все равно не попадут, там мост чинят, машины еще дней пять ходить не будут, так что, я думаю, если гости приедут к нам, пригласить из «Социализма» самодеятельный кружок: уж очень хорошо их девушки пляшут и поют. Как вы думаете?

Каландаров вовсе не думал об этом.

— Не знаю, как там с этим кружком,— сказал он без всякого энтузиазма.— Другое дело, если бы Таджихон пригласить, она действительно знатный человек! Когда все ордена наденет, можно полюбоваться. Да и плясать тоже умеет.

— Я уже узнавала и про нее, но она, говорят, нездорова. В общем, мы еще подумаем,— сказала Саида и снова поторопилась перескочить на другую тему, пока Каландаров не успел сказать ни да, ни нет, ибо однажды сказанное им «нет» долго бы висело у нее жерновом на шее.

Предоставив Саиде вместе с членами правления обсуждать дальнейшие подробности программы, Каландаров не без важности попросил временно уволить его от всех других дел и, зачем-то захватив с собой целую кипу бухгалтерских книг, отправился домой писать речь.

Этим нелегким делом он честно занимался почти до рассвета. Озадаченная Хурниса ходила по дому на цыпочках, а Каландаров изводил лист за листом, самоотверженно, буква за буквой, выцарапывая текст своей первой собственноручно составленной речи.

Рано утром он заперся в правлении вдвоем с Саидой и с видом человека, собиравшегося экзаменовать ее, положил перед ней толстую пачку исписанной бумаги:

— Ну-ка, прочитайте!

Саида даже вздрогнула, ощутив в пальцах толщину этой пачки, потом немножко успокоилась, увидев, что на каждой странице помещается не больше пяти-шести строчек, и начала читать.

«Делегации индийских женщин от имени колхозников и руководителей колхоза «Бустон» наш колхозный салам! — так начиналась речь Каландарова.— Мы, колхозники колхоза «Бустон» и работники правления, воодушевленные поставленной перед нами великой задачей, в прошлом году удостоились получить ордена и медали за полученный нами высокий урожай хлопка, а в этом году, несмотря на

плохие метеорологические условия, взяли на себя дополнительное обязательство и боремся за получение тридцати центнеров хлопка с каждого засеянного гектара, в настоящее время уже добившись стопроцентно хорошего состояния посевов хлопчатника по бригадам товарищей...»

После перечисления лучших бригад Каландаров перешел к обширному сравнению состояния хозяйств в конце войны и теперь, приводя цифры по каждой отрасли. «Так вот зачем он вчера забрал с собой все бухгалтерские книги!» — подумала Саида. После этого он подробно рассказывал, каких урожаев добился колхоз в прошлом году по каждой отрасли — по хлопку, по зерну, по семенам люцерны, по шелку, по овощам, по бахчевым культурам — и каких урожаев намечено добиться в этом году по всему колхозу в целом и по каждой бригаде в отдельности. Все это занимало львиную долю речи...

Каландаров смотрел на Саиду и молчал, ожидая, что она скажет.

— Что ж, обстоятельный доклад, очень подробный, почти всего коснулись...— с некоторой запинкой сказала Саида. Она с трудом представляла себе, как можно при первой встрече обрушить на голову гостей эту речь, смахивающую на годовой отчет правления. Однако у нее не хватило духу сразу высказать свои сомнения сидевшему перед ней с довольным видом Каландарову.

— Я и старался поподробней! — сказал он, гордо покручивая усы и не замечая растерянного вида Саиды.— Конечно, может, тут и есть кое-какие ошибки, ну да потом вместе еще раз прочитаем. А сегодня за ночь я обе остальные речи напишу — и ту, что на обеде, и ту, что при отъезде.

Это грозное заявление наконец вернуло Саиде потерянное мужество. Хорошо, что Каландаров первый раз в жизни сам написал свою речь, но допустить, чтобы он корпел еще ночь над двумя речами, которых все равно обстоятельства не позволят ему произнести, было бы просто-напросто нечестно!

— А по-моему, больше ничего не надо писать, Арсланбек-ака,— сказала Саида как можно ласковее.— Одну эту вашу речь вполне можно разделить на две и даже на три и произнести их, когда это окажется наиболее к месту. А в первый момент, при встрече, может быть, лучше все-таки обратиться к гостям без всякого заранее написанного текста, просто так, как мы говорим, когда гости к нам в дом приходят: «Добро пожаловать! Рады видеть вас у себя! Спасибо, что приехали к нам!» Или

как-нибудь еще красивей. Я в сто раз реже вас принимала гостей, и вам в сто раз видней, как это сказать. Как вы думаете?

И хотя Каландаров исписал целую пачку бумаги именно с целью прочесть все это в виде приветствия, почтительный тон Саиды удержал его от вспышки гнева.

— Ну что же,— сказал он, чувствуя в ее словах здравый смысл,— можно при первой встрече и в самом деле просто так сказать, без бумажки... Хорошо, так и сделаем!

Ему очень хотелось спросить у Саиды, когда же, в какой момент, по ее мнению, будет все-таки удобно прочесть гостям этот труд бессонной ночи, но он постеснялся задать такой вопрос и замолчал.

— Да, вот еще что,— сказала Саида.— Может случиться, что гости заинтересуются не только историей нашего «Бустона», но и вообще историей орошения Голодной степи. Если бы вы на всякий случай освежили в памяти все, что знаете об этом!

Каландаров был заметно озадачен такой перспективой и не сумел скрыть этого.

— Да, конечно... разумеется,— сказал он.— Ведь еще товарищ Ленин подписал декрет об этих землях, только забыл сейчас, в каком точно году, по-моему, в восемнадцатом...

— Совершенно верно, в восемнадцатом году, — к большому удовольствию Каландарова подтвердила Саида.— Но можно рассказать гостям и о более давних временах, вспомнить первые проекты еще конца прошлого века...

Саида, наверное, целых десять минут перечисляла разные даты и события, связанные с историей освоения Голодной степи. Причем она, отдадим ей должное, удачно сумела облечь все это в форму совместных с Каландаровым воспоминаний. И ее речи то и дело мелькало: «вы, конечно, помните», или «как вы сами знаете», или «как вам известно, наверное, лучше, чем мне», так что, в конце концов, Каландарову стало трудно отделить то небольшое, что он действительно помнил сам, от всех остальных подробностей, только сейчас впервые услышанных им от Саиды.

— У вас даже кое-что написано об этом в начале вашей книжки о колхозе «Бустон»,— заключила Саида,— и не будет ничего плохого, если вы найдете лишний экземпляр и подарите его гостям!

Каландаров не очень-то помнил, что было сказано об истории Голодной степи в начале его книжки. В нем даже впервые шевельну-

лось нечто похожее на угрызения совести, потому что хотя самое главное в этой книжке — рассказ об опыте возделывания хлопчатника — было действительно в первоначальном виде продиктовано им самим, но все остальное — и конец и начало — было составлено уже без его участия мастером этого дела, присланным из области журналистом. Однако, несмотря на царапнувшее его воспоминание, сама идея Саиды подарить книжку гостям пришла к нему по душе.

— Хорошо,— сказал он, прощаясь с Саидой,— я подумаю, может, и правда подарю. А про историю им надо рассказать, конечно! Гам уж или я. или вы расскажете, увидим, кому придется к случаю.

Саида ушла, а Каландаров остался один, обуреваемый противоречивыми мыслями. Конечно, книжку писал, в общем, не он, хотя, с другой стороны, тот заезжий журналист мало чего знал о хлопке и о колхозе «Бустон», и не расскажи ему Каландаров всего того, что потом было написано в книжке, этой книжки и в помине не было бы.

Вот так и теперь получается, думал он. Если гости приедут в «Бустон», то это потому, что он, Каландаров, поднял колхоз из праха и теперь в нем есть на что посмотреть. И в то же время Саида, которая здесь без году неделя, подсказывает ему, Каландарову, как принимать гостей, как и о чем с ними разговаривать. Она, конечно, не дура, тонко все это проделала, чтобы его не задеть, но и он ведь тоже не дурак,— хотя и не подал вида, а понял ее маневры. А ловко, до чего ловко! Рассказывала, как надо принимать гостей,— просто соловьем пела. Выпусти ее вперед, так она небось без запинки сама за всех все речи скажет. Ну и пусть скажет, а что проку? Все равно не возьмут ее туда, в Индию, в начальницы женотдела. Каждый сверчок знай свой шесток!

«И откуда она все-таки столько всего знает? — подумал он снова, вспомнив, как бойко рассказывала Саида про историю Голодной степи.— Насыров, что ли, всем этим ее напичкал? Едва ли! Она и в район-то ездила в последний раз давно, когда про гостей еще и речи не было. Или она все это из книг вычитала? Наверное, так оно и есть. Недаром, как вызовешь ее попозже, так сразу бегут за ней прямо в библиотеку, уже знают, где она сидит. Вот что делают с человеком эти книги: ты тридцать лет хлопок растишь, а другой раз-два — и готово, прочтет десять книжек, приедет и так бойко про все на свете расскажет, словно и в самом деле больше тебя знает! Вот уж действительно проклятая малограмотность. Надо бы все-таки пересилить себя, хоть по одной книжке в месяц, хоть по ночам, через силу, а все же читать...»

Два дня еще волновался Каландаров, готовясь к приезду гостей, волновался до тех пор, пока не выяснилось, что гости не приедут.

Ведь, как мы помним, председатель райисполкома предупреждал, что гости отправятся туда, куда сами захотят. И они отправились туда, куда захотели, проехали мимо «Бустона» на машинах в славившийся своими шелководческими бригадами колхоз имени Первой пятилетки. Оказывается, они интересовались больше всего как раз не хлопком, а шелком, так что нечего было и огород городить, как выразился облегченно вздохнувший и в то же время немного огорченный напрасными хлопотами Каландаров. А Саида с ним не согласилась, то есть вслух спорить не стала, но про себя подумала: ничего, расстраиваться не стоит, такие «хлопоты» пригодятся и на будущее.

Расстраиваться и в самом деле не стоило. Хотя гости в тот воскресный вечер и проехали мимо, но собравшаяся для их встречи молодежь и приехавшие из «Социализма» участники самодеятельного кружка все равно устроили на хорошо утоптанной площадке перед карагачем веселый праздник.

Особенно хорошо танцевали девушки из «Социализма». Каландарову очень понравилось, как весело и дружно они танцевали, и он даже немного испугался, когда в общий круг начали поодиночке входить девушки из «Бустона».

«Эх,— ревниво сетовал он,— еще чего доброго осрамят наш колхоз. Эта двигается кое-как, еле ходит, а вон та зачем-то руками машет, как аист крыльями, того и гляди себе все бока отхлопает. Уж лучше бы скорей поклонилась да отошла в сторону!»

И в самом деле, когда девушки из «Социализма», утомившись, стали понемножку выходить из круга, веселье начало как будто увядать.

Каландаров даже охнул с досады, но как раз в эту секунду, широко, призывно раскинув руки, в круг весело вбежала Саида, зазывая столпившихся кругом оробевших девушек. Зрители одобрительно зашумели, они, так же как и Каландаров, жаждали, чтобы в танцах не осрамили честь «Бустона». Бубен загредел громче, потом заиграли остальные примолкшие было музыканты, и девушки из «Бустона», ободренные примером Саиды, одна за другой залетали птицами.

Скоро в кругу плясало почти столько же, сколько толпилось вокруг. Теперь танцевали не только девушки, но и молодые женщины и мужчины. Неуклюже притопывал огромный Исмаилджан, волчком вертелся вывернувшийся откуда-то из-за спины председателя Ишан, и,

наконец, долго не решавшийся рискнуть Казимбек сорвался с места и, вскидывая головой, подрагивая плечами, пошел к центру круга наперерез Саиде.

«Ах, вон оно что,— хотела крикнуть ему Саида,— вы, оказывается, и плясать умеете, а не только рассказывать об анатомии и желудочно-кишечных заболеваниях!»

Хотела, но не крикнула, а лишь, озорно улыбнувшись, начала отплясывать перед ним в таком бешеном темпе, словно решила заставить этого долговязого доктора тут же, посреди круга, свалиться замертво от усталости.

После танцев женские голоса завели песню, потом к ним присоединились мужские... Каландаров сидел на помосте в тени карагача, казавшегося в эту лунную тихую ночь отлитым из одного громадного куска тяжелого черного железа, сидел и слушал хор, в котором, вырываясь из сильных и низких мужских голосов, высоко в небо взлетал чей-то чистый, прозрачный женский голос.

«Кто бы это мог быть? — спрашивал самого себя Каландаров.— Неужели кто-то из наших? А почему бы и нет? Раз есть у нас такие плясуньи, почему бы не оказаться и певице?» Он радовался этому и в то же время досадовал, что на вечере все и неумолимо возникало помимо него и происходило без его участия. Он даже и не подозревал, что у него в колхозе есть такие голоса.

«Эх, мало ли чего я не знаю! — вдруг с горечью подумал он.— Все планы да проценты, некогда и песню послушать. Вот и думаешь, что один на свете певец — Ишан, посадишь его за стол, споет, кивнешь, чтобы замолчал,— замолчит...»

Луна стояла уже совсем высоко. Где-то за дувалами сипло, спросонок, крикнул первый торопливый петух.

«Да, час уже поздний,— подумал Каландаров,— пора бы уже расходиться, вставать-то рано!»

Он поднялся и решил было пройти к воротам напрямик, через круг, давая этим понять, что пора расходиться, но вдруг услышал оживленный голос Саиды, просившей музыкантов сыграть еще одну песню, услышал и не стал пересекать круг, а обошел его за спинами людей и задумчиво направился к своему дому.

Каландаров в конце концов сменил гнев на милость и согласился с остальными членами правления, что Зульфакарова не следует сразу, наотмашь, выгонять из колхоза.

На очередном общем колхозном собрании были, как водится, выбраны председатель и секретарь и утверждена повестка дня из четырех вопросов: первый — ход обработки хлопчатника; второй — о передаче колхозникам новых жилых домов; третий — утверждение сметы на кружки самодеятельности и четвертый — о Зульфакарове.

По первому вопросу первым выступил Каландаров. Собственно говоря, он просто сам встал и сам предоставил себе слово, не дожидаясь, пока это сделает председатель собрания.

Как всегда немногословно и в то же время подробно, он рассказал о деле, которое знал, как свои пять пальцев,— о ходе обработки хлопчатника в каждой бригаде, потом перечислил работы, которые еще оставались, потом сказал свою любимую заключительную фразу: «В общем, я думаю, теперь все всем ясно и понятно!» — и, вполне искренне запятовав, что сегодня не он председатель собрания, не открывая прений, с маху перешел к следующему вопросу:

— Как вам всем известно, нами построено пять домов. Построено и передано лучшим людям колхоза. Но, как нам стало известно, один из этих товарищей, а именно товарищ Дустматов, до сих пор не хочет переезжать в новый дом. Где Дустматов? А ну, встань, Дустматов, и расскажи, почему ты не переехал в новый дом?

Из середины поднялся широкоплечий человек лет пятидесяти, но хотя он покорно встал по первому же вызову Каландарова, это не помешало ему упрямо молчать в ответ на дважды заданный вопрос. Он стоял опустив голову, молчал, и чувствовалось, что он может вот так стоять и молчать еще сколько угодно.

— Ладно, раз ты молчишь, я сам скажу: у него, видите ли, в новом доме не сделаны ниши для одеял. Эх ты, да куда же мы уедем с такими феодальными пережитками? Может, тебе и для чайников и для пиал ниши проделать? И гвоздей, чтобы сбрую было где вешать, понатыкать? И крышу тебе по-старому переделать, чтобы ты туда мог хворост складывать? Дом по проекту построен, над проектом инженеры думали, а тебе все не так! Нет, товарищ, так у нас дело не пойдет. Предлагаю поручить нашей Саидахон в трехдневный срок перевоспитать Дустматова и обеспечить, чтобы он переехал в новый дом. Против есть? Нет? Воздержавшиеся есть? Нет? Тогда предлагаю

перейти к третьему вопросу.

— Подождите минуточку, Арсланбек-ака,— вдруг остановила его Саида и повернулась к растерявшемуся председателю собрания.— Я принимаю поручение поговорить с товарищем Дустматовым, но хочу, чтобы перед этим все-таки решение правления о передаче новых домов было, как положено, проголосовано собранием.

Председатель собрания, посмотрев на Саиду, виновато развел руками: «Что же делать, Каландаров мне еще ни разу рта раскрыть не дал», потом, не меняя позы, посмотрел на Каландарова, как бы говоря: «Что поделаешь, видите, товарищи настаивают!» И только после этого приступил к голосованию.

Постановление было утверждено. Саида и не хотела ничего другого, а просто, вспомнив замашки Каландарова, решила напомнить ему о дисциплине.

Однако напоминание, как видно, было недостаточно сильным, Каландаров не унимался.

По третьему вопросу, о кружках, должна была выступить Саида. Об этом договорились заранее, но вошедший в раж Каландаров снова, не дав заикнуться председателю, первым взял себе слово.

— Всем ясно и понятно, какая работа теперь развернулась у нас в клубе. Каждый вечер и музыка, и танцы, и разные другие кружки. Так поздно сидят, что я даже удивляюсь, как на работу не опаздывают. Смету мы втрое увеличили и предлагаем утвердить. Но прежде чем утвердить, предлагаю поблагодарить Саидахон за ее работу по этим кружкам. Уже наш радиокружок провел электрические звонки и в школе и в правлении, а теперь ставит вопрос о радиоузле. А кстати, у нас и оборудование для этого есть. В общем, предлагаю поблагодарить Саидахон и утвердить!

Несмотря на такое лестное для себя предложение, Саида выдержала характер и, к большому неудовольствию Каландарова, предложила зачитать смету, прежде чем ставить ее на голосование.

Смету прочли, утвердили, и на этот раз уже не Каландаров, а наконец сам председатель собрания предложил перейти к последнему, четвертому вопросу — о Зульфакарове. Слово от выделенной партийным бюро комиссии было предоставлено Каландарову.

Каландаров говорил довольно долго, излагая главные обстоятельства дела, и собрание слушало его затаив дыхание. Наконец в глубокой тишине он прочел решение партийного собрания об

исключении Зульфакарова из партии и решение правления о снятии его с должности бригадира.

Эта тишина продолжалась после того, как Каландаров закончил и сел. Она длилась и тогда, когда председатель дважды обратился к собранию, спрашивая, какие будут мнения.

Вдруг в тишине раздались громкие всхлипывания. Зульфакаров сидел в дальнем уголке зала и рыдал, уткнув голову в колени.

— Эй ты, замолчи,— не выдержав, крикнул ему через весь зал Каландаров,— Раньше надо было думать! А еще мужчина!

В зале снова стало тихо. И лишь когда председатель несколько раз спросил, кто желает высказаться, поднялся один из коммунистов, а за ним и второй и третий, и каждый по-своему повторил то, что они уже говорили на партийном собрании: дело не только в Зульфакарове, а в том, чтобы до конца искоренить атмосферу, благоприятную для таких уродств, как двоеженство и наглое очковтирательство.

История Зульфакарова произвела глубокое впечатление, но больше говорить о ней не хотелось, дело было ясное, а дальнейшая судьба Зульфакарова зависела от него самого.

Но теперь, когда один за другим трое коммунистов напомнили, что дело не только в Зульфакарове, сразу же нашлись и другие охотники выступить.

Первым попросил слова пожилой кетменщик; никто не помнил, чтоб он выступал когда-нибудь на собрании. Он с минуту стоял, молча теребя кончик седеющей бородки, потом поднял глаза, горько усмехнулся тем невеселым мыслям, которые собирался высказать, и с некоторым трудом, как иностранное, произнес длинное слово «очковтирательство».

— Я у нас в колхозе часто встречался с такими делами, вот только не знал до сих пор, как это у ученых людей называется... Ну да что говорить о прошлом: кто прошлое помянет, тому глаз вон! Я лучше скажу про это наше собрание. Вот мы собрались. А для чего мы собрались? Чтобы вместе вопросы решать. Да или нет? А какие вопросы мы вместе решали? Вот Арсланбек-ака говорил про уход за хлопчатником: что мы сделали, как мы сделали, что нам делать, как нам делать, даже всем нам уже поручения роздал. А кто будет выполнять его поручения? Я буду выполнять. А разве он меня спросил, что я думаю про его поручение? Может, оно и правильное, пусть так, а вдруг не только у него, а и у меня тоже есть какие-нибудь мысли? А

ведь он меня про них не спросил, а я их ему не сказал. Так только называется, что собрание...— И кетменщик, махнув рукой, сел на место.

Едва он сел, как Каландаров, уязвленный в самое сердце, вскочил и, с великим трудом удержав себя от желания закричать на весь зал, криво улыбаясь, сказал придушенным голосом:

— А ну, говори. Чего уселся? Послушаем твои советы. Вижу теперь, здесь каждый храбрец. Каждый думает, что он искру высечет. Даже ком глины, и тот себя кремнем считает.

Бородатый кетменщик медленно поднялся, сначала посмотрел на зал, потом на Каландарова и сказал с невеселой улыбкой, которая только усиливала горечь содержавшейся в его словах укоризны:

— Ладно, Арсланбек-ака, называйте меня хоть комком глины, хоть прахом — стерплю, не обижусь! Но не смейте звать меня на «ты». Помните, что я старше вас, здесь в зале сидят мой сын и моя дочь, и у них уже есть свои дети! Ради счастья вашего сына никогда больше не смейте этого делать!

В зале раздался глубокий вздох, лучше всякого, самого громкого восклицания выразивший то, что творилось сейчас на душе у людей.

Человек, упавший на людном месте, спешит вскочить и отряхнуться, еще не замечая боли; нечто похожее случилось и с Каландаровым. Еще не вполне понимая, что произошло, он инстинктивно поспешил сесть и, втянув голову в плечи, стал лихорадочно чиркать карандашом по бумаге.

«Откуда ты взялся? — сердито думал он.— Молчал, молчал, как последний тихоня, и вдруг — нате, здравствуйте, обиделся! Молчал, молчал, а теперь швырнул мне такие слова. И как? Прямо в лицо! И где? Прямо на собрании, при всем народе. Нет, тут что-то есть. Это не просто так, это не сам он, это кто-то воду мутит, и надо докопаться кто!...»

Отдавшись этим вздорным мыслям, Каландаров даже не заметил, что выступает уже кто-то другой, и только когда в уши ему ударил дружный хохот, он поднял глаза и увидел стоявшего в первом ряду, прямо против него, механика электростанции.

— Что верно, то верно,— запальчиво говорил механик,— раз общее собрание, значит, и общие решения! А то что же выходит: председатель собрания сидит, как бедный родственник на чужой свадьбе, а Арсланбек-ака вместо него собрание ведет: я — за! Против нет? Воздержавшихся нет? И готово! За пять минут плов сварил. Если так голосовать, то и подумать не успеешь, за что голосуешь. А разве не

бывало у нас так, что сначала голосовали, а потом головы чесали? Взять хоть наш движок! Шум от него у всех в печенках сидит, а накалу от него на пятьдесят лампочек. А ведь мы три года назад уже проголосовали, дали двести шестьдесят тысяч, чтобы протянуть постоянную линию по всему колхозу! Ну, а теперь я спрошу: если бы мы тогда действительно обсудили вопрос, прежде чем руки вверх тянуть, ведь нашелся бы, наверное, кто-нибудь и сказал: «Стоп, товарищи! Давайте пока для движка времянку протянем, а постоянную линию проведем, когда ток от высоковольтной получим!»

Положим, нам в будущем году обещают ток дать. Но ведь линия-то за три года бездействия уже наполовину в негодность пришла. Значит, когда ток подключат, дай еще сто тридцать тысяч на ремонт. А по существу не на ремонт, а коту под хвост. Или возьмите тот срам, что мы с этими батарейными приемниками от соседей приняли! Вот тут Арсланбек-ака говорил как бы в похвалу, что оборудование для радиоузла у нас уже есть. Подтверждаю — есть и уточняю: уже два года на складе лежит. А как это вышло? Очень просто. Рузмат Назаров пригласил нашего уважаемого председателя на пуск своего колхозного радиоузла. Ну как же тут стерпеть, чтоб Назаров верх взял! Наш уважаемый председатель завтра же, ни с кем не советуясь,— в Ташкент. Деньги, ни у кого не спросясь,— со счета на счет. А полный комплект радиооборудования — на склад. А потом горячка прошла, другие дела наворачнулись, и в итоге пришлось батарейными приемниками соседям очки втирать. Охоты нет, а то бы я сейчас спросил, кто только сегодня узнал, что у нас радиооборудование уже два года на складе лежит! Наверное, ползала бы руки подняли...

Собрание, начавшееся мелкой зыбью, постепенно превратилось в самый настоящий шторм.

Каландаров то багровел, то белел и чувствовал себя, как человек, которого швыряют вверх и вниз семиэтажные валы.

О чем только не вспоминали выступавшие! И о случаях «липы» в шелководстве, и о летних сводках, взятых с потолка, в надежде на то, что все равно цыплят по осени считают, и о хлопкоуборочных машинах, которые больше ржавеют, чем работают...

«Какая змея их сегодня ужалила?» — растерянно думал Каландаров, упрямо глядя в стол и узнавая выступавших не по лицам, а по голосам.

Вдруг сердце у него екнуло — он услышал голос Исмаилджана

Нурматова.

«Ну, этот сейчас выпится на мне!» — подумал Каландаров, вспомнив и свой старый спор с Исмаилджаном — о главных и второстепенных источниках колхозных доходов, и то, как после этого спора он выжил строптивного бригадира из партбюро.

Однако Исмаилджан вовсе не собирался «выспаться» на Каландарове. Он действительно хотел сейчас открыто, перед всеми продолжить их старый спор, но сначала, словно призывая всех не забывать об этом, громко напомнил о главных достоинствах Каландарова: организаторской хватке, безотказном трудолюбии и преданности колхозу.

Собрание даже два раза заплодировало Исмаилджану при этих словах, они были настолько искренними, что это почувствовал даже сам Каландаров.

Однако, как ни сладостны похвалы, Каландаров сейчас пропустил их мимо ушей: он с тревогой ждал дальнейшего, как топора, который вот-вот упадет ему на шею.

И топор действительно упал.

Исмаилджан повторил, что Каландаров болеет за интересы колхоза, но добавил, что, на его взгляд, председатель не всегда правильно понимает эти интересы.

Чтобы объяснить это на примере, он, как и ожидал Каландаров, вытащил на свет божий их старый спор.

Три года назад Исмаилджан как член бюро взял в бухгалтерии и посмотрел отчеты колхоза за несколько лет. Все эти годы на трудовень выдавали от тринадцати до двадцати трех рублей. По профилю колхоза основными источниками доходов были хлопок, шелк и животноводство. Интересуясь причинами колебаний в выдачах на трудовень, Исмаилджан увидел, что доход колхоза бурно увеличивался не за счет роста основных отраслей хозяйства — они росли медленно, — а главным образом за счет дополнительных и даже случайных источников. Львиную долю этих дополнительных доходов давали два овощных ларька в райцентре, где продавались не столько овощи, сколько вино, в розницу и оптом, а также яблоки и виноград, в большом количестве и по высоким ценам отправлявшиеся каждый год специальным человеком в Сибирь.

Вот против этого и спорил тогда с Каландаровым Исмаилджан, говоря, что хотя дополнительные доходы и благо, но нельзя строить на

них половину всех расчетов, отвлекая силы от развития главных отраслей хозяйства.

Тогда Каландаров подмял его и не дал довести дело до конца. Теперь Исмаилджан снова повторил все это на собрании.

— Подумайте сами,— сказал он в заключение,— каждый ли год будет так выгодно продаваться наше вино, кстати, не такое уж хорошее, каждый ли год удастся засылать фрукты в Сибирь и продавать их по такой высокой цене, как продавали до этих пор? В прошлом году мы получили по двадцать семь рублей на трудодень, а кто гарантирует, что, если у нас что-нибудь сорвется с побочными доходами, мы не получим по семнадцать? Нет, на твердый, железный доход можешь рассчитывать, только когда прежде всего берешься за основные отрасли своего хозяйства. Добавляю: это и стране нужней! И еще добавляю: давно пора бы это понять такому умному человеку, как наш председатель!

Исмаилджан сел, и Каландаров, не ожидавший, что бригадир обойдется без личных нападок, искоса посмотрел на него и довольно миролюбиво подумал: «Ладно, после собрания посоветуемся...» Не то чтобы Исмаилджан сейчас вдруг взял да и переубедил его насчет источников дохода, доходы — дело сложное, тут надо и так и эдак прикинуть! Но, во всяком случае, Каландаров испытал неожиданную потребность — посоветоваться, а это был уже не малый шаг вперед для такого человека, как он.

После выступления Исмаилджана зал долго еще гудел на разные голоса. Вопрос о прочных и зыбких источниках доходов был такой горячий, что горячее не придумаешь, и чуть ли не все сидевшие в зале наскоро обменивались с соседями первыми пришедшими в голову соображениями.

Когда говор стал понемногу стихать, на трибуне раздался задорный женский голос.

Каландаров, которого при одном звуке этого голоса бросило в холодный пот, оглянулся.

Да, это была она — Ойниса, хорошо известная на весь район звеньевая, это она в дни отъезда Каландарова, на лекции для женщин, первая открыла по нему огонь.

— Я сначала скажу еще про одно очковтирательство, а потом скажу про женщин,— угрожающе начала Ойниса.— Кто помнит, как я шесть лет назад собрала за один день четыреста восемьдесят шесть

килограммов хлопка?

В зале зашумели и засмеялись. Кто-то громко крикнул: «Как же, помним, помним!»

— А раз помните, так я расскажу, как это было,— и женщина бросила злой взгляд на облившегося холодным потом Каландарова.

— Я и правда в тот год больше всех хлопка собирала, у меня руки быстрые, но, видно, этого мало показалось! Пришел однажды к нам в дом Арсланбек-ака и говорит мне: «Завтра с утра пойдешь на самый лучший участок, я уж подобрал тебе, и начинай собирать, но только не спеши, чтобы раньше времени не устать. А я вскоре подойду к тебе с одним человеком из района. Мы, я думаю, недолго там с ним пробудем, но, пока будем, ты так собирай, чтобы обо всем на свете забыть. А потом, когда уйдем, сразу отдыхай, если хочешь, даже домой иди».

Ну и действительно, только я начала работать, пришел Арсланбек-ака, а с ним какой-то в очках, из района приезжий. Вынул он часы, а я нажала что есть мочи и за пятнадцать минут пятнадцать килограммов собрала, да еще с граммами! Ну а через два дня мое имя в районной газете появилось. Оказывается, это хронометражем называется: четверть часа на четыре, а потом еще на восемь помножили — и вышла такая цифра, что все ахнули. Кто подальше, тот поражался, а кто поближе — тот ругался, чуть не плевки я в глаза принимала. Зато на областном слете наш председатель сидел да усы подкручивал.

В ответ зал долго и дружно хохотал.

Каландаров сделался из белого пунцовым, а из пунцового снова белым. Он взглянул исподлобья на Саиду и увидел, что она тоже сидит низко пригнувшись к столу и на лице у нее нет и тени улыбки, наоборот, она выглядит бледной и расстроенной.

«Смотри-ка,— удивленно подумал Каландаров,— но моей спине палка гуляет, а на ее спине рубцы остаются!»

— А теперь — про женщин,— все так же звонко сказала Ойниса, оторвав Каландарова от его мыслей.— Я уже один раз говорила про это, но Саидахон тогда сказала, что здесь не собрание, а лекция, что об этом потом. Выходит, Саидахон, что мы торопимся о нашем деле поговорить, а вы нет. Видно, пеший конному не товарищ.

При этом намеке на вечерние прогулки Саиды в зале кое-кто засмеялся.

— А вы, Арсланбек-ака, — оставив в покое Саиду, повернулась Ойниса к Каландарову,— уж так Зулъфакарова за плохое отношение к

женщине распекали, что просто любо-дорого, какого мы в вас защитника нашли! Но раз вы такой наш защитник, скажите нам — и другие члены правления пусть скажут,— какой вопрос о женщинах вы за последние пять лет обсудили? Неужели, кроме Зульфакарова, ничего важного нет? А по-моему, есть! Хоть меня возьмите: у меня пятеро детей, а шестой ребенок — муж. Я же за ним больше, чем за остальными пятью, должна ухаживать. В поле, днем, у нас с ним кетмени одинаковые, оба не ржавеют, а вечером у нас с ним заботы разные: у него никаких нет, а у меня за двоих. Я в прошлом году одиннадцать тонн хлопка собрала да все одиннадцать на плечах до хирмана перетаскала, вот и посчитайте, много раз я отдохнуть присела? А по вечерам что? И хозяйство, и дети, и на собрание сходить надо, а ведь я должна иногда и собой заняться. Потому что не займись я собой, как бы мой муж от меня нос не отвернул.

В зале засмеялись, но сама Ойниса даже не улыбнулась.

— Говорят, что в колхозе Ленина решили: уже в будущем году кетмень побоку, а у нас и намека нет. Говорят, что в «Гулистане» в прошлом году треть хлопка машинами собрали. А у нас как эта машина-то выглядит, я толком не помню. Знаю только, что в прошлом году все поля, отведенные по плану для машинной уборки, Арсланбек-ака под ручной сбор пустил: пусть, мол, колхозники побольше трудодней заработают! Вроде бы он от нас спасибо ждет. А как вместо машины погнешься каждый день с утра до вечера три месяца подряд, так спасибо-то говорить и не хочется. Говорят, что машины, мол, никуда не годятся. И рукой машут. А вы рукой не машите, лучше скажите, что в ней, в машине, хорошего, что плохого, и пусть поправят. Я-то, помню, девчонкой была, когда к нам на поля первый трактор пришел: бывало, зацепится плуг за корень в два пальца толщиной и встанет — силы нет и сноровки нет. А теперь трактора рвут корни с верблюжьей костью толщиной. Хороши бы мы были, если б тогда, вначале, от тракторов отказались!

А теперь я хочу сказать еще одно всему нашему правлению в глаза. Вот я тружусь сколько сил есть. А когда у меня душа спокойна? Никогда! В руках у меня кетмень, а в мыслях ясли да детский сад. В яслях у нас такие старушки сидят, за которыми за самими надо ухаживать, а уж детский сад... спасибо, наконец Хурниса-апа раздобрилась,— может, не захочет мужа срамить и в самом деле там за дело возьмется. А родильный дом? Говорят, там Казимбек теперь

чистоту навел. Но это еще не все. Я там двоих родила и оба раза от обиды плакала: планы по молоку мы перевыполняем, излишки продавать везем, а роженица лежит и за неделю пиалы молока не увидит!..

Собрание проводило Ойнису громом аплодисментов.

Теперь уже не только Каландаров, а все члены правления сидели опустив головы и вяло пошлепывали руками.

Никто даже не заметил, что Ойниса так ничего и не сказала о Зульфакарове, но она сама вспомнила об этом и, уже сев на место, снова поднялась и сказала:

— О самом главном-то и забыла! Насчет Зульфакарова — согласна с решением правления.

Кончилось собрание поздно. Поднято было столько разных вопросов, что тут же, на месте составлять резолюцию даже не пробовали, а по совету Саиды рекомендовали правлению наметить свои предложения и вынести их на следующее собрание. После этого дружно проголосовали за это решение и разошлись, все еще продолжая говорить между собой и в коридорах правления, и у выхода, и на улицах кишлака.

Саида, потеряв в толкучке Каландарова, несмотря на поздний час, все-таки решила забежать к нему — беспокоило его состояние. Однако встретившая ее на пороге Хурниса решительно заявила, что Арсланбек заболел, принял лекарство и лег спать.

Едва Саида успела вернуться к себе домой, как к ней зашли Казимбек и Агзамджан. Саида сразу же спросила Казимбека о здоровье отца.

— Вполне здоров, — усмехнувшись, сказал Казимбек, — Ле- даит на кровати и переворачивается с живота на спину и обратно. То грызет подушку, то зализывает раны.

Агзамджан рассказал Саиде, что Каландаров еще до собрания звал его к себе в кабинет, показал несколько бумажек, относившихся к делу Зульфакарова, и попросил поскорей написать об этом фельетон.

Агзамджан решил посоветоваться — это и было целью его прихода к Саиде.

Саида колебалась. Фельетон о Зульфакарове казался ей сейчас вовсе не нужным, однако указывать журналисту, что ему надо писать и чего не надо, представлялось ей неудобным.

— Не знаю, — помолчав, сказала она, — вам видней, но если вы

хотите знать мое мнение, то простой отчет о нашем собрании был бы самым полезным делом не только для нас, но и, наверное, для многих других.

21

Узнав, что Каландаров не болен, а только прикидывается, Саида и разозлилась и встревожилась. На следующий день Каландаров не выходил из дома и никого не пускал к себе, продолжая сказываться больным. Это еще больше встревожило Саиду: «Что он там придумал, сидя один, как бирюк, или вдвоем со своим любимым Ишаном? И что после таких раздумий выкинет, снова появившись на людях?..»

После обеда Саида решила дать себе маленький отдых и, попросив у конюха все того же вороного жеребца, поехала в «Социализм» навестить Таджихон, которая не раз усиленно приглашала ее к себе. Это казалось ей тем более уместным, что Таджихон, по слухам, болела.

Оказалось, Таджихон уже поправилась и завтра собиралась выйти на работу; приезд Саиды обрадовал ее: она не знала, как принять и куда посадить гостью.

Двор, дом и вообще все хозяйство Таджихон привели Саиду в восторг: двор был не двор, а цветущий сад; дом был не дом, а маленький дворец. Мебель вся новенькая, полированная, без единой пылинки; радиоприемник такой громадный и красивый, каких Саида еще и не видела; за зеркальными стеклами буфета блестела и искрилась хрустальная посуда; на стенах висели картины в золоченых рамах — у нашей Саиды зарябило в глазах от всего этого великолепия.

Когда Таджихон налила ей душистого чая в одну из тонких, прозрачных китайских пиал, Саида чуть не попросила хозяйку дать ей другую пиалу, попроще.

Правда, и Таджихон и ее муж оба работали: она бригадиром, он счетоводом, но Саида с невольным сомнением подумала, не слишком ли здесь богатое хозяйство, даже по их совместным заработкам. Стараясь отогнать от себя эту мысль, она стала рассматривать висевшие на стенах картины. Среди них было два портрета в красках; на одном изображена пожилая женщина, на другом — Таджихон, совсем молодая, должно быть, в начале замужества.

— Хамидулла придумал! Его желание,— небрежно, даже с какой-то удивившей Саиду неприязнью кивнула на свой портрет Таджихон.

Голова Таджихон была повязана голубым газовым платком. Сама она была одета в платье из атласа и в затканную золотом безрукавку. Уши украшали большие серьги полумесяцем. Таджихон сидела, вышивая бисером тюбетейку, прикусив нижнюю губу, прищуриив глаза и пытаясь продеть нитку в иголку. Лицо ее на портрете было красивым, пожалуй, немножко красивее, чем на самом деле.

— А что, вам не нравится этот портрет? — спросила Саида.

Таджихон покачала головой и сказала, что, будь ее воля, она б и не заказала этого портрета и не повесила. На этом настоял ее муж, и у него была на то своя причина: он только и мечтал, чтобы она всю жизнь оставалась такой, как на этом портрете, сидела бы дома, вышивала тюбетейки и вообще, как писал когда-то поэт Фуркат:

*В своем наряде, словно в кандалах,
Сидит с тоской в подкрашенных глазах...*

— Это Хамидулла привез художника из Ташкента! Целую неделю я перед ним сидела; не наряжалась и не вышивала, просто так сидела, а потом он, уже в Ташкенте все это пририсовал и портрет прислал.

В заключение Саида услышала, что Хамидулла заплатил за портрет — ни больше, ни меньше — семь тысяч рублей! И, услышав это, сразу же мысленно нарисовала себе образ бесстыдного хапуги, который из каждой проплывающей мимо сотни рублей не моргнув глазом готов проглотить девяносто!

Однако через несколько минут она, совсем по другому поводу, услышала от Таджихон, что ее Хамидулла, наоборот, один из тех честных до щепетильности людей, про которых говорят, что они и молока-то не пьют, чтоб телят не обездолить!

Заработка Таджихон вполне хватало, чтобы безбедно жить и даже время от времени кое-что покупать в дом. А заработок Хамидуллы состоял отнюдь не только из его счетоводческого жалованья. По словам Таджихон, ее Хамидулла был удивительнейшим, на все руки мастером. Он умел чинить все — от швейной машины до мотоцикла и от ручных часов до радиоприемника. Слава о нем давно шла по всему району, и Таджихон даже удивилась, что Саида никогда не слышала о второй специальности ее мужа.

Занимаясь по вечерам всякими поделками — то на дому у себя, то на дому у заказчиков, Хамидулла выколачивал каждый месяц большие

деньги и уже много лет тратил их только на одно: на украшение своего дома и своей жены Таджихон. Он и не пил, и не курил, и ни с кем компании не водил, а каждую лишнюю копейку был готов, как говорят, зубами с земли поднять.

— В общем, плохо мое дело,— вдруг сказала Таджихон, остановись посреди своей заставленной вещами комнаты и с горестной усмешкой разведя руками.

— Почему же плохо? — спросила Саида, невольно повторив жест Таджихон и показав на обстановку комнаты.

— Да нет, не плохо! Хорошо! Но ведь когда хорошее делают со злым умыслом, оно хуже плохого! Двор — в цветах; я, если захочу, могу сидеть в шелках, муж на все готов, только бы прибить мои крылья к этому дому! Только бы в колхозе не работала, только бы никуда не ходила, только бы ни с кем не говорила, только бы сидела тут разодетая и накрашенная, таяла бы от его любви, плакала бы от его побоев — вот что ему нужно!.. В наши времена этого не добьешься ни тем, что, как в старину, хлеб от жены в сундук запрешь, ни тем, что ножом на нее замахнешься! Вот он и делает будто совсем по-другому!.. А я все равно вспоминаю и нож и сундук! Думаете, для чего он мой портрет заказал? Чтобы смотрела и вспоминала, какой я была в первый год замужества, когда он меня, как дуру, взаперти держал!.. Вот так и живем,— вздохнула Таджихон.— Одну упряжку в разные стороны тянем!

Саида понимала, что между Таджихон и ее мужем, наверное, произошла очередная ссора. Но она знала, что люди впоследствии обычно раскаиваются в слишком откровенных излияниях; поэтому при первом же удобном случае она перевела разговор на другое.

— А это кто же, ваша свекровь? — спросила она, подойдя к портрету старухи, висевшему в комнате на самом видном месте.

Таджихон грустно улыбнулась:

— Почему вы сразу спросили — не свекровь ли? А может быть, это моя мать.

Саида немного смутилась.

— Я просто подумала,— с запинкой сказала она,— что на таком почетном месте чаще всего бывает мать мужа...

— А в нашей семье это место заняла моя мать,— казалось бы с противоречащей смыслу ее слов горечью сказала Таджихон.— Когда мать умерла, Хамидулла плакал громче меня!

Оказывается, хотя Саида и перевела разговор, но неудачно. Вспомнив мать, Таджихон снова стала сетовать на мужа. Он был любимцем своей тещи. Теще нравилось и то, что зять тащил в дом каждую копейку, и то, что, держа жену взаперти, не скупился на ее наряды, и даже то, что он в первое время поколачивал ее!

При любой размолвке старуха брала сторону зятя и ругала дочь, попрекая ее даже своим материнским молоком.

— Грех сказать, чтобы я желала зла матери,— сказала Таджихон,— но, пока она жила, дом наш был и вовсе адом! Хотела я пойти учиться — и не пошла! Хотела стать агрономом — не стала! Их было двое, я — одна, и у меня не хватило сил перебороть их обоих. А сколько ночей я проплакала, раздумывая, как поехать учиться? Столько ночей проплакала, что уже и учиться поздно!

Печаль Таджихон была беспредельна; казалось, она ищет не только сочувствия, но и помощи. Однако, представляя себе Хамидуллу по рассказам Таджихон пожилым, солидным человеком, Саида не представляла, как она вдруг заведет с ним разговор на щекотливую семейную тему.

Оказалось, однако, что пресловутый Хамидулла вовсе не так грозен с виду, как можно было ожидать.

Во дворе незаметно появился шупленький человечек, который, не заходя в дом, сразу же стал возиться по хозяйству. Он прибирал во дворе то одно, то другое, потом поливал цветы, потом не то полыл, не то рвал что-то на грядках... Саида несколько раз искоса поглядывала в окно, думая: кто бы это мог быть? И только когда Таджихон, сидевшая спиной к окну, повернулась и, увидев мужчину во дворе, окликнула его по имени, Саида с удивлением поняла, что это и есть знаменитый Хамидулла!

Он вошел в комнату тише воды ниже травы, отвесил несколько смиренных поклонов и, даже не подав руки Саиде, присел на кончик стула у двери.

Вблизи он выглядел еще более шуплым, чем издали. У него была маленькая голова и моложавое, довольно хорошенькое, если можно так сказать про мужчину, лицо с маленькими завивающимися усиками над узкими, плотно сжатыми губами.

Нет, что-то совсем не вязались с рассказами Таджихон ни внешность, ни поведение этого человека, сидевшего на своем стуле, смиренно сложив руки на животе и покроличьи помаргивая.

Когда Таджихон познакомила мужа с Саидой, сказав при этом, что она секретарь партбюро в «Бустоне», Хамидулла удивленно захопал глазами, словно собирался воскликнуть: «Отчего же вы этого мне раньше не сказали!» — и, вскочив на ноги, стал настойчиво приглашать Саиду во двор.

— Там хоть и жарко, зато ветерок продувает, да я уже там и постелил, приготовил все!

Во дворе действительно все было приготовлено. Земля обильно полита водой, а среди буйно разросшихся кустов шиповника на новеньком свежеразмощенном помосте постлано несколько атласных одеял и разбросаны пуховые подушки.

Таджихон уже сидела с Саидой на помосте, а Хамидулла еще долго суетился и вел себя так предупредительно, что любая женщина, увидев эту сцену, наверное, позавидовала бы Таджихон.

Конечно, она скажет этому Хамидулле все, что думает о том, какими должны быть в наше время отношения между мужем и женой! «И как это сама Таджихон не может справиться с таким человеком», — с некоторым пренебрежением подумала Саида.

Таджихон отправилась готовить плов, а Саида, не теряя времени, сразу пошла в наступление:

— Какая у вас прекрасная жена!

После этого она довольно долго говорила об уме и авторитете Таджихон, которых, по ее словам, хватило бы на сорок мужчин; потом вспомнила, как все огорчались в «Бустоне», когда Таджихон не смогла приехать к ним в прошлое воскресенье, и, наконец, перебрав достоинства Таджихон, стала коварно хвалить Хамидуллу:

— Честь и хвала вам, Хамидулла-ака! Наверное, в том, что Таджихон-апа многого достигла, есть и ваша заслуга! Мало ли есть женщин, готовых бросить работу, если дом и так полная чаша? Но Таджихон-апа не из таких, и вам, наверное, нравится это, она, наверное, чувствует вашу поддержку?

Хамидулла сидел перед Саидой, сложив руки на животе, и, помаргивая своими кроличьими глазами, время от времени односложно и вежливо повторял, что все это верно, все это действительно так и есть.

«Хоть бы возразил что-нибудь!» — с досадой подумала Саида, но Хамидулла вовсе не собирался возражать ей. Он только похлопывал глазами да повторял свое «верно, действительно», так что Саиде волея-неволей приходилось продолжать монолог.

Так и не наткнувшись ни на одну зацепку для более откровенного разговора, Саида махнула рукой на дипломатию и перешла к прямому нравоучению.

— Есть, конечно, мужчины,— храбро сказала она,— которые только и мечтают, чтобы их жены сиднем сидели дома; при этом им и в голову не приходит, что труд существует не только для того, чтобы деньги получить и живот набить! Взять, к примеру, хоть вас: вот, скажем, провозились вы целый вечер и, наконец, исправили самое сложное радио; оно при помощи ваших искусных рук опять заговорило. Разве в эту приятную минуту вы думаете только о том, сколько вам заплатят за работу? Конечно, нет! Ну а Таджикихон-апа? С чем можно сравнить радость замечательных успехов ее знаменитой на весь район бригады! Такую радость не купишь ни за какие деньги!

Хамидулла в ответ сказал еще раз свое «верно, действительно», и Саида наивно сочла себя победительницей.

Однако на самом деле Хамидулла был вовсе не так прост, как казался, и в конце вечера сумел одним единственным вопросом свести на нет все те монологи, что Саида произнесла до плова, во время плова и после плова.

Когда Таджикихон на минуту ушла в глубь двора, чтоб на прощание нарвать для гостыи букет, Хамидулла вдруг пододвинулся к Саиде и вкрадчиво спросил ее:

— Простите за нескромность, вы сами-то замужем?

— Нет,— опешила от неожиданности Саида.

— Та-а-ак,— протянул Хамидулла,— желание выйти замуж у вас, вероятно, есть?

Саида смутилась, но, преодолев смущение, заставила себя рассмеяться:

— Не знаю...

Хамидулла в ответ тоже тихо, почти угодливо рассмеялся.

— Что ж! Это, как в старину говорили, самим богом велено. Человек без человека как земля без воды... Ах, как было бы и вам хорошо и нам хорошо, если бы вы поскорее вышли замуж! Стали бы, конечно, бесценньш образцом для Таджикихон, а ваш муж — для меня, грешного...

У Саиды даже язык отнялся от обиды и удивления, и слава богу, что Таджикихон как раз в эту секунду вернулась с целой охапкой цветов.

Муж и жена вышли вместе с Саидой за ворота. Хамидулла отвязал

от дерева вороного и с подчеркнутой предупредительностью подвел его к Саиде: мол, скатертью дорога!

22

У каждого в эти дни были свои печали и тревоги.

Как мы помним, Каландаров, услышав о первых шпильках в свой адрес, очень сердился и бросался от подозрения к подозрению, предполагая тайные козни то Саиды, то еще неизвестно чьи.

Теперь, когда люди наговорили ему столько неприятностей совершенно открыто, на собрании, его гнев сменился обидой.

«Вот, стало быть, как! — горестно думал он.— За годы, что я председатель, и урожай хлопка поднялся почти до тридцати центнеров, и трудодень до двадцати семи рублей, и к старикам я, если они глупостей не болтали, относился с почтением, и молодых, если умели слушать, учил уму-разуму, и ни одна свадьба в колхозе не прошла без меня, и ни одного покойника без меня не предали земле. А как меня отблагодарили за это? Неужели же все мои труды ломаного гроша не стоят? Ну хорошо, пусть у них в душе накопилось! Так разве нельзя было отвести меня в сторонку, как я сам, бывает, с другими делаю, и сказать мне все то же самое тихо, с глазу на глаз!» Так, не выходя из дому, сокрушался Каландаров.

А в доме Ойнисы не утихала ссора. Едва они возвращались с работы, как муж, словно старая баба, начинал пилить ее: как она в присутствии стольких мужчин не постыдилась сказать, что ей приходится прихорашиваться, чтобы он, ее муж, не бросил ее!

Что касается Хурнисы, то она даже с тела спала от двойных переживаний: во-первых, муж вот уже столько дней сидел дома и ничего не делал, а это с непривычки так ужасало ее, что она то и дело плакала; во-вторых, она приходила в неистовство от непонятливости, прямо-таки тупости своего единственного и возлюбленного сына Казимбека.

Дело в том, что из Ташкента приехала его невеста Манзура. Приехала всего на одни сутки, проститься с родителями — она на целых два месяца уезжала в Китай с молодежной делегацией. Будущая свекровь и будущая теща мудро решили, что перед этой новой разлукой нареченные должны непременно встретиться наедине и дать друг другу согласие. На «военном совете» было все подробно преду-

смотрено: и где должно состояться свидание двух юных сердец, и в котором часу, и в какой именно момент они должны быть оставлены наедине. Не предусмотрено осталось только одно: тупость Казимбека, который в назначенный час явился в дом Ишана не один, а, представьте себе, вдвоем с Саидой!

Должно быть, он даже не предупредил Саиду, куда ее ведет, потому что Саида вдруг забрыкалась у самых ворот, как молодая лошадка, и хотела улепетнуть, но выбежавшая им навстречу Манзура приветливо обняла ее и повела во двор.

Саида невольно залюбовалась ею: в самом деле, только чудом Казимбек за столько лет знакомства ухитрился не влюбиться в эту очаровательную девушку — стройную, как молодой тополек, и веселую, как ручей.

Тщательно составленный военный план рухнул, точно карточный домик. Хурнису взбесила тупость сына, Кифоятхон поразились недовольности дочери, вдобавок обе были возмущены «наглостью» Саиды, — но ничего не поделаешь: раз гости в доме, пришлось, как двум старым дурам, и сидеть с ними, и даже разговоры разговаривать! А уж от разговоров этих можно было просто лопнуть с досады. Посудите сами: Казимбек только и делал, что через каждую фразу называл Манзуру «сестрицей», а эта дуреха в свою очередь не нашла ничего лучшего, как сказать ему, что еще надеется, вернувшись из Китая, поплясать на его свадьбе!

К счастью, все на свете когда-нибудь да кончается, кончился и этот истерзавший и будущую свекровь, и будущую тещу разговор. Казимбек с Саидой ушли, а вечером каждая мамаша поспешила поговорить начистоту со своим чадом.

Увы, оказалось, что у детей совершенно другие проекты, чем у родителей.

Манзура показала матери фотографию какого-то прекрасного собой молодого человека с усиками, сказав, что он сейчас учится в Москве и скоро станет режиссером. В ответ на это мать зарыдала, даже не попытавшись выяснить, что значит это мудреное слово. Ишан, наоборот, разорался на дочь и даже выразил намерение прибить ее, но дочь так посмотрела ему в глаза, что он даже и замахнуться-то как следует не посмел!

Казимбек карточки не показывал, имени не называл, но тоже дал понять, что любит не Манзуру, а другую. Хурниси и рада бы покричать

на сына, но, во-первых, за стеной, как тигр, бегал из угла в угол и без того расстроенный Каландаров, а во-вторых, сын был как-никак доктор, и это мешало ей кричать на него.

Ишан, узнав поздно вечером от Хурнисы, что Казимбек любит другую, а эта старая корова, его мать, не мычит и не телится — даже не посмела прикрикнуть на сына, вернулся домой в угнетенном состоянии и, решив хоть чем-нибудь выразить свой крайний гнев и насолить окружающим, довольно удачно сделал вид, что отравился с горя.

Картина была внушительная... Ишан хрипел и катался по полу, а его верная супруга, сделав вид, что поверила мужу, с воплями бросилась ему на грудь и, раза два лязгнув челюстями, в беспамятстве закатила глаза.

Перепуганная дочь кинулась за Казимбеком.

Казимбек явился, тщательно осмотрел больных, усмехнулся и довольно быстро привел обоих в чувство при помощи такого простого средства, как стакан воды с разведенной в ней английской солью.

Добавим для ясности, что, вливая им не слишком вкусное лекарство сквозь сжатые зубы, он достаточно громко сообщил их дочери, что, если один стакан не поможет, он вольтет и по два, и по три, пока не добьется успеха.

Родители перед лицом такой угрозы поспешно пришли в себя, а Казимбек повез их дочь на станцию, потому что через час уже отходил ташкентский поезд, которым ей надо было ехать.

То, что Казимбек отправился провожать Манзуру, зажгло в душе Ишана слабую искру надежды.

— Раз не хочет жениться, зачем же повез ее на станцию? Да еще поехал с ней не в большой компании, а один!

Старшему чайханщику не приходило в голову, что в нынешнее время молодой человек может просто-напросто взять да и проводить девушку на поезд, не имея при этом за душой никакого умысла.

Ишан без долгих объяснений, захватив с собой жену, прибежал в гараж, уговорил шофера и на грузовике прикатил на станцию задолго до отхода поезда.

На перроне было безлюдно, Казимбек и Манзура прохаживались взад и вперед и чему-то беззаботно смеялись.

Ишан и Кифоятхон придирчиво наблюдали за каждым их движением с грузовика, стоявшего в темноте с потушенными фарами.

Наконец подошел поезд. Немногочисленные пассажиры заторо-

пились к вагонам, заторопились и двое молодых людей, но, увы, того, что ожидал Ишан, не случилось: его дочь крепко пожала руку Казимбеку и легко вскочила на подножку.

Казимбек помахал ей платком и спокойно пошел назад по перрону...

Муж и жена скорбно переглянулись: да, уж видно — пришла беда, отворяй ворота!

Вернувшись домой, Кифоятхон сразу же легла, завернувшись с головой в одеяло; у нее болел живот от английской соли, и она сквозь зубы, чуть слышно ругала мужа за его любовь к мнимым отравлениям: на ее памяти он выкидывал эти штуки уже не в первый раз.

У Ишана, наоборот, не было никакого желания ложиться. Он слонялся по улице, постепенно все больше наливаясь гневом против Саиды.

«Зачем Казимбек привел ее и зачем она пошла! Ведь она же знала наши виды на Казимбека, а все-таки пошла. Это она заставила Каландарова самого писать свой последний доклад. Это она добилась и того, что я теперь все реже бываю в доме у председателя, и того, что мою жену вовсе вытурили оттуда... Пстой-пстой, а не она ли два раза, и притом по вечерам, ездила вместе с Казимбеком верхом?! А как они танцевали вместе в прошлое воскресенье! Да и я раза три видел, как он шел то от нее, то к ней, да еще по вечерам. Ах я старый дурак, так вот оно что!»

Ишан засеменил в сторону сада и в минуту оказался возле окна Саиды.

В комнате горел свет и слышался говор.

Ишан, предав забвению свои года, не постыдился залезть на инжир и сверху заглянул в окно.

«Так оно и есть!»

Саида сидела на кровати, Казимбек напротив нее на стуле, оба громко разговаривали и смеялись.

Ишан прыгнул с инжира, рысью понесся домой и, подняв жену с постели, потащил ее за собой, на ходу объясняя план действий.

Когда они подошли к окну Саиды, Ишан снова взгромоздился на свой наблюдательный пункт, а Кифоятхон тихонько постучалась в дверь.

Ишан в это время так и прилип глазами к окну.

Услышав стук в дверь, Саида и Казимбек невольно переглянулись, как бы спрашивая друг друга: кто бы это мог быть? Саида поднялась с

кровати, быстрым движением оправила одеяло, пересела на стул и только теперь, еще раз взглянув на Казимбека, ртветила:

— Войдите!

Кифоятхон вошла и, как было заранее условлено с мужем, сделал вид, что ищет Ишана, всплеснула руками:

— Куда же он девался! Обыскалась, думала, может, вам чай понес! Вот так всегда по вечерам — с собаками его не найдешь! — и с этими словами вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Теперь всему конец,— уныло бубнил Ишан, бредя в темноте вслед за женой, и, презрев мужскую гордость, чтобы не споткнуться держался за подол ее платья.— Это она, чертовка, Казимбека приворожила! Если бы между ними ничего не было, разве бы они так всполошились, когда ты постучала! Хорошо еще, он не успел сказать своей матери, что влюбился в эту змею. Очень хорошо, что не успел сказать, вот видишь, как нам это на руку.

Дело в том, что в голове хитроумного Ишана созрел за это время план, как согнуть Саиду в бараний рог и пустить между ней и председателем черную кошку. Но если делать это, то надо делать как можно скорей, до того, как мать и отец Казимбека узнают, что их сын влюбился в эту проклятую Саиду!

23

Следующим утром Ишан пришел к Хурнисе и, в соответствии с составленным за ночь планом, сообщил, что Казимбек провожал вчера ночью Манзуру на поезд и они целовались так долго, что она едва успела в вагон вскочить. Посетовав при этом, что нынешняя молодежь мучает своей скрытностью родителей, Ишан рекомендовал Хурнисе на всякий случай не сообщать пока радостной вести мужу: мол, мало ли как еще дело повернется!

Расчет Ишана был прост: если бы Хурниса с горя рассказала мужу о том, что Казимбек не любит Манзуру, или, наоборот, с радостью — что Казимбек целовался с Манзурой,— и то и другое могло бы привести к объяснению между отцом и сыном. А Казимбек, начав объясняться, наверное, признался бы отцу, что любит Саиду. Но именно это и не устраивало Ишана; случись так — вся та клевета, которую он собирался возвести на Саиду, могла бы показаться Каландарову попыткой отомстить Саиде за ее невольное соперничество с дочерью Ишана.

Итак, с одной стороны, умерив горе Хурнисы, а с другой стороны, не дав расцвести ее радости, коварный Ишан спросил, нельзя ли ему повидать больного председателя,— это и было главной целью его прихода.

Исполняя строгий наказ мужа, Хурниса отрицательно замахала руками, но в это время из соседней комнаты донесся зычный голос больного:

— А ну иди сюда!

Ишан, словно танцуя на сцене, закинул волосы мизинцем левой руки за правое ухо и на цыпочках двинулся в комнату Арсланбека.

С той секунды, как он просунул свою тощую шею в приоткрытую дверь, и до той, когда он уселся на свое привычное, последнее время пустовавшее место, он успел задать, по крайней мере, двадцать вопросов подряд о бесценном здоровье хозяина, раз десять улыбнулся и раз пять отер рукавом халата не слишком обильно струившиеся из глаз слезы. Словом, за две минуты он показал столько преданности, сколько другой и за год не удосужится!

Больной выглядел как обычно, то есть как отменно здоровый мужчина. Необычными были только книги, со всех сторон лежавшие вокруг Каландарова.

Ишан не сумел скрыть удивления, и Каландаров это заметил.

— Ни одной толковой книги,— сказал он с таким апломбом, словно и в самом деле прочел все эти книги от доски до доски и не нашел в них ни малейшего толка.— Одну читаешь-читаешь, глаза лопнут, прежде чем поймешь; в другой небылицы какие-то! Настоящая книга должна быть такой, чтобы с первой же страницы на все, что тебе нужно, отвечала! А это что за книги? И нового из них не узнаешь, и старое, того и гляди, из головы выбьют!

— Вот это верно, это правильно, это уж как пить дать! — льстиво воскликнул Ишан, ожидая, что вслед за таким многообещающим началом Каландаров от книг перейдет к людям и начнет расспрашивать его, что делается в колхозе и кто, что и про кого говорит.

Однако Каландаров вовсе не имел подобного намерения. Пройдя через полосу гнева, а потом через полосу горькой обиды, он теперь находился в приступе самобичевания, тем более сильного, что это чувство для него было полной новостью. Для такого человека, как он, нужно было очень сильное потрясение, чтобы пятые сутки сидеть дома, устранившись от всех дел, всегда занимавших его с утра до ночи.

Именно таким потрясением и было для него минувшее собрание, уже на второй день после которого он решил, что в общем люди правы, а он не прав, хотя в то же время ни перед кем не виноват. Но виноватый все-таки должен быть? Должен! И на третьи сутки Каландаров нашел этого виноватого. Этим виноватым была его малограмотность!

— Ничего в тебе нет, никаких знаний,— один в пустой комнате кричал он, яростно стуча себя кулаком по лбу.— Никаких! —

Он был страстной натурой и в минуту горечи не останавливался перед явными преувеличениями.— Двух слов не могу связать! Доклад не могу написать, речь не могу сказать, совсем пропащий человек.

Однако долго чувствовать себя пропавшим человеком было не в его характере, и на четвертые сутки он решил одним приступом покончить со своей малограмотностью. Он обложился всеми книгами, которые у него с бору по сосенке собрались за долгие годы. И, не удовлетвовавшись этим, велел жене принести из библиотеки столько книг, сколько она донесет за один раз.

Он брался то за одну, то за другую, то за третью, но ни одна из них не соглашалась по первой же команде принести ему все те знания, которых он от нее торопливо требовал.

...Говорят, жил некогда великий, но смертный, как все люди, царь. И когда он почувствовал приближение смерти, то решил не умирать раньше, чем овладеет всеми знаниями, что существуют в мире. И по его строгому приказу ученые сняли самые сливки со всех книг, что были на свете, и переписали их в новые книги. Но и этих новых книг оказалось так много, что их еле поднял самый сильный верблюд. Тогда царь приказал снять сливки с этих сливок, и ученые сделали это и переписали сливки снятые со сливок, в новые книги. Но и этих новых книг оказалось тоже немало, их еле могли погрузить на самого сильного ишака. Тогда царь велел снять сливки со всех книг, погруженных на ишака, и переписать эти сливки в одну-единственную книгу. И ученые после многих трудов наконец сделали это. Но когда они сделали это и принесли книгу царю, царь умер, не успев дочитать первой страницы...

Вот бы Каландарову такую книгу!

В колхозе было немало образованных людей, а в колхозной библиотеке достаточно книг, и если бы Каландаров давно спрятал в карман свою заносчивость и самолюбие, нашлись бы и люди, охотно помогшие ему, и книги, охотно открывшие перед ним свои страницы.

Но в том-то и беда, что самолюбие даже и теперь мешало Каландарову пойти этим, для всех открытым путем. Он страстно хотел овладеть недостающими ему знаниями, но хотел овладеть ими втайне от всех и сейчас с надеждой смотрел на своего старого наперника Ишана, словно тот мог ему подсказать, как это сделать.

Однако Ишан не только не мог, но, если бы даже и мог не стал бы ему подсказывать. Он пришел совсем с другой целью и, еле дождавшись первой паузы, с торжеством вытащил из-под халата свежий номер районной газеты. Он считал, что этот номер в его умелых руках окажется ножом, который можно будет не только вонзить в самолюбивое сердце председателя, но и несколько раз с наслаждением повернуть в ране.

Дело в том, что районная газета посвятила собранию в «Бустоне» целую страницу и даже в предисловии от редакции назвала это собрание важным событием в жизни колхоза.

Прочтя эту страницу непредубежденно, нетрудно было понять, что газета не стремится никого проработывать, в том числе и Каландарова. Придавая большое значение той здоровой инициативе, которая проявилась на собрании, газета просто хотела, чтобы люди других колхозов взяли пример с «Бустона».

Если читать непредубежденно,— но Ишан вовсе не собирался этого делать, наоборот, он вытащил из-за пазухи газету, заранее грозно исчерканную карандашом, и с места в карьер стал читать ее Каландарову таким тоном, словно речь шла о пожаре или наводнении.

Ишан был достаточно умен, чтобы читать все подряд, ничего не пропуская, но читал он так, что одни фразы превращались в гору, а другие — в пылинку; одни он выкатывал из рта, как арбуз, а другие проглатывал, как кишмиш! В итоге он довольно ловко превратил статью чуть ли не в обвинительный акт против Каландарова, поставив все вверх ногами, а в заключение, не теряя времени, стал комментировать ее как бог на душу положит.

— Вот видите,— как змея, шипел он в самое ухо Каландарову,— обсуждали-то Зульфакарова, а палки-то ломают о вашу голову! Фамилия Зульфакарова встречается всего раз, а ваша — пять раз: «Каландаров поверхностно отнесся к этому вопросу!» «Каландаров недопонял!» Это вы-то, вы недопоняли! Они допоняли, а вы недопоняли! Я все это заранее предчувствовал. Я бы давно вам это сказал, но эта проклятая Саида встала между нами, и я устранился и один лил слезы

но ночам, горюя за вас! Вам никто не скажет правды, а я скажу: Насыров хочет съесть живьем все кадры, заботливо выращенные товарищем Кадыровым, и он начал с вас и специально подсунил вам, как кочергу, свою Саиду, чтобы по уголькам расшвырять весь ваш авторитет!

— Ну, ну, не горячись,— неуверенно попробовал остановить его Каландаров, сам при этом теряя последние остатки хладнокровия.— Были у нас и хорошие дела с тех пор, как приехала Саида!

— А как бы вы думали! — Ишан даже сладострастно изогнулся, окончательно почувствовал себя коварным визирем при доверчивом хане,— Конечно, она замазала вам глаза добрыми делами, а потом воткнула нож в спину!

Каландаров, задрожав от гнева, потянулся за газетой, но Ишан, не выпуская ее из рук, стал сам тыкать пальцем в подчеркнутые красным карандашом места, не давая Каландарову взглянуть на остальное.

— Да что газета! — сказал наконец Ишан, засовывая газету обратно за пазуху.— Я вам больше скажу! Приезжала моя Манзура в надежде скоро назвать вас отцом, а уехала вся в слезах! Вы знаете, что ей сказали? Ей сказали, чтобы она ни за что не выходила за Казимбека, потому что его отца скоро вышвырнут вон!

— Кто? Кто это сказал? — громовым голосом заорал Каландаров, схватив Ишана за руку с такой силой, что у того в глазах потемнело.

Ишан придумал эту нехитрую ложь, чтобы отвлечь внимание Каландарова от газеты и не дать ему самому внимательно прочесть ее всю целиком, но теперь, увидев, до какой степени разъярился Каландаров, сам испугался.

— Н-не знаю,— заикнувшись, пролепетал он,— она так плакала, а я так возмутился, что даже не спросил, кто это сказал.

Каландаров сердито, так, словно они теперь действительно уже не могли принести ему никакой пользы, распихал лежавшие вокруг него книги, торопливо выпил несколько глотков остывшего чая и, стацив с головы тубетейку, вытер ею вспотевший лоб.

— Что же теперь делать?

— Ехать! Сразу же! И не в райком, там правды не добьешься, там Насыров... в обком ехать! В облисполком ехать! Нельзя быть таким беспечным! Старики недаром говорят, что всего-навсего один див всего-навсего за одну ночь способен слизать языком священную гору Каффу до самого подножия, так что все, что от нее останется, будет не толще луковой шелухи! И если бы муэдзин, прокричав свой призыв к

молитве, не возвращал каждое утро гору в прежнее состояние, то давно бы уже наступил конец света! Так вот, я говорю вам как преданный друг: с первого же дня приезда эта проклятая Саида начала слизывать вас языком, как эту гору! И мне уже страшно глядеть на вас, скоро от вас одна луковая шелуха останется! И теперь у вас одно спасение: чтобы кто-нибудь из больших людей прокричал над вами, как муэдзин!.. А впрочем, вам-то что? — вдруг, словно опомнившись, тихо и горестно добавил Ишан.— Вы куда ни поедете, всюду председателем будете, а вот нам как тут без вас придется!..

Хотя Каландаров, будучи от природы слегка тугодумом, не вполне понял, почему Ишан сравнивал его то с горой, то с луковой шелухой, почему Саида слизывает его, как гору, а обком и облисполком должны для его спасения кричать, как муэдзины, однако самолюбие помешало ему признаться в своей непонятливости.

— Знаю, все сам знаю! — решительно ответил он.

— А раз знаете, чего сидите, чего ждете?

И вот спустя два дня и две ночи против нашей Саиды было составлено целое обвинительное заключение.

Хотя основные его пункты были продиктованы самим разгневанным Каландаровым, с великим тщанием завершил его Ишан, или, как он любил выражаться, «придал блеск и оформил все как полагается».

Прочитав все заявление, занявшее без малого двадцать страниц, Каландаров, по правде говоря, даже сам удивился.

«Смотри-ка, что написано! Сколько эта птичка-невеличка успела натворить за такое малое время! Вот уж правду сказал Ишан, что она, как кочерга, по уголькам хотела разбросать мой авторитет! И не без того, что при этом ею руководил сверху кто-то, державший против меня камень за пазухой!»

Хотя по ночам Каландаров писал с Ишаном заявление, по утрам он снова стал выходить на работу и даже так закрутился с делами, что с уже готовым заявлением в кармане еще несколько дней никак не мог выбраться в Ташкент.

С помощью Ишана накачав себя за ночь разговорами о мнимых злодеяниях Саиды, утром злой и невыспавшийся Каландаров волей-неволей то и дело грубил и досаждал ей, где и чем только мог.

Обиженная до глубины души, Саида хоть и старалась держать себя в руках, но, когда ничего другого не оставалось, давала сдачи.

Каландаров после таких перепалок свирепел еще больше и укреп-

лялся в убеждении, что все то, что он пишет по ночам, сушая правда. А тут еще Ишан обогатился новыми уликами против Саиды.

Оказывается, после того, как Хамидулла на прощание посрамил Саиду коварным вопросом о замужестве, между мужем и женой разыгралась крупная ссора.

Сначала, еще во дворе, Хамидулла обозвал Саиду приезжим адвокатом, присовокупив к этому некоторое количество непристойностей. Таджихон, не желая его слушать, ушла в комнату. Хамидулла последовал за ней и, видя, что это удручает жену, стал снова непристойно ругать Саиду. Таджихон не выдержала и выложила мужу, что она о нем думает. Хамидулла схватил со стола графин и шваркнул его об пол. Пробка от графина, отскочив, ударилась в зеркальное стекло буфета, и тут куски стекла полетели во все стороны. Таджихон закричала. Хамидулла в испуге увидел у нее кровь на лице и на платье. Он бросился к ней, на этот раз чтобы помочь, но она, не поняв этого, опрометью выбежала со двора. Так и не догнав ее, он вернулся домой, и в страхе стал думать о том, как она прибежит в таком виде к чужим людям и вообще что будет дальше.

Потеряв от страха голову, он решил тут же покончить с собой. В противоположность Ишану он делал это и всерьез и впервые и, не находя ничего лучшего, выпил целую бутылку попавшихся ему под руку фиолетовых чернил. Почему он решил, что это отрава — неизвестно. А впрочем, от человека, пришедшего в такое состояние, трудно требовать излишней сообразительности.

Однако бутылка чернил все-таки не бутылка молока, и сбежавшие соседи застали неудачного самоубийцу в корчах.

Словом, через час в колхозной больнице в одной комнате перевязывали жену, у которой текла кровь с поцарапанного осколками лица, а в другой — отхаживали мужа, у которого текли изо рта фиолетовые чернила.

При этом Хамидулла, который был склонен преувеличивать опасность своего положения, на всякий случай мстительно прошептал, что если он умрет, то просит считать виноватой Саиду Алиеву.

Правда, Хамидулла быстро ожил, но предсмертные слова, вытекшие из его уст вместе с чернилами, увы, не остались секретом. И, разумеется, Ишан поспешил присовокупить к заявлению Каландарова и этот грозный «материал».

Наконец Каландаров выехал в Ташкент. Прибыв туда к вечеру,

заняв номер в гостинице и отложив дела на завтра, он сразу же поспешил в цирк. Дело в том, что Арсланбек Каландаров питал к цирку давнюю и непобедимую страсть, и ни одной поездки в Ташкент не обходилось без того, чтобы он не побывал там.

Благополучно достав билет и отряхнув с себя прах всех забот и обид, Каландаров, в эту минуту совершенно счастливый, уселся в первом ряду и стал любоваться собакой, которой достаточно было крикнуть «гоп», чтобы она тут же прыгнула в кольцо с тумбы на тумбу.

Самозабвенно хлопая после окончания этого номера, Каландаров вдруг увидел, тоже в первом ряду, но только по другую сторону арены, аплодирующего так же самозабвенно, как и он, товарища Кадырова, хотя в свое время и снятого с работы, но тем не менее до сих пор горячо им любимого.

С трудом дождавшись конца первого отделения, Каландаров, толкая встречных и наступая на чужие ноги, кинулся к Кадырову.

Встреча была радостной взаимно. А как только кончилось представление, немножко похудевший, но в общем довольно жизнерадостный Кадыров потащил Каландарова к себе домой — посидеть, поговорить о том о сем, «вспомнить минувшие дни».

Кадыров работал теперь директором техникума и жил тоже при техникуме, на окраине города. Пока они шли пешком до его дома, Каландаров успел частично излить душу молча слушавшему его Кадырову, а как только они пришли и сели за стол, он, в расчете на полное сочувствие, вытащил из кармана то самое заявление, с которым он завтра, прямо с утра, собирался идти в обком.

— Натек-ка, почитайте, что у нас теперь люди творят.

Кадыров надел очки (он теперь носил очки), аккуратно разгладил на сгибах заявление и начал читать.

Долго ли он читал это заявление, и сколько потом разговаривал с Каландаровым, и что сказал ему — все это мы в точности так до сих пор и не знаем. Знаем только одно: Каландаров так и не пошел в гостиницу, а заночевал у Кадырова и на следующий день, не заходя в обком, сел в машину, поехал прямо в райцентр, к товарищу Насырову, и молча положил ему на стол свое заявление с таким видом, словно сдает нож, которым собирался зарезать ближнего.

Насыров долго и тоже молча читал заявление, а дочитав и глубоко вздохнув, только и сказал, взглянув на измученное лицо Каландарова: «Поезжайте домой, отдохните...»

Еще весной Казимбек уговорил отца передать в распоряжение больницы старый, выдавший виды колхозный «Москвич».

Каландаров сравнительно легко поддался на уговоры именно потому, что «Москвич» был старый и все равно требовал капитального ремонта. Казимбек тогда же угнал «Москвич» в Ташкент и устроил его на ремонтный завод. Как со всеми ремонтами в мире, и с этим, конечно, не обошлось без проволочек, и только теперь, в разгаре лета, Казимбек наконец получил своего «Москвича» обратно и сейчас, сам сидя за рулем, подъезжал к колхозу.

Старый «Москвич» был не только отремонтирован, но даже покрашен голубой краской, что очень радовало Казимбека. Да и, по правде говоря, какой молодой врач не обрадуется тому, что в его маленькой больнице есть своя маленькая машина, на которой можно и больного перевезти, и за медикаментами послать, и самому съездить к больным. А если уж говорить всю правду до конца, то у Казимбека по молодости лет были и другие, менее деловые, но радужные мысли, связанные с голубеньким «Москвичом»: например, в воскресенье можно будет совершить на нем небольшую прогулку, и притом не одному; в этом случае Казимбек, кажется, отнюдь не имел в виду сажать рядом с собой кого-нибудь из больных...

Словом, Казимбек возвращался домой в самом прекрасном настроении. Оставив машину на улице, он зашел на минуту домой, чтобы положить в надежное место счета на ремонт и покраску, а то еще куда-нибудь задеваются эти бумажки, потом не оберешься разговоров и в бухгалтерии и с отцом, который на этот счет хуже всех бухгалтерий вместе взятых!

Поискав глазами, куда бы спрятать бумажки, Казимбек подошел к этажерке с книгами и взял первый попавшийся ему на глаза томик в картонном футляре. Однако оказалось, что точно такая же идея уже пришла в голову кому-то раньше. В футляр была засунута целая пачка растрепанных и перемаранных листов, Казимбек заглянул в них без особого интереса, но через секунду впился глазами и прочел все, что там было написано, с начала до конца.

Пачка перемаранных листов была не чем иным, как черновиком заявления Каландарова, правда, без предсмертных фиолетовых слов

Хамидуллы, которые, как мы знаем, Ишан внес уже в самый последний момент.

Дочитав все до конца, Казимбек, пораженный, опустился на стул.

Если бы сейчас вошел кто-нибудь и сказал ему: «Твой отец умер», и тогда бы, пожалуй, он не испытал большего потрясения, чем сейчас. В первую минуту у него не было никаких мыслей и чувств, кроме беспредельного удивления и такого же беспредельного стыда. Потом он сразу подумал о Саиде: «Что с ней, с бедной, творится сейчас, если она уже узнала об этом!»

Сунув листы обратно в футляр, Казимбек побежал в правление, совершенно забыв в эту минуту о той солидной неторопливой походке, к которой он, став доктором, с большим старанием привыкал в последнее время.

Подбежав к правлению, Казимбек прежде всего глянул в открытое окно секретарского кабинета. Саида была там и, чуть склонив набок голову, внимательно слушала мужа Ойнисы, который, отчаявшись утихомирить взбунтовавшуюся жену домашними средствами, смилив мужскую гордость, пошел жаловаться на нее прямо к Саиде.

— Саидахон! — взволнованно воскликнул Казимбек.

Саида быстро обернулась; лицо Казимбека показалось ей бледным, и она подбежала к окну.

— Что случилось?

— Ничего,— сказал Казимбек, сдерживая волнение,— только что из Ташкента вернулся.

— Да-да,— с некоторым удивлением сказала девушка,— верно, вы ведь вчера туда поехали...

— Своего «Москвича» пригнал...

— А-а, ну поздравляю,— Саиду все еще удивляло несоответствие между словами Казимбека и его ужасно бледным лицом.

— Я подумал, если вы будете свободны, может быть, вместе обновить «Москвича», немножко прокатить вас.

— Спасибо,— Саида все еще вглядывалась в лицо Казимбека,— но только часа через два, раньше я не освобожусь.

Казимбек ушел,— что ему оставалось делать? А ровно через два часа подъехал за ней на «Москвиче».

Саида была уже свободна, ждала его и, с удовольствием заметив, что с его лица исчезла встревожившая ее бледность, садясь в машину, пошутила:

— Только, чур, ни слова о ваших любимых кишечно-желудочных! Меня и так в машине укачивает. Если заговорите, сразу вылезу!

Против ее ожиданий, Казимбек не отозвался на шутку. Он только подумал, что, раз она так шутит, значит, еще ничего не знает. И пока отец не вернулся из Ташкента, и пока Саиду в связи с отцовским заявлением еще не вызвали в район или область, надо поскорей рассказать ей обо всем.

Едва они выехали за кишлак, Казимбек повел машину на самом тихом ходу и, запинаясь от волнения, стал рассказывать Саиде суть того, что прочел два часа назад, правда, кое-что опуская, потому что хотел оберечь ее от особенно обидных подробностей.

Саида была поражена: ей и в голову не приходило, что Каландаров может куда-то, тем более прямо в область, поехать с заявлением на нее, однако она не выразила ни тревоги, ни страха, а, напротив, стала сама успокаивать Казимбека, снова побледневшего от стыда за отца и от тревоги за нее.

— Если Арсланбек-ака решил поехать с заявлением на меня прямо в обком,— спокойно и даже чуть-чуть насмешливо говорила Саида,— это значит, что он начал считать меня силой. Ну что ж, теперь я, выходит, могу чувствовать себя на своем месте!

Она замолчала, потому что такого железного спокойствия больше чем на одну фразу у нее все-таки не хватило. Среди всех ссор, стычек и препирательств, то и дело бросавших ее из жара в холод и обратно, она в то же время успела привязаться к своему трудному председателю, и неожиданный поступок Каландарова — что бы она там ни говорила — больно ранил ее.

— А скажите,— спросила она после долгого молчания,— это заявление написано рукой вашего отца?

— Нет, на почерк отца не похоже.

— Ну, тогда, безусловно, его писал ваш будущий тещь, — сказала она, усмехнувшись и сама до конца не понимая, зачем ей в эту минуту понадобилось уколоть Казимбека.

А он, как ужаленный, мгновенно затормозил машину и в упор взглянул на Саиду.

Она сидела неподвижно, так и не успев стереть с лица свою неуместную улыбку. Сидела и безотчетно ждала чего-то, что вот сейчас, именно сейчас, должно было произойти.

Казимбек схватил ее за руку и с неожиданной силой повернул

лицом к себе.

— Не говорите! Не смейте мне этого говорить!

Увидев его глаза, полные упрека, мольбы и обиды, Саида поняла, что слишком зло пошутила, и остатки улыбки исчезли с ее лица.

— А что я такого сказала? Разве...

Все-таки наша Саида любила самую чуточку полукавить, и она задала свой откровенно лукавый вопрос, чтобы услышать от Казимбека то, что она хотела от него услышать. Но в эту минуту вдали показался пыливший им навстречу знакомый «газик» Каландарова.

Увидев изменившееся выражение ее лица, Казимбек посмотрел в ту сторону, куда глядела Саида, и, рванув с места машину, крикнул ей:

— Нагнитесь пониже!

Саида послушно согнулась и наклонилась влево, так, что голова ее едва не легла на колени Казимбеку.

Приподняв правую руку, лежавшую на руле, и легонько придерживая ею плечо Саиды, как бы молчаливо говоря этим: «Вот так и лежите, не двигайтесь!», Казимбек продолжал гнать машину навстречу отцу.

Машина Каландарова ветром пронеслась мимо них на восьмидесятикилометровой скорости.

Саида хотела приподняться, но Казимбек все еще придерживал локтем ее плечо. «Москвич» замедлил ход, накренился и встал, тихонько ударившись обо что-то.

Ощутив на своем лице горячее дыхание все ниже и ниже наклонявшегося к ней Казимбека, Саида, задохнувшись от волнения, прошептала:

— Зачем... Я обижусь!

Казимбек поспешно — кто знает, может быть, даже слишком поспешно — поверил ей. Он отпустил руку, поднял голову: еще немножко, и он бы, кажется, попросил у нее прощения.

Удобно усевшись на свое место, Саида уже неторопливо и уверенно поправила волосы и очень ласково, но с оттенком власти, вдруг появившейся в ее голосе, сказала Казимбеку:

— Давайте поедem домой, хорошо?

Всю обратную дорогу они молчали. Казимбек чувствовал себя смущенным, а Саида искоса виновато поглядывала на его некрасивое, доброе, порозовевшее от смущения лицо. И оно, пока они ехали домой, почему-то стало казаться ей все более и более красивым.

Саида вылезла из машины на перекрестке, не доезжая до правления, и пошла к себе, а Казимбек поехал домой, обещав разузнать, с чем приехал отец, и после этого зайти к ней.

К дому Казимбек подъехал уже в сумерках. «Газик» отца стоял еще у ворот; шофер, приоткрыв капот, копался в моторе. Увидев Казимбека, он, вздохнув, сказал, что Арсланбек-ака, кажется, захворал — всю дорогу от Ташкента до райцентра и от райцентра до дома ехал молча, не сказал ни одного слова, не иначе как захворал! Высказав эту догадку, шофер снова уткнулся в мотор, а Казимбек открыл калитку.

Хурниса, встретив сына посередине двора молчаливым, скорбным вздохом, прошла на веранду и, громко чиркнув спичкой, зажгла висевшую на стене лампу. При ее тусклом свете Казимбек увидел отца. Каландаров лежал на стеганом одеяле в углу веранды. Несмотря на жару, он был накрыт халатом; на белой подушке черной занятой печально лежал ус.

— Как съездили в Ташкент, отец?.. Говорят, вы нездоровы?

— Никогда в жизни еще не чувствовал себя таким здоровым,— не отрывая головы от подушки, каким-то ватным, глухим голосом сказал Каландаров,— Где Саида? Пусть сейчас же разыщут ее!

Казимбек, не теряя времени, побежал к воротам, но на полпути его схватила за рукав мать.

— Не иначе беда стряслась,— испуганно прошептала она в лицо сыну.— Спрашиваю — молчит, опять спрашиваю — опять молчит!

— Ничего,— отмахнулся Казимбек.— Вот приведу Саидахон — и все выяснится!

Услышав шаги поднимавшихся на веранду Саиды и Казимбека, Каландаров присел на одеяле и протянул руку Саиде.

Казимбек прибавил в лампе огня и с тревогой посмотрел на отца.

Лицо Каландарова заметно осунулось, а веки покрасневших глаз чуть-чуть подрагивали.

Ни словом не ответив на вопрос Саиды о его здоровье, Каландаров жестом пригласил ее сесть.

Саида опустилась на одеяло, Казимбек присел на перила, а поднявшаяся со двора Хурниса робко остановилась на ступеньке.

Каландаров, словно он никак не мог найти удобного положения, с минуту посидел, потом прилег, облокотился на подушку, потом снова сел. Кажется, он хотел заговорить, очень спокойно и долго готовился к этому, но спокойствие ему никак не давалось, и, несмотря на все свои

старания, заговорил он отрывисто, после каждой фразы переводя дыхание.

— Ездил в Ташкент... Видел там товарища Кадырова... Просил он привет передать... Вам обоим... И тебе тоже...— Каландаров кивнул поднявшейся на одну ступеньку жене.— Большой привет он передал... А сейчас уйдите! Мне надо поговорить с Саидахон...

Хурнису как ветром смело, но побледневший Казимбек остался. И отец сделал вид, что не заметил.

Бросив себе на колени подушку, Каландаров долго молча сидел, нагнувшись вперед, обняв ее обеими руками и низко опустив голову.

И только когда Саиде показалось, что это молчание никогда не кончится, он наконец заговорил окрепшим, твердым голосом, хотя по-прежнему все еще не поднимая головы.

— Я ездил в обком подавать на тебя заявление.

— Разве? — печальным голосом сказала Саида, еще не понимая, зачем он ей это говорит, и судорожно вздохнула от нахлынувшего на нее волнения.

— Ездил подавать, но не подал. На обратном пути оставил его у товарища Насырова, для сведения, чтобы знал, как я писать умею, там и про него есть... А черновик хочу тебе отдать...

— Эй, Казимбек,— окликнул Каландаров сына,— там в комнате, на этажерке, в большой книге за картонку бумаги засунуты, поищи!

Искать эти бумаги, как мы знаем, Казимбеку было недолго, и через минуту он уже вернулся и протянул их отцу.

— Возьмите их у него,— сказал Каландаров Саиде, не прикасаясь к бумагам,— только в этот черновик еще одна глупость не вписана — про Хамидуллу. Ну да ладно, и так хватит! Читай! А если еще кому захочешь прочесть, тоже читай! А если захочешь всех собрать, всех собери, всем прочитай! — И тут голос Каландарова заметно дрогнул,— Только у меня к тебе одна просьба: тут почерк Ишана, ты его руку знаешь, но ты не сердись на него. Не будь я таким неучем, я бы все своей рукой написал. Весь ответ на мне, больше спрашивать не с кого. А теперь иди к себе и читай!

Каландаров замолчал и уткнулся головой в лежащую на коленях подушку. Кажется, он больше не собирался говорить ни слова, во всяком случае, сегодня...

ЭПИЛОГ

Прошло несколько лет.

В день открытия съезда женщин Узбекистана у театра имени Навои я столкнулся со своим старым знакомым, корреспондентом областной газеты Агзамджаном. Выяснилось, что нас с ним постигла общая неудача. По мужской самоуверенности мы оба не запаслись заранее пригласительными билетами, а теперь, когда съезд уже начался, их можно было достать только на вечернее заседание.

Посочувствовав друг другу, мы присели на скамейку и, дожидаясь перерыва, разговорились, вспомнили прошлое.

Оказывается, Агзамджан только сегодня утром проводил Каландарова на курорт, куда тот, с некоторой опаской и после долгих угворов, уезжал впервые в своей жизни. Весь вчерашний день они были вместе. Прочитав во вчерашнем номере «Кзыл Узбекистана» отрывок из повести «Птичка-невеличка», Арсланбек-ака весь день, оказывается, ворчал на автора:

— Мало ли что я когда-то называл Саидахон птичкой-невеличкой, зачем же теперь из этого себе шубу шить? Я давным-давно и в беседе с товарищем Насыровым признал свою ошибку, и на общем собрании пожал ей при всех руку, и сказал: «Хоть ты и правда невеличка, но, оказывается, и в самом деле можешь на своих тонких ланках удержать целое небо!» Было так? Было! А написал об этом писатель? Не написал! Ему б только старое ворошить да в глаза людям тыкать!

Насыров, как и обещал, отозвал Саидахон из «Бустона». Правда, не через год, а через два, и не обратно в райком взял, а послал секретарем в новый большой совхоз в Голодной степи. И Саида уехала не одна, а забрала с собой Казимбека. Может быть, для мужского самолюбия приятнее было бы сказать, что он забрал ее, но уж как-то так вышло у них в семье, что Саида чаще верховодит в разных семейных делах, чем Казимбек, а он, представьте себе, не очень этим огорчается.

На их свадьбе Ишан (с которым Каландаров — сильны все-таки человеческие слабости — так и не смог до конца распрощаться) чуть не испортил все веселье. В то время как отец Саиды Али-бобо, сидя, как всегда, в стороне, бубнил себе под нос свою вечную песню, Ишан вдруг с пьяных глаз заорал: «Великое спасибо отцу, вырастившему такую дочь!»

У Саиды и Казимбека растут двое детей, и Казимбек, говорят, очень доволен своей работой в новой совхозной больнице; здесь он, по

крайней мере, не получает руководящих медицинских указаний от своего отца, и это его очень устраивает.

Секретарем партбюро в «Бустоне» стал Исмаилджан Нурматов, и, говорят, их с Каландаровым теперь водой не разольешь. Может, это и близко к истине, но, наверное, иногда они все-таки ругаются, запершись вдвоем в кабинете,— характеры-то ведь у обоих кремневые...

— А как дела в семье Таджикихон? — спросил я.

Агзамджан только покрутил головой.

— Не вышло прока! Разошлись. Таджикихон ушла с обоими детьми, оставив Хамидулле все — и дом, и хозяйство, и даже половину платьев своих. Целый год потом Хамидулла подыскивал себе жену по вкусу и наконец выискал где-то в Самарканде. Она ему внушала большие надежды: во-первых, была вдовой какого-то древнего шейха, а во-вторых, пряталась под паранджу не только от мужчин, но даже от встречных петухов... Боюсь, однако, что Хамидулла и с этой женой не уживется,— смеясь, добавил Агзамджан.— В прошлом году заезжал в «Социализм»; проклятые соседки уже и ее сбили с праведного пути — ходит, бесстыдница, без паранджи, собирает вместе со всеми хлопок и даже была уже два раза на собраниях...

Двери театра открылись, и в них показалось несколько женщин.

— Кажется, перерыв,— сказал Агзамджан,— Интересно, что они там обсуждали и что решили без нас, мужчин,— добавил он, улыбаясь.

— Когда женщины берут свою судьбу в свои руки, я не беспокоюсь за правильность их решений,— сказал я.— Наверно, обсудили что-нибудь важное и решили что-нибудь хорошее, такое, что здесь аукнется, а на всем Востоке откликнется.

— А впрочем, что гадать, спросим сейчас у Саиды.

Мы поднялись со скамейки и подошли к дверям театра, поджидая, когда наконец вместе с другими делегатами выйдет и наша Саида.

Интересно, какой она стала за эти годы?

1958

Перевод К. Симонова